

А. Г. Вишневский

ВОСПРОИЗВОДСТВО
НАСЕЛЕНИЯ
И
ОБЩЕСТВО

*История,
современность,
взгляд
в будущее*

Москва
Финансы и статистика
1982

В 1990 г.

ББК 60.7
В55

ИНСТИТУТ
НАУЧНОЙ РЕФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
Академия наук СССР

499
82

Вишневский А. Г.

В55 Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее.— М.: Финансы и статистика, 1982.— 287 с., ил.

В пер.: 1 р. 60 к.

В монографии общество рассматривается как система, состоящая из многих социальных подсистем. Одна из них — население. Важнейшие вопросы взаимодействия населения и общества рассматриваются в книге. Автор привлекает обширный статистический материал для характеристики новых тенденций брачности, рождаемости, смертности населения в современном мире.

Книга рассчитана на демографов, историков, экономистов, социологов, философов и других специалистов, интересующихся проблемами населения.

В 0703000000—030 45—82
010(01)—82

ББК 60.7
312

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге речь идет о том, как общество управляет одним из самых важных для его существования процессов — воспроизводством населения. Тема не нова, ей посвящено немало книг и статей, но все же она едва ли исчерпана. Во всяком случае, автор пытается найти новый подход к этой старой теме. Его можно назвать *системно-историческим* подходом, ибо он объединяет в себе два таких важных принципа видения социального объекта, как системность и историзм.

Системность как один из важнейших принципов познания окружающей действительности изначально присуща марксистской методологии анализа общественных явлений. В последние же десятилетия системная ориентация в марксистских исследованиях приобрела особенно большое значение.

Системный подход, рассмотрение объекта исследования «с позиций закономерностей системного целого и взаимодействия составляющих его частей образует особую гносеологическую призму, или особое «измерение» реальности» [108, с. 10]. Ценность этой «гносеологической призмы» заключается в том, что она применима для анализа объектов особой сложности, понимание которых с помощью традиционных методов исследования затруднено, а иногда и невозможно. Выражаясь словами У. Р. Эшби, сказанными им о кибернетике, системный подход «отвергает смутные интуитивные идеи, извлекаемые из обращения с такими простыми системами, как будильник или велосипед» и «дает нам надежду на создание эффективных методов для изучения систем чрезвычайной внутренней сложности и управления ими» [194, с. 19]

В демографии до сих пор преобладают, скорее, несистемные, традиционные подходы к анализу изучаемых явлений. Обусловленность, детерминированность тех или иных тенденций, их изменений и т. п. понимается в том смысле, что всегда имеются какие-то конкретные внешние причины, факторы, субфакторы, одним словом, ка-

кие-то «независимые переменные», непосредственное действие которых и формирует демографические тенденции. На выявление таких независимых переменных, их классификацию, измерение силы их действия и т. п. направлены основные усилия исследователей, с воздействием на них связываются и представления о демографической политике.

Нам же кажется, что подобная логика не учитывает в достаточной степени сложности изучаемого объекта. Опираясь на получившие широкое признание исследования в области системной методологии, мы можем и должны по-новому взглянуть и на демографическую действительность, выделить демографическую подсистему общества как целостный объект, обладающий относительно устойчивой «внутренней средой», и использовать принципы подхода к изучению такого объекта, вытекающие из его системного видения [195, с. 102—103]. Этот подход позволяет в новом свете увидеть взаимоотношение демографических и недемографических процессов, части (отдельного человека или отдельной семьи) и целого внутри демографической системы, по-новому понять характер причинно-следственных зависимостей в демографической сфере и увязать трактовку причинной обусловленности демографических процессов с представлением о демографической системе как целеустремленной и самоорганизующейся.

Историзм — второе главное основание нашего подхода к анализу демографических процессов, также совершенно естественное для марксизма. Принципы функционирования демографической системы не универсальны, а исторически обусловлены, детерминированы уровнем исторического развития и соответствующими ему социально-экономическими условиями. Поэтому для нас важно не просто понять, как функционирует абстрактная демографическая система, но и увидеть, как общие принципы такого функционирования преломляются в конкретных исторических условиях, как при изменении этих условий одна целостная система сменяется другой, столь же целостной.

Формирование такой системы само есть исторический процесс ее саморазвития. Любая «органическая система как совокупное целое, — писал К. Маркс, — имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элемен-

ты общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития» [11, с. 229]. Эти слова К. Маркса приложимы и к демографической системе, в отношении которой нам важно понять, каковы предпосылки ее развития на каждом историческом этапе, в чем заключается ее движение «в направлении целостности» и как она создает «недостающие ей органы».

Демографов нередко дезориентирует кажущаяся одинаковость основных демографических процессов на всех этапах истории. Однако, как справедливо писал Б. Ф. Поршнев, «историзм требует не узнавания в иной исторической оболочке той же самой сути, а, наоборот, обнаружения по существу противоположного содержания даже в том, что кажется сходным с явлениями нынешней или недавней истории» [144, с. 54]. Суть физиологических актов рождения или смерти остается неизменной на протяжении истории, но социально детерминированные процессы рождаемости и смертности меняются очень сильно. Осмысление этих изменений чрезвычайно важно для понимания исторически определенных закономерностей функционирования демографической системы.

Разумеется, элементы системно-исторического подхода и сейчас имеются в трудах советских демографов и их коллег в социалистических странах. В исследованиях некоторых из них (О. В. Лармина, З. Павлика, П. Калатбари, В. Требичи) они занимают весьма важное место. Эти исследования как раз и указывают на научную плодотворность системно-исторического подхода. Но они же помогают понять и то, что этот подход развит еще недостаточно. Как правило, пока приходится иметь дело с фрагментарными вкраплениями системно-исторической логики в общий контекст демографических исследований, что ограничивает ее влияние на понимание сущности и закономерностей изучаемых процессов. Мы же стремимся выработать целостный системно-исторический взгляд на демографическое развитие и благодаря этому существенно расширить аналитические и прогностические возможности, вытекающие из такого подхода.

Центральное место в этой книге занимает теоретический анализ проблем социального управления демогра-

фическими процессами. Возможно, что этот анализ покажется слишком абстрактным, разочарует читателя, который хотел бы найти в книге простые однозначные рекомендации, пригодные для немедленного внедрения в практику: как снизить смертность, какой должна быть рождаемость, какими мерами демографической политики на нее можно воздействовать и т. п. Да и само чтение теоретического текста привлекает не всякого читателя. Но ведь в решениях XXVI съезда КПСС отмечена необходимость сосредоточить усилия общественных наук, в частности, на исследовании *теоретических* вопросов демографии [22, с. 145]. Без теории нет науки, без науки нет правильного понимания сложных демографических процессов, невозможно эффективное воздействие на них.

И все же мы стремились придать книге практическую направленность, избежать «схоластического теоретизирования» и «доказывания доказанного», о чем также говорилось на XXVI съезде партии [22, с. 78], разобраться в новых явлениях демографической действительности. На наших глазах «условия демографического бытия изменились коренным образом и никогда уже не будут такими, какими они были прежде» [181, с. 159]. В чем суть этих изменений, что несут они человеку и человечеству, какое место занимают в общем движении человеческого общества из прошлого в будущее? Анализ, затрагивающий иногда очень отдаленные времена, продиктован желанием лучше понять сегодняшние, животрепещущие демографические проблемы и внести реальный вклад в осмысление сложных проблем современного мира, на которое направлены коллективные усилия науки. Читатель сам сможет судить о том, в какой мере это удалось.

Автор видит свой долг в том, чтобы выразить искреннюю благодарность всем, кто оказывал ему помощь и поддержку в его исследованиях, и прежде всего коллективу Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР. Он глубоко признателен тем, кто на разных этапах работы принимал участие в обсуждении полученных результатов и подготовке их к опубликованию.

Часть I

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО УПРАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕСС

1.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

1.1.1 НАСЕЛЕНИЕ КАК ПОДСИСТЕМА ОБЩЕСТВА

Жизнедеятельность любого социального организма обязательно включает в себя выполнение функции поддержания непрерывности человеческого рода. Два основных процесса непосредственно связаны с выполнением этой функции: рождаемость и смертность.

Рождаемость — это процесс рождения детей в населении, прокреации¹, создания новых и новых поколений. Смертность — столь же непрерывный процесс вымирания поколений. Будучи противоположными по смыслу, рождаемость и смертность в своем единстве образуют непрекращающееся возобновление популяций вида *Homo sapiens*.

Разумеется, ни о какой совокупности людей нельзя говорить просто как о популяции определенного биологического вида. Любые сообщества людей — это прежде всего социальные образования; их структура, организация и функционирование намного сложнее, чем структура, организация и функционирование биологических популяций. *Общество* представляет собой ту большую систему, в рамках которой протекает вся чрезвычайно многообразная социальная жизнь людей. Внутри этой системы можно выделить множество подсистем, соответствующих различным сторонам функционирования общества как целого. Поддержание непрерывности человеческого рода, воспроизводство населения — одна из таких

¹ От лат. *procreatio* — рождение, произведение на свет

сторон, особая сфера общественного бытия, которую мы будем в дальнейшем называть *демографической*, распространяя этот термин также на все процессы и явления, преимущественно связанные с нею¹.

Объективное существование демографической сферы и дает основание говорить о человеческих популяциях, имея в виду одну из многих сторон жизнедеятельности общества, один из его «срезов». Чтобы отличить в словоупотреблении человеческую популяцию от популяций животных, а также чтобы не смешивать демографический смысл термина с тем, который мог бы вложить в него биолог, в демографии удобнее пользоваться особым термином. В советской литературе в качестве такого принято «население» (воспроизводство населения, естественное движение населения и т. п.), реже — «народонаселение». Следуя традиции, мы будем применять термин *население*, строго ограничив его смысл и обозначая им ту же совокупность людей, которая составляет и общество, но рассматриваемую только с точки зрения возобновления человеческих поколений. Одновременно в качестве синонима «населения» мы будем употреблять термин *демографическая система*. Отчасти это продиктовано стремлением избежать многозначности слова «население» и слишком часто связанной с ней подмены понятий, но главное заключается в том, чтобы уже самим термином подчеркнуть системную природу населения, присущие ему системные свойства и закономерности.

Подобное понимание соотношения населения и общества было развито рядом авторов [112; 121; 234; 250]. Например, согласно У. И. Мересте, если обозначить всю совокупность людей, составляющих общество, вектором \vec{a} , а всевозможные отношения и связи между ними — векторами \vec{C} , \vec{D} , \vec{E} , где \vec{C} — социальные в узком смысле отношения, \vec{E} — экономические, \vec{D} — демографичес-

¹ В современной литературе нет единства в отношении употребления термина «демографический». Наряду с пониманием, близким к нашему, встречается и гораздо более широкое, при котором в сферу демографического включаются процессы миграции населения, расселения, социализации подрастающего поколения и т. п. В данной работе термин «демографический» применяется для обозначения только той сферы и тех процессов, которые связаны непосредственно с возобновлением популяций людей, или, точнее, с воспроизводством населения.

кие и т. д., то общество как целое можно определить как надсистему S в виде

$$S = \{\vec{a}_i; \vec{C}_j; \vec{D}_j; \vec{E}_j; \dots\}.$$

В то же время системы

$$S_C = \{\vec{a}_i; \vec{C}_j\}, \quad S_E = \{\vec{a}_i; \vec{E}_j\}, \quad S_D = \{\vec{a}_i; \vec{D}_j\} \dots,$$

хотя и состоят из одних и тех же элементов a_i , различаются между собой, образуя соответствующие подсистемы общества как целого:

$$S_C \subset S; \quad S_E \subset S; \quad S_D \subset S; \quad \dots$$

В данном случае S_D — интересующая нас демографическая подсистема общества, или, так как подсистема сама есть система, — *демографическая система, население — люди вместе со связывающими их демографическими отношениями*. Ниже мы коснемся вопроса об этих отношениях подробнее, здесь отметим лишь, что демографические отношения, т. е. социальные (в широком смысле) отношения, в которые вступают люди по поводу своего участия в процессе воспроизводства населения, — не единственные отношения, связывающие их при участии в этом процессе. Совершенно очевидно, что существуют чисто биологические отношения, которые никак не зависят от общественных условий, но без которых невозможно продолжение человеческого рода. Для биолога-эволюциониста, генетика, специалиста по биологии размножения и т. п. важны именно эти отношения, они могут абстрагироваться (до известной степени, конечно) от общественного характера размножения людей и рассматривать население просто как популяцию живых существ, как подсистему природы, а не общества. Трактовка же населения как подсистемы общества становится возможной, более того, — единственно возможной лишь после того, как из всей совокупности отношений, непосредственно обуславливающих самовозобновление человеческих популяций, выделяются демографические (т. е. социальные) отношения, которые и приобретают значение системообразующего фактора.

1.1.2. НАСЕЛЕНИЕ КАК САМОВОЗОБНОВЛЯЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

Функционирование демографической системы заключается в ее постоянном самовозобновлении, причем, в соответствии с изложенным выше пониманием, должны непрерывно возобновляться как сами элементы системы (т. е. поколения людей, вектор \vec{a}_i), так и демографические отношения \vec{D}_j .

Говорить о самовозобновлении поколений людей как о единственной основе непрерывного существования населения в строгом смысле можно только применительно ко всему земному шару. Любые локализованные части населения мира способны к миграционному обмену между собой, т. е. в них возможен приток или отток людей. Но в конечном счете непрерывность существования как всего человечества, так и отдельных его частей определяется процессами самовозобновления поколений в результате рождения новых людей, приходящих на смену умирающим.

Процесс самовозобновления поколений может быть описан следующим образом. Пусть в некотором населении, имеющем численность $P(0)$, $f(x)$ — функция рождаемости, характеризующая вероятность рождения ребенка у женщины в возрасте x лет; δ — доля девочек среди всех родившихся, а $l(x)$ — функция дожития, описывающая вероятности дожития новорожденной девочки до возраста x . Существуют биологически заданные рамки (видовые константы для *Homo sapiens*), ограничивающие сверху изменения $f(x)$ и $l(x)$ для населения в целом, но внутри этих рамок они могут изменяться в довольно широком диапазоне. Функции $f(x)$ и $l(x)$ определяют режим воспроизводства населения (точнее — женского населения), служат его экзогенными параметрами. Режим воспроизводства населения постоянно меняется, но для простоты можно допустить, что на протяжении длительного времени режим, т. е. его экзогенные параметры $f(x)$ и $l(x)$, остается неизменным. Тогда мы получим так называемое *стабильное* население. Обобщенным выражением указанных функций в таком населении служат для $f(x)$ брутто-коэффициент воспроизводства населения $R = \delta \int_0^{\infty} f(x) dx$, для $l(x)$ — средняя продолжи-

тельность предстоящей жизни при рождении $e_0 = \int_0^{\infty} l(x) dx$ (параметры $f(x)$ и $l(x)$ однозначно определяют R и e_0 , обратного же однозначного соответствия не существует).

В условиях указанной стабильности экзогенным параметрам $f(x)$ и $l(x)$ на входе системы однозначно соответствуют эндогенные параметры режима воспроизводства населения на ее выходе:

нетто-коэффициент воспроизводства населения — показатель его увеличения за время T , равное длине поколения $T = \int_0^{\infty} x f(x) l(x) dx / \int_0^{\infty} f(x) l(x) dx$,

$$R_0 = \delta \int_0^{\infty} f(x) l(x) dx ;$$

истинный коэффициент естественного прироста населения — показатель его увеличения за стандартную единицу времени (обычно за год), который может быть выражен через R_0 и T ,

$$r = \frac{\ln R_0}{T} ;$$

возрастная структура населения

$$C(x) = \frac{e^{-rx} l(x)}{\int_0^{\infty} e^{-rx} l(x) dx} .$$

(Здесь e — основание натуральных логарифмов; его не следует смешивать с символом e_x или $e(x)$, принятым для обозначения средней продолжительности предстоящей жизни в возрасте x .)

Еще одна важная эндогенная характеристика населения — его численность в момент t :

$$P(t) = P(0) e^{rt} .$$

В частном случае, когда число рождающихся равно числу умирающих, $R_0 = 1$, а $r = 0$, численность населения не изменяется, иначе говоря, не зависит от времени. Это — так называемое стационарное население. Но в более общем случае $R_0 \neq 1$, $r \neq 0$ и численность населения изменяется. Иногда для оценки скорости роста

пользуются наглядным показателем — временем удвоения первоначальной численности, т. е. временем, за которое достигается равенство $P(0) e^{rt} = 2P(0)$. Так как $\ln 2 = 0,6931$, время удвоения численности

$$t_{\text{удв}} = \frac{0,6931}{r} .$$

Режимы воспроизводства населения никогда не остаются совершенно неизменными во времени. Поэтому численность и возрастная структура любого населения, наблюдаемого в какой-либо момент времени, представляет собой результат интерференции различных сменявших друг друга до этого момента режимов воспроизводства. Естественно, что при этом возрастная структура обычно не соответствует остальным характеристикам режима данного момента (т. е. приведенное выше соотношение для $C(x)$ не выполняется) и приобретает значение самостоятельного фактора роста численности населения.

Самовозобновление реальных поколений в ходе непрерывной смены режимов можно, следовательно, охарактеризовать как процесс изменения во времени возрастного состава $C(x, t)$ под влиянием взаимодействия функций рождаемости $f(x, t)$ и дожития $l(x, t)$ и изменения численности населения $P(t)$ в результате взаимодействия всех трех функций — $f(x, t)$, $l(x, t)$ и $C(x, t)$. Мерой изменения численности $P(t)$ служит коэффициент естественного прироста k , который, в отличие от истинного коэффициента естественного прироста r , зависит от возрастной структуры. Если время изменяется с шагом в год и \bar{k} — среднегодовой коэффициент, то

$$P(t) = P(0) e^{\bar{k}t} .$$

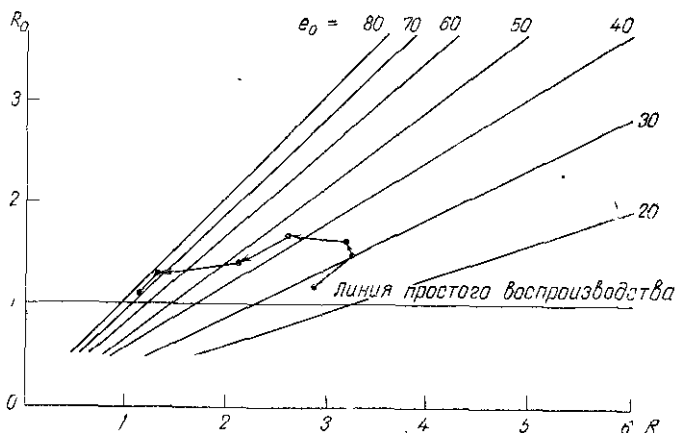
В то время как неустойчивость экзогенных параметров режима воспроизводства все время дестабилизирует население и порождает несоответствие между этими параметрами и возрастной структурой (с точки зрения стабильности в указанном выше смысле), в демографической системе всегда действуют силы, направленные на ослабление этого несоответствия. Влияние предыдущей возрастной структуры на последующую по мере удаления от некоторого исходного момента ослабевает, и современная структура все менее зависит от исходной и все более — от динамики функций рождаемости и дожития

за прошедший период. Такое свойство, названное Дж. Хаджналом свойством слабой эргодичности, имеет большое практическое значение, так как приводит к автоматическому сглаживанию последствий различных катастрофических событий в жизни населения (эпидемий, войн и т. п.), сильно деформирующих его возрастную пирамиду. Если же, начиная с какого-то момента, экзогенные параметры режима становятся постоянными (в действительности возможно лишь большее или меньшее приближение к этой теоретической ситуации, полное постоянство функций рождаемости и дожития крайне мало вероятно), то население стремится к предельному состоянию, при котором оно становится стабильным (свойство сильной эргодичности) [165, с. 56].

Воспроизводство населения — массовый случайный процесс, его режим формируется в результате объединения массы *демографических исходов* жизни отдельных людей. Применительно к только что изложенной схеме описания самовозобновления поколений можно говорить о трех видах индивидуальных демографических исходов: витальном, прокреационном и репродуктивном (воспроизводственном). *Витальный* исход — это число лет, которое проживает женщина от рождения до смерти, *прокреационный* исход — число дочерей, которое она рождает за всю жизнь, *воспроизводственный* исход — то их число, которое доживает до возраста матери в момент их рождения. В отдельной индивидуальной жизни может реализоваться только один из всего множества демографических исходов каждого вида, причем предсказать его заранее невозможно. Когда же мы переходим от отдельного человека или отдельной семьи к населению, то здесь может реализоваться все множество потенциальных демографических исходов, и все дело в том, какова вероятность появления того или иного исхода в общей их массе.

Можно представить себе, что появление любого из возможных исходов равновероятно: одинаковое число женщин рождает 1, 2, 3 и т. д. дочерей или не рождает ни одной, одинаковое число родившихся дочерей умирает в каждом возрасте — и в 0, и в 20, и в 100 лет. Известно, однако, что в действительности такой равновероятности нет. Всегда есть женщины, не рождающие ни одного ребенка или рождающие 12 детей, но вероятность этих исходов намного меньше, чем вероятность

рождения, скажем, 1—2 детей в современной городской семье или 5—6 детей в традиционной сельской. Всегда есть люди, умирающие в молодости, но вероятность умереть в старости или в первые дни жизни существенно выше. Равновероятность демографических исходов свидетельствовала бы о том, что их разнообразие никак не упорядочено. Неодинаковость вероятностей различных исходов говорит о том, что это разнообразие определенным образом упорядочено, ограничено.

Для иллюстрации нанесены точки, соответствующие режимам воспроизводства населения нашей страны в 1838—1851 гг., 1874—1883 гг., 1894—1903 гг., 1926—1927 гг., 1938—1939 гг., 1958—1959 гг. и 1975—1976 гг.

Рис 1. Поле возможных режимов воспроизводства населения

Но может быть сам этот порядок случаен в том смысле, что у каждого населения он свой, определяется какими-то особыми, неповторимыми в другой ситуации факторами? График на рис. 1 — *поле возможных режимов воспроизводства населения* — позволяет представить на нем одной точкой, соответствующей двум входным и одному выходному параметрам режима, практически любой режим, который может встретиться в человеческом обществе. Если бы при рассмотрении большого числа населений выявилось, что точки, характеризующие их режимы воспроизводства, размещены на графике равномерно, это подтвердило бы предположение о случайном характере факторов, упорядочивающих демографические исходы в различных населенных пунктах. Но, как будет показано в дальнейшем, многообразие реальных режимов

воспроизводства само, как правило, определенным образом упорядочено, точки группируются в ограниченных зонах графика и для одного и того же населения в обычных условиях на протяжении длительного времени смещаются незначительно.

Упорядоченность демографических исходов указывает на то, что демографической системе свойственны *процессы управления*. Ведь управление, в философско-кибернетическом смысле этого понятия, — это и есть упорядочение системы, обеспечивающее сохранение ее качественной определенности и выполнение ею своих специфических функций [32, с. 25—26; 128, с. 25]. Стало быть, самовозобновление поколений — управляемый и, как мы увидим ниже, самоуправляемый процесс. Понимание механизмов такого самоуправления — ключ к пониманию всего функционирования демографической системы.

1.1.3. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И ВНЕШНЯЯ СРЕДА. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ

Хотя режимы воспроизводства населения и их экзогенные параметры никогда не остаются абсолютно неизменными, они все же обладают относительной устойчивостью, связанной с устойчивостью поведения элементов a_i демографической системы S_D , существенно большей, чем устойчивость внешней среды.

Система S_D — открытая, она постоянно взаимодействует с $S_C, S_E \dots$, выступая по отношению к ним как единое целое¹. Предположим, что в этом взаимодействии достигнута идеальная согласованность и ей соответствует некоторое устойчивое состояние демографической системы. Назовем такое состояние *демографическим равновесием*. Его можно определить как равновесие между

¹ Строго говоря, S_D взаимодействует с более широко понимаемой внешней средой, включающей не только различные подсистемы общества, но и природные компоненты (например, природно-экологические), но для простоты мы говорим лишь о взаимодействии с социальными подсистемами. Такое упрощение в известной мере оправдано как относительно малой изменчивостью природной среды (по сравнению с социальными изменениями), так и тем, что значительная часть природных изменений влияет на S_D не непосредственно, а, скажем, через изменения в S_E . Отказ от упомянутого упрощения не изменил бы общего хода рассуждений.

процессами рождаемости и смертности, с одной стороны, и всеми остальными протекающими в обществе процессами — с другой, в условиях, заданных взаимодействием этих процессов.

Однако в реальном мире идеальное сохранение демографического равновесия крайне маловероятно. В результате то ли независимых изменений среды, то ли изменения выходных параметров системы (в частности, параметр $P(t)$ может изменяться даже при длительном сохранении демографического равновесия до тех пор, пока не достигает некоторого «потолка») взаимосогласованность демографических, с одной стороны, и всех прочих социальных процессов — с другой, постоянно нарушается.

Так, численность населения, живущего в пределах ограниченной территории, может стать настолько большой, что начинается истощение естественных ресурсов, снижается производительность труда, падает благосостояние и т. д. Иногда общество может ответить на подобные изменения резким повышением эффективности производства, что нередко требует коренных перемен во всей его жизни. Например, К. Маркс писал о причинах гибели общинного строя: «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан» [11, с. 474].

Демографическое равновесие представляет собой важный компонент «заранее данных объективных условий», о которых писал К. Маркс. Если оно нарушается в узловые моменты истории, когда общество всем своим развитием подготовлено к крупным переменам, то возврат к прежнему демографическому равновесию может оказаться и не обязательным. Реальной альтернативой ему оказывается переход к другому, новому демографическому равновесию.

Но такая альтернатива возникает нечасто. Общинный строй существовал тысячелетия в относительно неизменных условиях, поколения же обновляются каждые 20—

30 лет. Сотни поколений сменялись, не нарушив необратимо демографического равновесия, при одних и тех же экономических, социальных и прочих внешних по отношению к демографической системе условиях, несмотря на резкие колебания среды, связанные с сильной зависимостью человека от стихийных сил природы, неизбежные социальные катаклизмы и т. п. Коль скоро возможности поддержания демографического равновесия путем воздействия на внешнюю среду ограничены, оно должно обеспечиваться путем приспособления к внешним возмущениям.

Существуют разные типы реагирования на внешние возмущения. Всякая относительно автономная, относительно изолированная система — будь то живой организм, биологическая популяция или все человеческое общество — постоянно подвергается потоку воздействий со стороны внешней среды, которые с точки зрения самой системы совершенно случайны. Если при этом система не гибнет, не исчезает, не сливается со средой, а сохраняет свою целостность и специфичность, то это как раз и означает, что она обладает свойством противостоять случайным воздействиям извне благодаря своей внутренней организации. При этом чем более сложна внутренняя организация системы, тем выше ее способность «буферировать» воздействия внешней среды. И наоборот, чем меньше система зависит от случайных воздействий извне, тем более сложной может быть ее внутренняя структура, более развитыми, дифференцированными, многообразными — ее функции. По существу, любое развитие, в частности развитие жизни на Земле или историю общества, можно рассматривать как непрерывное восхождение от менее сложных к более сложным системам и соответственно от систем, сильно зависящих от случайных внешних воздействий, к системам, зависящим от них все менее и менее. Простая биологическая аналогия позволяет пояснить эту мысль.

Температура тела пресмыкающихся изменяется в соответствии с изменениями температуры среды, поэтому, например, температура тела змеи или ящерицы днем не такая, как ночью. У птиц же и млекопитающих температура тела днем и ночью, летом и зимой остается более или менее постоянной, обычно близкой к 37°C. Такое постоянство обеспечивается наличием в организме теплокровных животных системы терморегуляции, функцио-

нирование которой подчинено определенной фиксированной цели — поддержанию температуры тела в заданных пределах, даже если температура внешней среды существенно (по, конечно, не беспредельно) изменяется. Система терморегуляции — одна из многих систем, обеспечивающих важнейшее свойство организма, — постоянство его внутренней среды независимо от изменений внешней среды. «Постоянство внутренней среды, — писал открывший это свойство К. Бернар, — есть условие свободной, независимой жизни».

Аналогия с живым организмом, имеющим постоянную внутреннюю среду, помогает понять многое в функционировании демографической системы. Рассуждая абстрактно, можно представить себе две возможности функционирования такой системы: либо она не имеет никакой фиксированной цели, а просто реагирует на воздействия извне (подобно тому, как температура тела холоднокровных животных реагирует на изменения внешней температуры), либо, подобно системе терморегуляции теплокровных, имеет некоторую «цель», достижение которой обеспечивается в значительной степени независимо от того, как складывается текущая конъюнктура отношений населения и среды. Стремление к восстановлению постоянно нарушаемого демографического равновесия обеспечивается в обоих случаях, но не одинаковой ценой. При реакциях второго типа эта цена будет существенно меньшей, ибо система в этом случае не следует за любыми изменениями среды, а изменяется в значительно более узких границах.

По-видимому, демографическая система, как правило, функционирует именно вторым способом. Как наблюдаемые факты (относительная устойчивость входных, а тем более — благодаря эргодическим свойствам — выходных параметров), так и общие представления о социальных системах как весьма развитых и сложных наводят на мысль, что демографическая система также должна иметь свою постоянную «внутреннюю среду» (разумеется, не биологического, а социального происхождения) и свою устойчивую внутреннюю цель. Конечно, эту цель едва ли можно назвать с такой же определенностью, как цель терморегуляции человеческого тела. Но дело не в количественной определенности, а в признании того факта, что демографическая система обладает механизмами управления своим поведением «изнутри»,

механизмами *самоуправления*, подчиненными внутренним же ориентирам ее функционирования. Благодаря этому устойчивость демографических процессов оказывается гораздо большей, чем устойчивость внешних по отношению к демографической системе условий, а в функционировании этой системы имеются существенные элементы упреждения, не допускающие назревания конфликта между демографической и другими подсистемами социального целого, чреватого необратимым нарушением демографического равновесия.

Откуда берется эта цель? Ее происхождение — историческое. За десятки тысячелетий человеческой истории накопился огромный опыт взаимодействия воспроизводства населения с другими социальными процессами. Ценой многочисленных проб и ошибок, вероятно, ценой гибели многих населений были выработаны нормы демографического поведения, обеспечивающие наибольшую устойчивость населений, живущих в той или иной природной и социальной среде со свойственными ей колебаниями. Способность предвосхитить возникновение наиболее опасных ситуаций во взаимоотношениях населения и среды есть лишь результат «самообучения» демографической системы, «запоминания» пережитого опыта. Таким образом, цель в данном случае — это просто отражение в функционировании системы объективных условий долговременного поддержания наибольшей устойчивости вблизи точки демографического равновесия, состояние, к которому, благодаря своей внутренней организации, всегда приходит система, даже если внешние условия существенно (но не беспредельно) меняются. Такое состояние, «которое может меняться, но которое относительно постоянно» (У. Кенноп) называется гомеостазом. Способность к достижению гомеостаза — свойство сложных систем, отражающее их внутреннюю организованность, богатство и развитость их внутренних связей и отношений, наличие многократно дублирующихся каналов обратной связи. Информация о состоянии системы как целого поступает по этим каналам к элементам системы и оказывает управляющее воздействие на их поведение, приводит его в соответствие с целью функционирования системы. Применительно к демографической системе будем говорить о *демографическом гомеостазе* и попытаемся понять его природу и его роль в жизни населения.

1.2. БИОЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ САМОВОЗОБНОВЛЕНИЕМ ПОПУЛЯЦИЙ В ПРИРОДЕ

1.2.1. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА САМОВОЗОБНОВЛЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ

Способность к гомеостатическому регулированию размножения присуща отнюдь не только населению. Любая биологическая популяция есть система, состоящая из множества элементов — индивидуальных организмов — и связывающих их отношений, и обладает большей или меньшей способностью к самоорганизации, большей или меньшей независимостью от воздействий внешней среды. Однако сложность как организмов, так и отношений между ними, даже если рассматривать и то и другое только с точки зрения процесса размножения, а соответственно и способность к саморегулированию этого процесса у разных видов неодинаковы. Эффективность механизмов саморегуляции повышается в ходе биологической эволюции. Вся история жизни на Земле есть история нарастающей внутренней дифференциации, усложнения биологических систем — организмов, популяций, видов, биоценозов — и связанного с этим роста их независимости от внешней среды в результате усиливающейся способности к саморегуляции. Как отмечал И. И. Шмальгаузен, «дифференциация разнообразных единиц жизни всегда дополнялась интеграцией, а последняя получала свое высшее выражение в развитии регуляторных механизмов» [189, с. 182].

Эта общая закономерность находит яркое выражение в развитии одной из важнейших функций живого — функции размножения. С появлением первых живых организмов и одновременно качественно новых явлений — жизни и смерти — появился и процесс размножения популяций, длящегося существование которых обеспечивается непрерывным взаимодействием массы рождений и смертей отдельных организмов. Историческая тенденция заключается в том, что, не утрачивая единства, рождаемость и смертность приобретает относительную самостоятельность, которая все время растет. «У одноклеточных смерть совпадает с размножением» [170, с. 17—18], но «в ходе эволюции многоклеточных размножение и смерть оказываются рядами как бы не связан-

ных друг с другом процессов» [169, с. 6]. И производство потомства, и смерть постепенно приобретают свои собственные детерминанты и все возрастающую независимость друг от друга. Естественная смерть перестает быть необходимым следствием размножения и становится результатом старения организма. Обособление производства потомства от смерти ведет к тому, что и процесс размножения популяции, не утрачивая своей целостности, становится все менее элементарным. Его внутренняя дифференциация выражается в нарастающей поляризации рождаемости и смертности, а взаимное движение этих двух противоположностей создает имманентную основу прогрессивной эволюции размножения как на индивидуальном, так и на популяционном уровнях.

Функция размножения постепенно приобретает относительную самостоятельность в рамках общей жизнедеятельности организма и в то же время сама становится внутренне дифференцированной, а функционирование организма в сфере размножения становится более сложным, гибким, переменным. Но «если эволюция организмов протекает в надиндивидуальных системах, то это, конечно, связывается с перестройкой и этих систем» [189, с. 166].

Появление в ходе эволюции новых свойств живых организмов — как специфических, связанных непосредственно с размножением (таких, например, как половое размножение, неоднократность производства потомства, высиживание яиц, живорождение, вскармливание молоком и т. п.), так и неспецифических (скажем, развитие постоянства внутренней среды организма) — влечет за собой значительное усложнение процесса размножения популяций. С одной стороны, оно ведет к повышению выживания потомства благодаря росту его защищенности и независимости от внешней среды, с другой — делает возможной регуляцию всего процесса размножения популяции путем изменений в рождаемости, ее приспособления к уровню смертности (путь, недоступный до обособления рождения от смерти: при размножении делением повышение дожития тождественно количественной экспансии вида). Кроме того, в процессе эволюции видов усложняется сама структура популяций: в какой-то момент появляется дифференциация членов популяции по полу и возрасту, увеличивается число сосу-

ществующих поколений. Все это ведет к усложнению внутривидовых отношений, которые существенно влияют на выживание и на производство потомства.

Усложнение, обогащение как свойств самих организмов (и вытекающее из этого изменение видовых констант, таких, как продолжительность жизни или плодовитость), так и связанных с размножением отношений между организмами (что влияет на реализацию потенциальных возможностей, определяемых названными константами), равно как и структуры популяций, ведут в конечном счете к возникновению и развитию гомеостатических механизмов, повышающих независимость процесса размножения популяции от внешней среды.

1.2.2. БИОТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Итогом процесса размножения служит рост численности популяции. Известно, что популяция любого биологического вида, если она не наталкивается на внешние ограничения, обладает способностью к очень быстрому увеличению численности. Еще Ч. Дарвин писал в «Происхождении видов»: «Удалите то или иное препятствие, сократите, хотя незначительно, истребление, и численность вида почти моментально возрастет до любых размеров» [74, с. 317]. В литературе приводится множество оценок возможных результатов неограниченного размножения самых различных видов — от слонов (подсчет самого Ч. Дарвина) до инфузорий. Во всех случаях получаются огромные величины, микроскопические организмы оказываются в состоянии за короткое время покрыть всю поверхность земного шара, превзойти его объем и т. п.

Способность вида к размножению может быть описана с помощью понятия *биотического*, или *воспроизводственного* (reproductive), *потенциала*. Оно было введено в 1928 г. Р. Чепменом и получило широкое распространение, но не всегда понимается однозначно. Как отмечает Ю. Одум, для одних оно означает некоторую туманную репродуктивную способность, таящуюся в популяции, которая была бы просто ужасающей, но, к счастью, никогда не проявляется в полной мере благодаря воздействию среды, для других — просто максимальное число яиц, семян, спор и т. д., которое может произвести наиболее плодовитая особь [133, с. 233].

Чаще всего биотический потенциал характеризуется максимальным темпом роста r_{\max} популяции, стабильной в смысле А. Лотки, в нелимитирующей среде. Разница же между r_{\max} и $r_{\text{факт}}$ рассматривается как мера сопротивления среды [76, с. 210—213; 133, с. 233]. В силу зависимости $R_0 = e^{rT}$ биотический потенциал может также характеризоваться величиной $R_{0\max}$. Но, так как длина поколения T у разных видов разная, при сравнении биотического потенциала различных видов удобнее пользоваться показателем r_{\max} , измеряющим темп роста популяции за общепринятые единицы времени (день, неделю, год и т. п.). Скорость роста популяции можно характеризовать также временем удвоения ее численности (см. 1.1.2).

Биотический потенциал всегда весьма высок, хотя и далеко не одинаков у разных видов. Популяции микроорганизмов и одноклеточных обладают таким потенциалом, что могут удваивать свою численность за несколько часов, некоторым насекомым для этого требуются считанные дни, у крупных млекопитающих срок удвоения исчисляется годами. Важно, однако, понимать, что биотический потенциал вида никогда не реализуется полностью. Ни одна популяция не растет в соответствии с темпом r_{\max} , а имеет некий фактический темп роста $r_{\text{факт}}$, причем $r_{\text{факт}} \ll r_{\max}$. Более того, до известной степени справедливо даже утверждение, что в длительные промежутки времени при устойчивых, сложившихся экосистемах популяции, как правило, вообще не растут, сколь бы высоким биотическим потенциалом они не обладали. В целом можно считать общепризнанным, что «огромное большинство видов животных организмов обладают замечательным постоянством численности от года к году» [173, с. 81], а ее колебания по сравнению с теоретически возможными сравнительно невелики [76, с. 225; 115, с. 33]. Иначе говоря, даже при огромных различиях в биотическом потенциале (r_{\max}) разных видов $r_{\text{факт}}$ у них оказываются в среднем примерно одинаковыми и близкими к нулю.

Из сказанного ясно, что биотический потенциал можно рассматривать как характеристику *экономичности* размножения популяции. Для поддержания простого возобновления поколений необходима лишь часть, нередко ничтожная, производимого потомства. Все, что продуцируется сверх этого, обречено на гибель в ходе

взаимодействия с внешней средой и представляет собой цену, которую вид платит за выживание. Уменьшение биотического потенциала — свидетельство снижения этой цены и ослабления «бремени размножения», которое тяготеет над жизнью вида, — говорит о повышении экономичности размножения.

Разумеется, неверно было бы понимать низкую экономичность размножения как нечто безусловно плохое, а высокую — как нечто безусловно хорошее. Если бы не огромное количество видов с низкой экономичностью размножения, было бы невозможно существующее богатство живой природы. Виды с высоким биотическим потенциалом образуют основания экологических пирамид, находятся ближе к началу пищевых цепей. То, что пропадает «неэкономично» с точки зрения размножения одних видов, весьма эффективно потребляется в качестве пищи другими.

Однако для вида экономичность размножения имеет очень большое значение, поскольку у видов, у которых она низка, производство потомства требует таких энергетических затрат, которые делают невозможным энергообеспечение достаточного разнообразия функционирования организма. И наоборот, у видов с высокой экономичностью размножения на производство потомства тратится меньше энергии, благодаря чему становится возможной более сложная и дифференцированная организация и большее разнообразие функций. Здесь, по существу, мы имеем дело с проявлением более общей закономерности — ростом упорядоченности, организованности живой материи в ходе биологической эволюции, что и находит выражение в возрастании способности организмов использовать жизненные ресурсы.

1.2.3. КОЛЕБАНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ПОПУЛЯЦИИ

Биотический потенциал, характеризуя экономичность размножения, указывает одновременно на различные стороны этого процесса, в частности на его устойчивость, на степень зависимости размножения вида от контролирующих его факторов внешней среды. Уменьшение биотического потенциала — свидетельство того, что эта зависимость ослабевает, а значит, ослабевает и роль случайности в воспроизводственном процессе. Например, у рыб, производящих нередко по несколько сот миллио-

нов икринок, вероятность того, что икринка превратится в рыбу и в свою очередь даст потомство, чрезвычайно мала. У млекопитающих же вероятность выживания одного из немногих детенышей несравненно выше благодаря намного лучшей защищенности потомства от воздействия случайных внешних факторов.

Однако и у видов с низким биотическим потенциалом случайность как фактор воспроизводства популяции отнюдь не исключается. Вероятность благоприятного исхода (т. е. выживания, достижения зрелого возраста и участия в производстве потомства) для отдельного, взятого наугад организма, конечно, повышается, но все же она еще далека от единицы. Выживание популяции требует сохранения значительного «запаса прочности» — отсюда избыточность биотического потенциала у всех видов, в том числе и у тех, у которых он сравнительно невелик. В рамках «запаса прочности» переменные, характеризующие процесс размножения (рождаемость, смертность, темпы роста популяции и т. п.), могут изменяться, не затрагивая видовые константы. Иными словами, возможны, а по ряду причин и неизбежны колебания этих переменных, проявляющиеся с наибольшей очевидностью в колебаниях численности популяций.

Эти колебания неплохо изучены. У разных видов они вызываются различными конкретными факторами, бывают периодическими (в том числе, сезонными) и непериодическими, очень сильно отличаются амплитудой и т. д. Естественно, в частности, что амплитуда колебаний существенно зависит от биотического потенциала, указывающего на границу возможного увеличения численности популяции за единицу времени, от плодовитости, продолжительности жизни, длины поколения, а также от возрастной структуры популяции, от которой зависят ее эргодические свойства, способность амортизировать влияние кратковременных колебаний рождаемости и смертности и сглаживать их последствия. Поэтому организмы «с короткой продолжительностью жизни и с высокой репродуктивной способностью более чувствительны к кратковременным флуктуациям среды; численность их популяций нередко увеличивается или уменьшается в сотни и даже тысячи раз за несколько дней или недель» [150, с. 239]. В то же время «популяции крупных растений и животных с большой продолжительностью жизни и медленным размножением сравнительно нечувстви-

тельны к изменяющимся условиям среды вследствие заложенных в них способностей к гомеостазу» [150, с. 239].

Здесь речь идет о гомеостазе, связанном с самой структурой популяции, с закономерностями ее формирования. Но наряду с этим существуют (и совершенствуются в процессе эволюции) гомеостатические механизмы, связанные с возможностью индивидуальных реакций организмов на изменения в условиях взаимодействия популяции и среды. Такие реакции, суммируясь, могут вносить элементы упреждения в процесс размножения популяции, предотвращать возникновение острых конфликтов в системе «популяция — среда», массовую гибель членов популяции и резкие колебания ее численности.

В экологии широкое признание получило представление о зависящих и не зависящих от плотности популяции факторах, регулирующих рост ее численности. Факторы, не зависящие от плотности (климат, почвы, растительность и т. п.), могут сильно влиять на численность популяции, вызывать ее колебания, например сезонные. Но долговременная устойчивость численности популяции (несмотря на колебания) в рамках экосистем, ее равновесие со средой поддерживается благодаря действию факторов, зависящих от плотности и проявляющихся в индивидуальных реакциях организмов. Эти реакции могут быть непосредственным следствием возникновения дисбаланса между популяцией и какими-либо элементами среды, с которыми она непосредственно взаимодействует. Например, повышение плотности популяции животных на данной территории может привести к снижению обеспеченности их кормом, что в свою очередь способно вызвать снижение рождаемости и повышение смертности. Итак, давление популяции на среду, став достаточно сильным, порождает воздействия обратной связи, которые и приостанавливают дальнейший рост ее численности и даже приводят к ее сокращению.

Существует, однако, и другой тип реакций. Эти реакции также зависят от плотности популяций, но не связаны с очевидной ограниченностью каких-либо жизненно необходимых элементов среды — корма, воды, числа мест для гнездования и т. п. Уже сами учащающиеся контакты между особями у многих видов служат причиной адаптационного синдрома, проявляющегося, в частности, в снижении плодовитости, замедлении роста, задержке

полового созревания, повышении гибели зародышей, восприимчивости к болезням и т. п. Подобные механизмы существуют, например, у грызунов и приводят к тому, что рост популяции прекращается прежде, чем ограниченность ресурсов дает о себе знать. В литературе отмечается, что у тех грызунов, которые располагают большим жизненным пространством (например, у лесной мыши), не бывает всплеск массового размножения, так как учащение контактов между особями начинает оказывать регулирующее действие на рост популяции задолго до того, как ее плотность существенно возрастет [76, с. 245]. Здесь воздействия обратной связи; регулирующие рост популяции, вызываются уже не нарушением равновесия популяции и среды — они, напротив, предотвращают его, — а нарушением внутреннего равновесия самой популяции.

Сходную роль регуляторов роста численности популяции, предупреждающих нарушение равновесия популяции и среды, играют и поведенческие факторы. У многих видов животных выжить, достичь половой зрелости и дать потомство удается только тем особям, которые сумеют завладеть своей территорией, отсутствие же собственной благоприятной территории препятствует размножению и одновременно повышает вероятность гибели от голода, болезней, хищников и т. д. «Территориальность может оказывать сильное стабилизирующее воздействие на величину популяции... Млекопитающие и птицы, для которых характерны циклические колебания численности, обычно на протяжении большей части года не проявляют территориального поведения» [150, с. 250]. Ограничивающее влияние на размножение оказывают также иерархическая структура сообществ животных, доминирование одних особей над другими внутри них.

Суммируя все изложенное, можно сказать, что члены любой биологической популяции постоянно испытывают различные управляющие воздействия, которые, с большими или меньшими потерями для популяции, приводят процессы ее воспроизводства и рост ее численности в соответствие с возможностями среды. Некоторые из таких воздействий представляют собой реакцию на уже произошедшее нарушение равновесия популяции и среды, их эффект проявляется с запаздыванием, с чем и связаны значительные колебания численности, усиливающие-

ся или ослабляющиеся видовыми особенностями организмов и популяций. Другие управляющие воздействия — это реакции на отклонение от оптимального внутреннего состояния популяции, на нарушение свойственной ей устойчивой системы отношений между особями. Чем более развиты такие внутривидовые отношения, тем многочисленнее пронизывающие популяцию и многократно дублирующие друг друга каналы обратной связи, по которым может поступать управляющая ее воспроизводством и имеющая упреждающий эффект информация, тем, стало быть, устойчивее равновесие популяции и среды. Усложнение структуры популяций и развитие внутривидовых отношений — от простейших видов взаимодействия организмов, таких, как спаривание, непосредственная конкуренция из-за пищи, каннибализм и т. п., до весьма совершенных форм территориального поведения или систем доминирования — существенно упорядочивает внутривидовые процессы и повышает независимость популяции как целого от возмущающих воздействий внешней среды, расширяет возможности ее гомеостатического саморегулирования.

Итак, в эволюции процесса размножения популяций в природе прослеживается вполне определенная направленность. И в уменьшении биотического потенциала, и в совершенствовании зависящих от плотности регуляторов численности популяции находит выражение непрерывное изменение соотношения внешних и внутренних факторов управления ее ростом, и к моменту появления человека достигается уже значительное снижение роли внешних регуляторов динамики численности популяции и увеличение роли ее внутренних регуляторов. При этом повышается экопомичность размножения вида, а значит, и способность вида использовать жизненные ресурсы, которые все в меньшей степени расходуются на производство потомства, благодаря чему становится возможным рост сложности организации и функционирования организмов и их сообществ.

Возникновение человеческого общества не только не прерывает этого поступательного движения, но, напротив, резко усиливает и ускоряет его благодаря тому, что и ограничение внешних и усиление внутренних регуляторов размножения людей *становится теперь функцией не биологического, а социального развития.* Становление

общественного производства несет с собой не просто качественный скачок в ограничении неблагоприятных для жизни членов популяции внешних воздействий — немало подобных скачков знала и история природы. Но теперь происходит переворот несравненно более важный. Барьеры, ограждающие жизнь человека — даже и первобытного — и обеспечивающие беспрецедентное по сравнению с животным миром выживание родившихся, оказываются настолько прочными, что, по-видимому, впервые блокируют действие естественного отбора как фактора биологической эволюции. Одновременно создаются небывалые предпосылки повышения качественных характеристик воспроизводственного процесса — его экономичности, устойчивости, надежности, высвобождения поглощаемых этим процессом ресурсов и использования их в других сферах жизнедеятельности человека. Реализация же этих предпосылок, как и прежде, связана с воздействием на рождаемость, с ограничением избыточной (при данной смертности) прокреации.

В литературе приводятся оценки биотического потенциала для вида *Homo sapiens*. Например, Г. Коли, ссылаясь на несколько источников, называет $r_{\max} = 0,04 [100, \text{с. } 182]$, что соответствует величине нетто-коэффициента воспроизводства населения $R_{\max} = 3,65$. Если исходить из фактически известных наиболее высоких показателей рождаемости (10—12 рождений в среднем на одну женщину) и из самой низкой достигнутой к настоящему времени смертности (до среднего возраста матери доживает свыше 95% родившихся девочек), то можно прийти и к более высоким оценкам биотического потенциала человека (R_{\max} превышает 5,5, r_{\max} приближается к 0,06). Но даже если принять значение $r_{\max} = 0,04$, намного более скромное, чем у большинства видов животных, то полная реализация биотического потенциала означала бы необыкновенно быстрый рост населения: каждое последующее удвоение его численности требовало бы немногим более 17 лет. В действительности, однако, реализация биотического потенциала человека всегда сдерживалась сопротивлением среды — естественной или социальной. Таким образом, единственный путь действительного осуществления создаваемых ростом выживания потомства возможностей лежит через социально управляемые изменения в использовании всегда одного и того же биотического потенциала.

1.3. СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВОСПРОИЗВОДСТВОМ НАСЕЛЕНИЯ

1.3.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И НЕДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Законы общественной жизни, подобно законам природы, имеют ограничительный характер, запрещают одни события или явления и разрешают другие. Как физические, химические или биологические ограничения очерчивают пределы, в которых могут функционировать объекты неживой или живой природы, так социальные ограничения предопределяют рамки функционирования социальных объектов, к числу которых принадлежит и демографическая система. Именно в силу действия этих ограничений, как правило, с высокой вероятностью реализуются не все демографические исходы, находящиеся в «поле возможных режимов» (см. рис. 1), а лишь некоторые из них, группирующиеся в определенных зонах этого поля.

Можно указать два ряда таких ограничений. Ограничения одного ряда условно назовем демографическими, второго — недемографическими.

Демографическими будем называть такие ограничения, нарушение которых в процессе воспроизводства населения либо невозможно при данном уровне развития общества, либо возможно, но влечет за собой деградацию демографической системы. Ограничения первого типа накладываются реальной плодовитостью женщины (см. 3.1.1) и наименьшим достижимым в данном обществе уровнем смертности (или, что то же самое, наибольшей достижимой средней продолжительностью жизни). Что же касается демографических ограничений второго типа, то они означают, что поскольку система, функционирующая все время в режиме суженного воспроизводства, не может существовать, линия простого воспроизводства образует тот объективный, естественный рубеж, с нарушением которого связана угроза гибели системы. Каждая из трех названных границ может быть изображена на графике прямой линией: вертикальной (граница реальной плодовитости), наклонной (граница достижимой продолжительности жизни) и горизонтальной (граница простого воспроизводства). Все три границы не строго фиксированы, подвижны, но под-

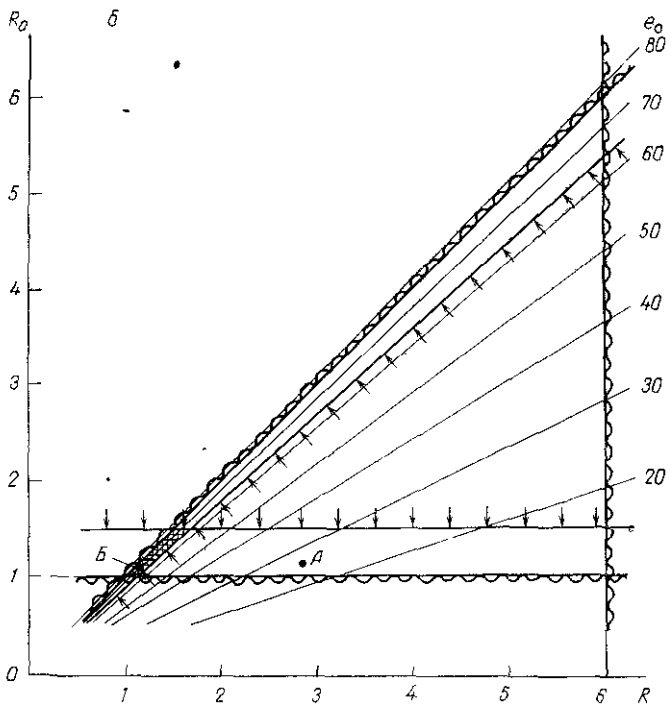
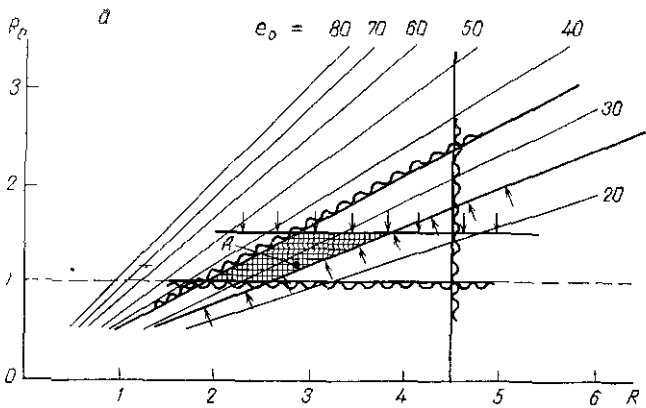
вижность их разная. Только граница достижимой продолжительности жизни обнаруживает историческую тенденцию к сильному необратимому смещению, что оказывает глубокое влияние на всю демографическую систему. Граница реальной плодовитости, хотя и не вполне жесткая, изменяется мало, и эти изменения не играют большой роли в демографической истории. Граница же простого воспроизводства исторически неизменна, так как всегда воспрещает *длительное* существование опускающихся ниже этой границы режимов воспроизводства населения. Но она менее жесткая, чем две предыдущие, в том смысле, что периодический переход через нее намного более вероятен.

Все три граничные линии, пересекаясь, вычленяют в поле возможных режимов треугольник — *область демографической свободы*, т. е. область воспроизводственных исходов, одинаково допустимых с точки зрения демографических ограничений. Вне этого треугольника имеются области возможных, но недопустимых по соображениям самосохранения системы исходов (ниже линии простого воспроизводства), а также исходов, невозможных при данных демографических ограничениях (рис. 2).

Если бы демографическая система существовала изолированно, любые исходы, находящиеся в области демографической свободы, были бы допустимы и никакое дальнейшее ограничение разнообразия исходов *внутри* этой области не было бы нужно. Но на самом деле демографическая система — лишь одна из многих подсистем общества, в силу чего в ее функционировании обязательно должны учитываться *экономические, социальные и прочие недемографические* ограничения.

К числу таких ограничений относятся исторически и социально обусловленные требования к предельно допустимому максимальному уровню смертности. Если понижение смертности дальше некоторого уровня в данный момент недоступно обществу, находящемуся на определенной ступени развития (экономически, технологически и т. п.), то ее повышение возможно в любое время. Но этому препятствуют установившиеся стандарты, нормы, вытекающие из функционирования не демографической, а всей социальной системы. Поэтому внутри области демографической свободы есть зоны, запретные социально.

Другой вид недемографических ограничений связан с

- Демографические ограничения (граница области демографической свободы)
- Недемографические ограничения
- Область допустимых воспроизводственных исходов

конкуренцией между различными сферами жизни общества из-за ресурсов. Объем ресурсов всегда ограничен, и они должны использоваться на те цели, которые диктуются безусловной необходимостью. Хотя в ходе исторического развития очень сильно ослабевает давление внешней необходимости, связанной с зависимостью человека от неконтролируемых им сил природы, одновременно «с развитием человека расширяется... царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности» [10, с. 386—387]. Отвоєванные у природы ресурсы могут с равным успехом пойти и на рост потребления (производительного и непроизводительного), и на рост численности населения при неизменном уровне потребления. Очевидна объективная предпочтительность первой цели, с реализацией которой связано поступательное движение человеческого общества. Приоритет этой цели и порождает демографические ограничения, оказывающие сильное влияние на функционирование демографической системы, упорядочивающие разнообразие воспроизводственных исходов в области демографической свободы и ограничивающие *внутри* нее область *допустимых режимов воспроизводства (допустимых воспроизводственных исходов)*.

Нетрудно заметить, что между демографическими и недемографическими ограничениями, накладываемыми на функционирование демографической системы, возможен конфликт. То, что допустимо с точки зрения демографических ограничений, может быть запретно с точки зрения ограничений недемографических, и наоборот. Слишком сильное давление недемографических факторов способно вывести воспроизводственные исходы за пределы области свободы и поставить под угрозу само существование населения. Напротив, слишком сильное «демографическое давление» и недостаточный учет недемографических ограничений может неблагоприятно сказаться на функционировании других социальных подсистем и всего общества в целом. Поэтому

Рис. 2. Демографические и недемографические ограничения
а — область демографической свободы мала, *б* — область демографической свободы велика

Точка А соответствует режиму воспроизводства населения Европейской России в первой половине XIX в., точка Б — режиму воспроизводства населения СССР в середине 70-х годов XX в.

Область допустимых режимов воспроизводства (воспроизводственных исходов) при большой области демографической свободы может быть меньше, чем при малой.

в процессе функционирования демографической системы всегда должен достигаться компромисс демографического и недемографического.

Отчасти благодаря природным предпосылкам, сложившимся в ходе биологической эволюции, по главным образом в результате становления социальной организации люди с самого начала своей истории смогли определенным образом упорядочить, локализовать процессы, связанные с продолжением рода, ограничить их роль в жизни самых древних человеческих обществ. Биологическая эволюция приносит человеку большую, по сравнению с его предшественниками, свободу полового поведения, поскольку женщины, в отличие от самок животных, способны к половым контактам на протяжении всего менструального цикла. Но социальный человек использует эту свободу — свободу от природных ограничений — в своих целях, накладывает на половое поведение нужные ему ограничения. По-видимому, уже в раннем палеолите сложились табу, ограничивающие и упорядочивающие общение полов, как можно полагать, в интересах социальной интеграции прачеловеческих коллективов, организующим стержнем которой была развивающаяся производственная деятельность [156, с. 121].

На заре истории, когда существовали *«первоначальные условия производства»* (или, что то же самое: первоначальные условия воспроизводства людей, число которых увеличивается путем естественного процесса между обоими полами)» [11, с. 478], обособление экономических и демографических процессов делало лишь первые шаги. Тем не менее благодаря этому обособлению (которое само было огромной победой социального над природным), вероятно, уже тогда была достигнута значительная независимость экономики от процесса возобновления поколений, в известном смысле второе было подчинено первому. Но надо правильно понимать эту подчиненность. Она не могла быть большей, чем это допускала демографическая необходимость, интересы непрерывного продолжения рода. Как ни велико давление экономики на область воспроизводства населения, между экономической и демографической функциями общества, между его соответствующими подсистемами должно существовать нечто вроде устойчивого разделения сфер влияния, граница между которыми должна взаимно уважаться.

Здесь мы касаемся важного для исторического материализма вопроса о роли в развитии общества двух видов производства: производства средств к жизни и производства самого человека, т. е. размножения людей. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали изначальную самостоятельность обоих этих материальных процессов в их влиянии на человеческую историю, ставили продолжение рода *в один ряд* с производством средств к жизни. Они писали, в частности, что, наряду с производством средств существования и порождаемым этим производством ростом потребностей, «третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*... Эти три стороны социальной деятельности следует рассматривать не как три различные ступени, а именно лишь как три стороны... которые совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь» [1, с. 27—28]. Невозможно выразить мысль о равноправии производства средств к жизни и производства самого человека с большей ясностью и определенностью, чем это сделал Ф. Энгельс, рассматривавший оба вида производства как две стороны производства и воспроизводства непосредственной жизни и утверждавший, что «общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи» [14, с. 26].

Право обоих видов производства жизни — «как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения» [1, с. 28] — стоять в одном ряду нередко оспаривалось будто бы с позиций исторического материализма. Например, К. Каутский видел в приведенном только что высказывании Ф. Энгельса «простую игру словом „производство“, объявлял мысль Ф. Энгельса случайной, «совершенно несостоятельной» и настаивал на том, что «производство людей — фактор, не равносильный производству средств существования, а зависящий от него» [88, с. 92]. Конечно, в оп-

ределенных пределах зависимость, о которой говорил К. Каутский, существует, но в целом выраженная им мысль — взаимного беднее мысли Ф. Энгельса.

Признание самостоятельного значения каждого из двух видов производства в жизни общества не означает признания равноценности их роли в историческом процессе. Производству материальных благ в несравненно большей степени присущи активность, динамизм, способность к непрерывным изменениям. Его развитие несет с собой огромные перемены в производительных силах, взламывает окостеневшие производственные отношения, приводит к смене способов производства, утверждению новых социально-экономических формаций. Но самые большие успехи в развитии этого производства не могут отменить необходимости непрерывного возобновления поколений и далеко не всегда могут изменить объективные условия, в которых оно осуществляется. Большим частью экономическое развитие должно считаться с неприкосновенностью границы, разделяющей сферы влияния обоих видов производства. Здесь нет односторонней зависимости одного вида производства от другого, «прямого» влияния с одной стороны и только «обратного» — с другой. Правильнее говорить о двусторонней, взаимной зависимости производства средств к жизни и производства самого человека и в то же время, как будет показано далее, об их относительной взаимной независимости на протяжении длительных исторических периодов.

1.3.2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Если стоять на позиции признания двух видов производства человеческой жизни, то следует признать и то, что участвуя в каждом из них, люди вступают в определенные отношения друг с другом, причем в отношения необходимые, не зависящие от их воли, а диктуемые объективными требованиями самого производства. Участвуя в производстве материальных благ, люди вступают в производственные отношения. При участии же в производстве самого человека возникают отношения, которые К. Маркс и Ф. Энгельс определили как «отношение между мужем и женой, родителями и детьми, семья» [1, с. 27], В. И. Ленин называл «отношениями по детопроизводству» [16, с. 149—150], вооб-

ще отношения по поводу создания и сохранения жизни себе подобных. Их естественно называть демографическими отношениями.

Привести конкретные примеры чисто демографических отношений нелегко. Они плохо поддаются выделению «в чистом виде» даже там, где, казалось бы, их следует искать в первую очередь. Лишь условно можно разграничить, например, демографическую и экономическую стороны семейных отношений. В то же время ясно, что демографические отношения, так же как и производственные, первичны, тогда как семейные отношения — вторичны, производны. Они — следствие объединения в рамках возникшего на определенном этапе истории института семьи ряда первичных социальных функций, которые выполнялись и тогда, когда семьи не было. Семейные отношения исторически переходящи, демографические — вечны, хотя их характер на протяжении истории менялся. Конкретные формы семьи и брака, нормы брачно-семейного поведения не могут быть осмыслены до конца, если не поняты эти меняющиеся демографические отношения и стоящие за ними объективные условия производства и сохранения жизни потомства, заботы о человеческой жизни вообще. Сколько бы мы ни пытались объяснить различия в семейных отношениях, скажем, в современной городской и в старой крестьянской семье, ссылаясь на экономические, социальные, культурные перемены, наше объяснение будет неполным, если мы не укажем на то, что прежняя семья должна была обеспечить рождение большого числа детей, а к современной семье это требование объективно не предъявляется и что, стало быть, отношения между членами семьи, связанные с этим аспектом их жизнедеятельности, должны стать совершенно иными, чем прежде.

Демографические отношения существуют рядом с производственными, тесно переплетаются с ними, но не утрачивают при этом своей самостоятельности. Сколь велика ни была бы роль в жизни общества производственных отношений, диктуемых экономической необходимостью, всегда должно оставаться место и для тех отношений, которые вызываются необходимостью продолжения человеческого рода и в главном ни от чего другого не зависят. Как и производственные, демографические отношения изначально социальны и вносят

свой вклад в формирование целостного мира социальных отношений, пронизывающих жизнь любого общества.

Признание тесной связи между производственными и демографическими отношениями, их взаимного влияния не должно вести к их отождествлению, растворению одних в других. Ю. И. Семенов, говоря о возникновении у древнейших людей агамии (запрета полового общения внутри рода) и связанной с этим дуально-родовой организации, утверждает, что «агамия... была не чем иным, как особого рода производственным отношением» [156, с. 152]. Верно ли это? С таким же основанием можно считать производственными отношениями половые табу, запрет каннибализма, брак, семью и многое другое. Все же область производственных отношений имеет более строгие границы, это отношения, возникающие по поводу производства материальных благ и так или иначе обусловленные характером собственности на средства производства. Подобную обусловленность едва ли можно найти в агамии запрете. По мнению самого Ю. И. Семенова, возникновение агамии несло разрешение «конфликта... между производством и детопроизводством», возникшего на предшествующей исторической ступени и опасного прежде всего как раз для детопроизводства (как с качественной, так и с количественной стороны) [156, с. 118—132]. Агамия представляется нам очень выразительным примером именно демографических отношений, типичным и по причинам возникновения, и по сфере действия, и по влиянию на всю организацию общества — очень глубокому, но не затрагивающему непосредственно (более отдаленное влияние, конечно, было) его экономическую структуру.

Если неправомерно слишком широкое толкование производственных отношений, то не лучше и расширительная трактовка отношений демографических, например, когда они понимаются как отношения, связанные с тем производством, стержень которого образует «трудовой процесс» [163, с. 107—108]. В трудовом процессе возникают, видимо, все же производственные, а не демографические отношения.

Демографические отношения, в нашем понимании, — это материальные отношения, в которые вступают люди, когда они участвуют в процессе возобнов-

ления поколений, причем отношения не случайные, а необходимые, отражающие объективные требования демографических и недемографических ограничений, интересы социального целого и учитывающие сложившиеся условия поддержания демографического равновесия. С возникновением человека эти отношения заменяют биологические отношения, управляющие динамикой популяций растений и животных, и превращают размножение популяций в социально управляемое воспроизводство населения.

Под воспроизводством населения в демографии обычно понимается так называемое естественное движение населения, физическое возобновление поколений людей, то, что можно было бы назвать воспроизводством в узком смысле. Но в свете сказанного выше следовало бы, как это и было уже сделано в 1.1.2, расширить понимание воспроизводства населения и рассматривать его как двуединый процесс — непрерывное воспроизводство самих людей, с одной стороны, и столь же непрерывное воспроизводство демографических отношений — с другой¹.

Отбор адекватных отношений, обеспечение их наилучшего соответствия требованиям демографического равновесия — дело исторического развития. Но когда такой отбор уже произошел, люди, как правило, ведут себя в демографической сфере в соответствии с этими не зависящими от воли каждого из них отношениями, так что их возможные поступки, имеющие демографическое значение, оказываются не равновероятными, а определенным образом упорядоченными. Те из них, которые соответствуют объективным требованиям функционирования демографической системы (ее самосохранения, стабильности режимов), намного более вероятны, чем те, которые им не соответствуют. В этом смысле можно говорить об управлении демографическими процессами как о самоуправлении, потому что в обычных условиях демографические отношения (т. е. то, что находится «внутри» системы) оказывают на де-

¹ Мы не касаемся здесь другой линии более широкого толкования воспроизводства населения, связанной с подведением под это понятие таких разнородных процессов, как воспроизводство рабочей силы, миграция, социальная мобильность, социализация подрастающего поколения и т. д.

демографическое поведение людей гораздо большее влияние, нежели любые внешние воздействия, даже такие катастрофические, как войны, эпидемии, экономические кризисы и т. п. Пока демографические отношения сохраняют свою целостность, они почти непроницаемы для таких воздействий, служат своеобразным информационным фильтром, не пропускающим не соответствующих этим отношениям управляющих сигналов. Они-то и образуют постоянную «внутреннюю среду» демографической системы, обеспечивают ее гомеостаз, делают колебания количественных параметров воспроизводства населения существенно меньшими, чем они могли бы быть, если бы представляли собой простые реакции на изменения «внешней среды».

Демографические отношения существуют, сохраняются и воспроизводятся не сами по себе. Над ними надстраиваются соответствующие им представления людей, социально-психологические образования (ценностные ориентации, культурные нормы и пр.), а также социальные институты, заботящиеся о том, чтобы люди усваивали нужные представления и ориентации, соблюдали нормативные предписания и т. п. Вся эта надстройка (всегда действующая в тесном переплетении с надстройкой над экономическим базисом общества) обеспечивает постоянную преемственность демографических отношений, их непрерывное возобновление на протяжении жизни многих поколений и в то же время образует непроницаемый панцирь, который отделяет демографическую систему от внешней среды, «буферизует» ее давление и в значительной степени исключает ее непосредственное управляющее воздействие на демографический процесс.

Зрелые, развитые демографические отношения обладают большой устойчивостью и способностью оказывать стабилизирующее влияние на функционирование демографической системы в силу двойственной роли — *средства и цели*, какую они играют в жизни общества.

И демографические отношения, и надстройка над ними вызваны к жизни объективной демографической необходимостью, они нужны для того, чтобы постоянно поддерживалось и воспроизводилось демографическое равновесие, и в этом смысле они — средство, но такое средство, которое само по себе значит для общества и для человека неизмеримо много. Демографические от-

ношения, в которых непосредственно реализуется взаимодействие людей в вопросах индивидуальной жизни и смерти, перерастают свою «инструментальную» роль, приобретают самостоятельную ценность и воспринимаются прежде всего сквозь призму целей исторического движения человечества.

Каждому типу демографических отношений соответствует своя система ценностей. Она увековечивает отобранные историческим опытом отношения, скажем, предписывает, исключает или ограничивает на определенных этапах истории людоедство, детоубийство, кровосмешение, прелюбодеяние, многоженство, аборт, контрацепцию, безбрачие, развод, повторный брак, бездетность и многое другое, что вполне возможно биологически и не всегда бессмысленно экономически, но вызывает непреодолимый внутренний протест у людей, воспитанных в рамках данной системы ценностей, становление которой неразрывно слито со становлением новых демографических отношений. На первых порах весьма хрупкие, с трудом завоевывающие право на существование, эти ценности по мере достижения демографическими отношениями зрелости все более полно интегрируются в общую систему социальных ценностей и постепенно приобретают прочность алмаза, становятся частью — и очень важной — того духовного, нравственного богатства, которое прежде всего защищают люди и в обычной повседневной деятельности, и в критические минуты истории

Демографические отношения — важнейший компонент образа жизни людей. Способ, которым люди производят средства к жизни, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, «надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [1, с. 19]. Нам кажется, что эта мысль сохраняет свое значение применительно и ко второй стороне производства человеческой жизни — производству самого человека. Демографический процесс, непрерывное воспроизводство физического существования человеческих поколений, населения в еще большей степени есть важнейшая сторона жизнедея-

тельности людей, их образа жизни, того, что делает их такими, каковы они есть.

Воспроизводство демографических отношений, их устойчивость достигаются в процессе общественной практики благодаря функционированию сложных механизмов «социального наследования» [83, с. 36] (в отличие от генетического наследования, обеспечивающего воспроизводство «популяционных отношений» в природе). Основу социального наследования образует специфически человеческий феномен — культура, понимаемая как система небιологических средств и механизмов, обеспечивающих адаптацию к среде и поддержание общественной жизни у бесконечной цепи поколений людей [118, с. 37—38]. Животное поступает тем или иным образом, повинаясь «инстинкту» или (в меньшей степени) следуя живому примеру. Человек же ведет себя в соответствии с культурными нормами. Культурная норма — это идеальное отражение реальных отношений, складывающихся между людьми в процессе общественной практики и наилучшим образом соответствующих требованиям функционирования социальной системы как целого. Отбор культурных норм идет параллельно с отбором самих отношений, и в конечном счете в таких нормах записывается, кодируется информация о наилучших для данных условий типах и формах отношений. Культурные нормы — это «блоки памяти» системы (в нашем случае — демографической системы), в них записано содержание управляющей информации. Но чтобы эти нормы соблюдались (а именно соблюдение норм обеспечивает значительную устойчивость демографических отношений) и система функционировала в соответствии с требованиями, записанными в ее памяти, необходим непрерывный круговорот информации, ее поступление на входы и «считывание» на выходах системы. Иначе говоря, необходима замкнутая цепь воздействий, «контур управления», включающий в себя субъект управления, объект управления и каналы передачи воздействий от первого ко второму (управляющие воздействия) и от второго к первому (воздействия обратной связи).

Субъект управления — действительный или воображаемый носитель интересов системы в целом. Его роль обычно играют институты или группы людей, выступающие от лица всего общества, — государство,

церковь, политические партии и т. п. Несмотря на кажущуюся иногда безграничную власть, длительное функционирование субъекта управления возможно лишь в том случае, если все его действия в основном подчинены объективной логике функционирования системы, соответствуют выработанной ею культуре. Конечный объект управления — каждый отдельный человек. Несмотря на кажущуюся иногда его полную зависимость от субъекта управления, в устойчивых социальных системах «средний» человек всегда находится под защитой культуры, которая ограждает его от управляющих воздействий, несовместимых с логикой функционирования системы.

Каркас системы управления человеческим поведением составляет социальная и институциональная структура общества, складывающаяся независимо от индивидуальной воли образующих его людей. Социальные институты выступают в качестве органов управления, и человек, оказавшийся в сфере действия того или иного института в определенной социальной роли, тем самым включается в соответствующий контур управления и ведет себя, подчиняясь вытекающим из данной институционально-ролевой ситуации требованиям. Таков общий принцип социального управления поведением людей. Он реализуется и в сфере управления их демографическим поведением, но по-разному в разные исторические эпохи.

1.4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

1.4.1. ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ТИПА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Все сказанное в предыдущем параграфе относилось к воспроизводству населения в любых человеческих обществах. Пока нам важно было показать отличия воспроизводства населения от размножения популяций растений и животных, подобный подход был правомерен, ибо нас интересовали наиболее общие черты, присущие размножению людей на всех этапах человеческой истории. Конечно, воспроизводство населения вообще, так же как и производство вообще, — «абстракт-

ция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторов» [6, с. 711]. Не вызывает сомнения, что воспроизводство населения имеет черты, общие для всех исторических эпох, а в более широком плане — даже черты, общие с размножением в мире растений и животных.

Однако, как только мы переходим к рассмотрению социального управления демографическими процессами в контексте человеческой истории, мы обнаруживаем недостаточность абстрактных представлений о воспроизводстве населения вообще. В поле нашего зрения оказываются не только и даже не столько общие, свойственные всем эпохам и обществам, сколько исторически специфические черты и закономерности воспроизводства населения, которыми эпохи и общества отличаются друг от друга. И только знание этих специфических черт и закономерностей открывает путь к пониманию реально наблюдаемых демографических изменений и тенденций.

Историческое развитие, прогресс производительных сил и перемены в образе жизни людей периодически изменяют границы области демографической свободы, а тем самым и роль демографических и недемографических ограничений, соотношение между ними. При этом подрываются сложившиеся условия демографического равновесия, лишаются смысла приспособленные к прежним условиям демографические отношения, а значит, и нацеленная на их сохранение система социального управления. Но так как соответствие демографических отношений условиям демографического равновесия — обязательная предпосылка существования демографической системы, то через некоторое время утверждаются новые демографические отношения и вырабатываются новые, соответствующие им методы социального управления демографическим поведением, так что утраченное единство снова восстанавливается. Это можно считать непреложным законом развития демографической системы.

Исторически специфические условия демографического равновесия, соответствующие им демографические отношения и обеспечивающий их воспроизводство механизм социального управления в своем единстве характеризуют исторический тип воспроизводства насе-

ления Воспроизводство населения всегда принадлежит к одному из типов, вне их оно не существует¹.

Мировая демографическая история в наиболее общих чертах может быть представлена как последовательная смена одних исторических типов воспроизводства населения другими, как цепь переходов от низшего к высшему, связанных каждый раз с повышением *качества функционирования* демографической системы. В этом и заключается всемирно-исторический процесс демографического развития. Как и всякое развитие вообще, оно имеет диалектический характер. Длительные периоды существования неизменного типа воспроизводства, на протяжении которых происходит медленное накопление подспудных количественных изменений, а укрепление единства компонентов, формирующих тип воспроизводства, сменяется постепенным назреванием внутренних противоречий, разрушением этого единства, достигнув некоторого момента, уступают место «перерывам постепенности», возникновению нового качества, нового исторического типа воспроизводства населения. Такие скачкообразные переходы от одного

¹ Представление о типе воспроизводства населения как о категории, обобщающей принципиальные качественные особенности этого процесса и основанной на историческом подходе, на выделении эпох, групп стран или народов со сходными внутри данного типа и существенно различающимися при разных типах чертами воспроизводства, стало складываться уже давно. В достаточно определенном виде оно было сформулировано французским демографом А. Ландри, выдвинувшим концепцию трех сменяющихся в ходе истории «демографических типов» (*regime demographique*) примитивного, переходного и современного [236, с. 54]. Сходные идеи высказывались и другими авторами [249, с. 970—971, 241, с. 335—340]. В 60-е и 70-е годы исторический подход к выделению типов воспроизводства населения получил развитие в работах демографов социалистических стран З. Павлика, А. Я. Кваши, а также в наших [242, с. 234—247, 137, 89, с. 77—87, 91, с. 8—12, 123—133, 56—58]. Для авторов марксистов с самого начала было характерно стремление использовать то рациональное, что содержалось в подходе западных демографов к исторической типологии воспроизводства населения и в то же время углубить этот подход, сделать его последовательно историко-материалистическим, преодолеть крен в сторону социально-нейтральных количественно-описательных характеристик демографической эволюции и понять ее как несотъемлемую часть всего исторического процесса. Движение в этом направлении и привело нас к концепции исторических типов воспроизводства населения, развиваемой в этой, а также и в более ранних наших работах.

типа воспроизводства к другому естественно называть *демографическими революциями*.

Этот термин ввел в научный оборот в 1934 г. А. Ландри [236]¹. Хотя наше понимание исторических типов воспроизводства населения очень во многом не совпадает с пониманием «демографических типов», которое мы находим у А. Ландри, его стремление видеть в демографической революции принципиальный качественный сдвиг, переход от одного типа к другому кажется нам правильным. В послевоенной литературе, особенно англоязычной, широкое распространение получил термин «демографический переход» (demographic transition), предложенный в 1945 г. американским демографом Ф. Ноутстейном [240, с. 41] для обозначения того же процесса, к которому применяется термин «демографическая революция».

В советской литературе и литературе социалистических стран встречаются оба термина. В большинстве случаев обоснование выбора одного из них не приводится, но некоторые авторы активно оспаривают правомерность термина «демографическая революция» [71, с. 30—32]. Мы, однако, отдаем предпочтение именно этому термину, в пользу которого приводили в свое время ряд аргументов². Это не значит, что мы считаем термин «демографический переход» неверным: и в том и в другом случае речь идет о переходе от одного типа воспроизводства населения к другому. Но понятие «революция» в его диалектико-материалистическом толковании намного богаче понятия «переход». В нем самом уже содержится указание на то, что речь идет не просто о росте или уменьшении тех или иных показателей, а, во-первых, о возникновении нового качества и, во-вторых, о скачкообразном переходе от старого качества к новому. Обе эти черты в высшей степени характерны для смены типов воспроизводства населения.

Сколько исторических типов воспроизводства населения и соответственно демографических революций

¹ Почти за десять лет до появления книги А. Ландри выражение «демографическая революция», не раскрывая его содержания, употребил советский демограф А. П. Хоменко [187, с. 104]

² См.: [58, с. 22—23]. В этой же работе используется термин «демографический переход», но ему придается несколько иной смысл [с. 190—191].

(переходов) знает история? Сейчас встречаются различные ответы на этот вопрос. В литературе пишут о двух [71, с. 45—55], трех [91, с. 9], четырех [30, с. 27—29], пяти [163, с. 110]¹ типах воспроизводства. В одних случаях выделяются только основные, в других учитывают и переходные типы, иногда пытаются создать типологию, охватывающую всю человеческую историю, иногда же довольствуются только относительно близким к нам историческим временем. Сама эта пестрота взглядов указывает на необходимость большего внимания к методологии построения исторической типологии воспроизводства населения.

Разумеется, такая типология должна быть увязана с общей периодизацией исторического процесса. Но этот бесспорный тезис может вести к разным выводам относительно периодизации демографической истории. Учитывая глубокую обусловленность¹ переворотов в воспроизводстве населения экономическими и социальными переменами, естественно полагать, что эти перевороты приходятся на важнейшие переломные периоды истории общества. Можно предположить, например, что они совпадают со сменой социально-экономических формаций, так что каждой из таких формаций соответствует свой особый тип воспроизводства населения. В этом случае демографические процессы подчинены законам, которые относятся к числу специфических социальных законов, действующих на протяжении только одной формации.

Возможно, однако, и иное предположение. Нет никаких теоретических оснований утверждать, что смена способа производства обязательно должна вести к смене типа воспроизводства населения. Нельзя, скажем, утверждать априори, что прогресс в развитии производительных сил, который делает необходимым переход от рабовладельческой к феодальной социально-

¹ В работе [163] число типов прямо не указывается, но из контекста можно понять, что оно должно совпадать с числом социально-экономических формаций. Правда, строго говоря, в указанной работе речь идет не о воспроизводстве населения в нашем понимании, а о гораздо более широко трактуемом «самовоспроизводении населения», «характеризующемся образованием конкретно-исторической системы соответствующих общественных отношений, субъектами которых являются индивиды конкретно-исторического социального качества» [с. 112].

экономической формации, приводит в то же время и к изменению условий демографического равновесия. Решающее слово здесь принадлежит конкретно-историческому анализу, который может показать, что демографические процессы в нескольких формациях, имеющих некоторые общие черты, протекают по одним и тем же законам. Теоретически это предположение столь же правомерно, как и предыдущее.

Известно, что, наряду с выделением пяти основных общественно-экономических формаций, занимающих центральное место в марксистском анализе развития общества, классики марксизма в ряде случаев выделяли и другие, более крупные стадии исторического процесса, подчеркивая их весьма существенные общие черты. Так, К. Маркс писал о сходных чертах обществ, «в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя» [11, с. 472]. Писал он и о «первичной», и «вторичной» общественных формациях, т. е. об обществах, основанных на общей (первобытная община) и частной собственности. «Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве» [8, с. 419]. Во всей марксистской литературе явственно присутствует представление о трех крупных этапах человеческой истории: доклассовом, классовом и бесклассовом обществе.

В работах советских философов подчеркивается, что «марксистская концепция никоим образом не дает оснований для упреков в однолинейном изображении исторической смены одних типов общественных отношений другими. В зависимости от конкретных задач К. Маркс в своих работах использовал как более узкие, так и более широкие, подчас весьма специфические периодизации исторического процесса» [111, с. 7]. Развитие общественных отношений К. Маркс тесно связывал с развитием человеческой индивидуальности, в философской литературе встречается представление о трех «типах социальности», отражающих особенности взаимодействия индивида и общества на разных этапах исторического развития. «Формационное членение мировой истории служит основой для выделения конкретных типов социальности, хотя и не всегда в истории наблюдалось полное соответствие между ними» [93, с. 164].

Накопленный к настоящему времени историко-демографический материал, хотя и не позволяет еще нарисовать достаточно полную картину демографического прошлого человечества, все же дает основания утверждать, что основные этапы демографической истории более соответствуют укрупненному трехчленному делению исторического процесса. В соответствии с этим может быть сформулировано представление о трех исторических типах воспроизводства населения. Первый из них — *архетип* воспроизводства населения — свойствен раннему этапу человеческой истории, доклассовому обществу. Второй — *традиционный* — господствует в докапиталистических классовых аграрных обществах и на ранних стадиях развития капитализма. Третий — *современный*, или *рациональный*, — возникает первоначально в экономически развитых капиталистических странах, но во всемирных масштабах это, вероятнее всего, тип воспроизводства населения, характерный для послекapиталистического этапа истории.

Кроме того, в периоды демографических революций складываются промежуточные, переходные типы воспроизводства населения, объединяющие в себе черты как уходящего, так и идущего ему на смену основных типов. В отличие от основных, переходные типы воспроизводства населения неустойчивы и исчезают после завершения демографической революции.

С качественными чертами, присущими каждому типу воспроизводства, неразрывно связаны важнейшие количественные характеристики этого процесса. По-видимому, для длительных периодов существования *основных* исторических типов воспроизводства населения характерно тяготение режимов к линии простого воспроизводства. Точки на «поле возможных режимов» (см. рис. 1), соответствующие реальным режимам, могут, конечно, отклоняться от этой линии вверх или вниз, но в целом разнообразие позиций невелико, точки, отвечающие режимам воспроизводства у самых разных народов, в самых разных странах, при данном типе воспроизводства располагаются довольно кучно, во всяком случае, не слишком удаляются от линии простого воспроизводства. Историческое движение в данном случае — движение справа налево вдоль этой линии, именно оно отражает расширение пространства

демографической свободы Движение вверх ограничено, и точки пикогда не распространяются на всю область демографической свободы

Если эти соображения верны, то они дают основания, рассматривая типичные уровни смертности и продолжительности жизни как отражение объективных, непреодолимых при данных исторических условиях ограничений, а близость к линии простого воспроизводства как отражение имманентной цели демографической системы на всех этапах ее существования, выделить на графике (рис 3) приблизительные области режимов, наиболее характерных для трех основных исторических типов воспроизводства населения. Можно с большой долей уверенности утверждать, что подавляющее большинство точек, соответствующих параметрам режимов воспроизводства населения до начала или после завершения демографической революции, окажется внутри этих сравнительно небольших по площади областей

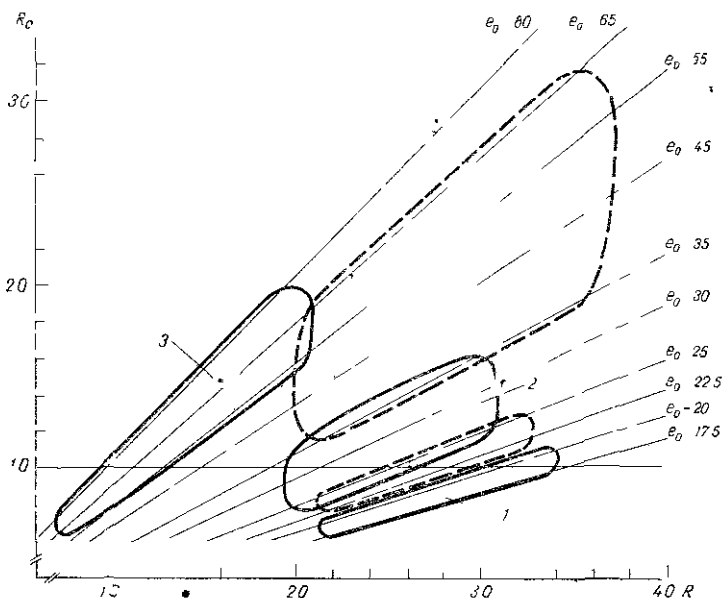

Рис 3. Области режимов воспроизводства населения, соответствующие его основным и переходным историческим типам:
1 — архетип, 2 — традиционный тип 3 — современный тип

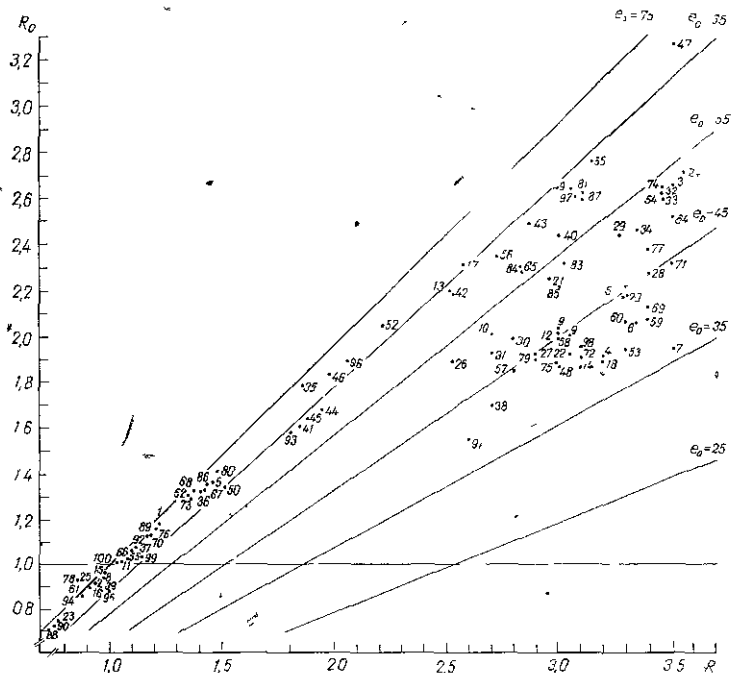

Рис. 4. Режимы воспроизводства населения в 100 странах и территориях мира в середине 70-х годов:

- 1 — Австралия; 2 — Австрия; 3 — Алжир; 4 — Ангола; 5 — Аргентина; 6 — Афганистан; 7 — Бангладеш; 8 — Бельгия; 9 — Берег Слоновой Кости; 10 — Бирма; 11 — Болгария; 12 — Боливия; 13 — Бразилия; 14 — Бурунди; 15 — Великобритания (Англия и Уэльс); 16 — Венгрия; 17 — Венесуэла; 18 — Верхняя Вольта; 19 — Вьетнам; 20 — Гана; 21 — Гватемала; 22 — Гвинея; 23 — ГДР; 24 — Гондурас; 25 — Дания; 26 — Египет; 27 — Заир; 28 — Замбия; 29 — Зимбабве; 30 — Индия; 31 — Индонезия; 32 — Иордания; 33 — Ирак; 34 — Иран; 35 — Ирландия; 36 — Испания; 37 — Италия; 38 — Камерун; 39 — Канада; 40 — Кения; 41 — Кипр; 42 — КНДР; 43 — Колумбия; 44 — Корея Южная; 45 — Коста-Рика; 46 — Куба; 47 — Кувейт; 48 — Лаос; 49 — Ливан; 50 — Маврикий; 51 — Мадагаскар; 52 — Малайзия (Западная); 53 — Мали; 54 — Марокко; 55 — Мексика; 56 — Монголия; 57 — Мозамбик; 58 — Непал; 59 — Нигер; 60 — Нигерия; 61 — Нидерланды; 62 — Новая Зеландия; 63 — Норвегия; 64 — Пакистан; 65 — Перу; 66 — Польша; 67 — Португалия; 68 — Пуэрто-Рико; 69 — Руанда; 70 — Румыния; 71 — Саудовская Аравия; 72 — Сенегал; 73 — Сингапур; 74 — Сирия; 75 — Сомали; 76 — СССР; 77 — Судан; 78 — США; 79 — Сьерра-Леоне; 80 — Сянган; 81 — Таиланд; 82 — Танзания; 83 — Тунис; 84 — Турция; 85 — Уганда; 86 — Уругвай; 87 — Филиппины; 88 — Финляндия; 89 — Франция; 90 — ФРГ; 91 — Чад; 92 — Чехословакия; 93 — Чили; 94 — Швейцария; 95 — Швеция; 96 — Шри-Ланка; 97 — Эквадор; 98 — Эфиопия; 99 — Югославия; 100 — Япония

Совершенно иначе обстоит дело при *переходных* типах воспроизводства населения, когда система социального управления этим процессом нарушена и разнообразие воспроизводственных исходов не поддается

эффективному ограничению. В это время могут реализоваться любые воспроизводственные исходы, допустимые с точки зрения объективно существующего пространства демографической свободы.

Обе эти ситуации можно наблюдать в наше время. С одной стороны, существует группа экономически развитых стран, в основном завершивших переход к современному типу воспроизводства (точки на графике концентрируются на небольшом участке поля возможных режимов, «прижаты» к линии простого воспроизводства). С другой стороны, имеется множество развивающихся стран с переходным от традиционного к современному типу воспроизводства (точки на графике рассредоточены и занимают чуть ли не всю область демографической свободы) (рис. 4).

1.4.2 АРХЕТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Человечество начинает свой исторический путь в условиях исходного экологического равновесия, унаследованного им от прошлого. Люди далеко не сразу изменили окружающий их мир. Долгое время, подобно животным, они ничего не приносили в природу, ничего не преобразовывали в ней, а имели в своем распоряжении только те средства существования, которые можно найти в природе готовыми. Но уже в период становления человеческого общества, благодаря коллективному труду и применению орудий, люди или ближайшие их предшественники научились брать у природы гораздо больше, чем любое животное, смогли выйти из природных экосистем, из-под жесткого контроля биологических и экологических факторов [69, с. 391—397], регулировавших прежде процесс размножения популяций, резко увеличить свою численность. Но это не значит, конечно, что экологические ограничения вообще перестали действовать.

Палеоэкономические расчеты, археологические и этнографические материалы показывают, что присваивающая экономика позволяет существовать только при очень низкой плотности населения — от нескольких человек до нескольких десятков человек на 100 кв. км. Чтобы плотность длительное время не выходила за эти пределы, не должны существенно изменяться ни численный состав общины, ни общее количество общин,

обитающих на данной территории. У животных стабильность численности популяций достигается в значительной мере благодаря действию биологических факторов, зависящих от плотности популяций. Но люди, ограничивая власть природы, ограничивают и действие этих факторов, которые сами есть часть природы. Такое ограничение не приводит, однако, к возникновению вакуума «неуправляемости», ибо с развитием общества складывается сфера социального управления размножением человеческих популяций.

Вряд ли кто-либо сомневается в том, что демографические отношения даже древнейших людей были жестко регламентированы и что эта регламентация имела социальную природу. Тысячелетиями, десятками тысячелетий интуитивно, методом проб и ошибок вырабатываются передаваемые из поколения в поколение нормы демографического поведения, всесторонне учитывающие условия взаимодействия населения и естественной среды его обитания, равно как и требования самого социального развития. Запрет эндогамии; табу, ограничивающие периоды половых контактов; определенность круга возможных брачных партнеров; регламентация прав и обязанностей различных половозрастных групп с точки зрения их участия в воспроизводстве населения; ритуалы, связанные с различными событиями, имеющими демографический смысл (принятием родов, началом половой жизни, погребением и т. п.); обычаи вскармливания младенцев; дозволенность или недозволенность детоубийства, каннибализма, отношение к жизни взрослых соплеменников и иноплеменников — все это было итогом накопления тысячелетнего опыта, вносило в процесс размножения новый, социальный порядок и обуславливало несравненно более высокую, чем в природе, эффективность управления динамикой численности человеческих популяций, а стало быть, и формирующими эту динамику процессами.

При больших различиях в оценках уровней рождаемости и смертности у различных доступных наблюдению групп охотников-собирателей поражает, выражаясь словами Э. Кэпп-Саундерса, «удивительное обилие и единодушие свидетельств, касающихся числа детей» [210, с. 14]. Число выживающих детей в расчете на одну женщину у них всегда невелико, как полагает Дж. Бэрдселл, в среднем оно близко к 2, благодаря

чему и обеспечивается длительное постоянство численности населения [205, с. 239]. Само это единообразие результата при значительном разнообразии интенсивностей формирующих его процессов указывает на существование в первобытном обществе сложной системы отношений, связанных с производством потомства и оказывающих упорядочивающее, управляющее воздействие на структуру населения и динамику его численности.

Эти отношения весьма устойчивы, ибо очень точно «подогнаны» к условиям жизни тех или иных первобытных населений, и достаточно гибки, так как допускают воздействия обратной связи, отражающие непрерывное изменение демографической, экономической и экологической ситуации. Они постоянно подкрепляются определенным автоматизмом взаимодействия основных компонентов воспроизводственного процесса: длительное кормление грудью удлиняет интервалы между беременностями, а ранняя смерть младенцев их укорачивает, поэтому более высокая младенческая смертность компенсируется более высокой рождаемостью и т. п. Мощным контролирующим фактором был, вероятно, селективный по полу характер детоубийства. Дж. Бэрдселл считает, что обычно умерщвлялось от 15 до 50% новорожденных, причем подчеркивается, что прежде всего это были девочки, в силу чего пропорция полов во взрослом населении была далека от нормальной (например, по некоторым австралийским данным 150 мужчин на 100 женщин) [205, с. 236, 243]. Следовательно, искусственно увеличивалась в первую очередь женская смертность, непосредственно влияющая на показатели воспроизводства. Гибкость демографических отношений, отражающая все еще значительную зависимость демографических исходов от внешних регуляторов, позволяет тем не менее предохранить первобытные общины от вымирания и в то же время не допустить их роста, грозящего превышением максимально возможной плотности населения.

Можно, таким образом, говорить о некотором исходном типе воспроизводства населения, сложившемся еще у палеолитического человека, который мы и называем *архетипом*. Он характеризуется единством условий демографического равновесия при преобладании присваивающей экономики, соответствующих таким ус-

ловиям демографических отношений и порождаемых ими надстроечных форм (норм, обычаев, верований и т. п.). Архетип воспроизводства населения был неразрывно связан с палеолитической экономикой и с теми общественными отношениями, которые могли развиваться на ее чрезвычайно узкой базе. Характер производства и социальных отношений со времени появления *Homo sapiens* в основных чертах сохранялся неизменным на протяжении тысячелетий, а вместе с ними сохранялись неизменными и характер воспроизводства населения, повсеместное господство его архетипа.

Настало, однако, время, когда первобытнообщинный строй исчерпал свои возможности. В результате грандиозного социально-экономического переворота — неолитической революции, начавшейся примерно 10 тысячелетий тому назад, — на Земле сложилась совершенно новая экономика и новое общество, коренным образом изменились условия жизни людей, их взаимоотношения с природой и друг с другом, получили развитие новые социальные отношения и связанные с ними институты и формы сознания. Можно предположить, что перемены, охватившие все стороны жизни человеческого общества, затронули и его демографическую подсистему и привели к замене архетипа воспроизводства населения его новым историческим типом — к *первой демографической революции*.

Мысль о том, что такая революция действительно произошла, высказывалась многими авторами [196, с. 196; 214, с. 73—90; 217, с. 195], однако это все же не общепризнанный факт. Характер демографических изменений, происходивших в эпоху неолита, пока настолько неясен, что различные ученые высказывают по этому поводу прямо противоположные мнения. Одни предполагают, например, что эти изменения были связаны со снижением смертности, тогда как, по мнению других, происходило ее повышение (подробнее об этом см. 2.2.1). Есть авторы, которые считают, что присваивающим обществам был свойствен такой же тип воспроизводства населения, какой господствовал позднее во всех аграрных классовых обществах и дожил до наших дней [71, с. 45].

Важным эмпирическим подтверждением гипотезы первой демографической революции иногда считают значительное ускорение роста численности населения

в эпоху неолита, переход от почти полной неизменности численности населения к ее ощутимому росту. Рассматривая этот факт в духе общепринятых представлений о современной демографической революции и давая ему аналогичное истолкование, нетрудно прийти к мысли, что прогрессивные экономические и социальные изменения, которые несла с собой неолитическая революция, привели к увеличению продолжительности жизни и расширению области демографической свободы. Механизм же управления прокреационными исходами оставался прежним, в силу чего и образовался некоторый разрыв между рождаемостью и смертностью в пользу рождаемости, обусловивший ускоренный рост населения. Эта мысль высказывалась различными авторами, в том числе и нами [58, с. 33—35; 196, с. 215]. Однако более тщательный анализ порождает сомнения в ее правильности. Новые темпы роста численности населения кажутся высокими только на фоне совершенно ничтожных темпов роста эпохи верхнего палеолита, но вообще они весьма низки. Они увеличились от тысячных до сотых долей процента в год, что возможно при очень небольшом изменении в соотношении рождаемости и смертности. Достаточно увеличения числа дочерей, доживающих до среднего возраста матери, на 10%, чтобы неизменность численности населения сменилась его ростом примерно на 0,03% в год. Такое увеличение, вероятно, было доступно и при донеолитических условиях рождаемости и смертности, поскольку уже и тогда приходилось искусственно ограничивать рост численности населения, а потому оно не может рассматриваться как свидетельство того, что эти условия существенно изменились.

Если же мы предполагаем, что действительно произошла смена типа воспроизводства населения, то мы имеем в виду очень глубокие изменения в условиях рождаемости и смертности, в связанных с этими процессами отношениях между людьми, в характере их демографического поведения и т. д. Эти изменения необязательно должны быть вызваны существенным отступлением демографических ограничений и расширением области демографической свободы. Вполне возможно, что при сохранении неизменной области демографической свободы новое место заняли недемографические ограничения, и это также могло очень

сильно повлиять на условия демографического равновесия. Сторонники гипотезы первой демографической революции обычно исходят из предположения о том, что в эпоху неолита отодвинулся рубеж *максимально* доступной продолжительности жизни (демографическое ограничение). Но возможно и другое допущение: этот рубеж остался прежним или отодвинулся незначительно, но изменился рубеж *минимальной* продолжительности жизни, допустимой по социальным соображениям (недемографическое ограничение). Ведь неолитическая революция принесла с собой не только новую экономику, это была эпоха глубочайшей перестройки всех общественных отношений и самого человека. С точки зрения воспроизводства населения, может быть, наиболее важно, что это была эпоха повсеместного и окончательного утверждения института семьи.

Хотя семья возникла как полифункциональный институт, очевидна конституирующая роль в ее происхождении функций, связанных с продолжением рода. Объединение различных функций в семье произошло не потому, что иные способы организации жизнедеятельности человека были в принципе невозможны, а потому, что когда эта жизнедеятельность стала более сложной и разнообразной, полифункциональная семья оправдала себя в ходе исторического отбора наиболее рациональных и эффективных для своего времени институтов, доказала свою жизнеспособность в конкуренции с другими формами организации жизни людей¹. Решающую роль в победе семьи сыграла, вероятно, возможность расширения сферы личной собственности в условиях производящей экономики и превращение семьи в самообеспечивающуюся хозяйственную единицу, возникновение наследуемого имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком и других экономических и социальных явлений, неизвестных родовому строю. Но для нас важно, что семья стала в полном смысле слова семьей только тогда,

¹ В литературе описано, в частности, как такой отбор происходил в период становления семьи в ходе ее конкуренции с «родьей» — родовой ячейкой, состоявшей из братьев, сестер и детей сестер. «Эта ячейка обеспечивала содержание и воспитание детей, то есть выполняла многие из тех функций, которые люди современного общества... считают исключительно достоянием семьи» [156, с. 204].

когда объединила в себе все этапы процесса возобновления поколений от зачатия до смерти. Благодаря этому она, несмотря на свою полифункциональность, приобрела черты специализированного института, призванного обеспечивать непрерывное воспроизводство жизни и ее сохранение — в противовес менее специализированным, синкретичным родовым институтам.

К тому времени, когда семья, вырастая из зачаточных, промежуточных, переходных семейных форм, существующих наряду с родовой организацией, достигает зрелости, приобретает определенность и ее исключительная ответственность за продолжение рода, за производство потомства, за преемственность поколений внутри семьи, складывается и получает мощное эмоционально-психологическое подкрепление ее внутренняя сплоченность вокруг решения этих задач. Семья — огромный шаг к осознанию человеком своего «Я», своей отдельности от других и в то же время своей слитности с кругом «близких» людей, непосредственно связанных с этим «Я» и противостоящих всем остальным. Рождение, болезнь, смерть в семье — события, в той или иной степени затрагивающие внутреннее «Я» других ее членов (а не просто их внешнее существование), а потому эмоционально окрашенные. Счастье, горе — состояния, ассоциирующиеся прежде всего с судьбой близких людей, членов своей семьи.

Переход к последовательно семейной форме воспроизводства населения, вероятно, в наибольшей степени способствует реализации благоприятствующих удлинению человеческой жизни материальных возможностей, созданных революцией в производстве. Не просто стены более совершенного жилища лучше защищают теперь жизнь появившегося на свет ребенка, но весь дух семьи, лары и пенаты, которых не знало первобытное общество. Детоубийство перестает быть бесспорной альтернативой нерождению ребенка. Прежние освященные тысячелетиями демографические отношения осознаются теперь как недопустимо грубые, варварские, они не соответствуют новым условиям и должны быть заменены чем-то иным.

Такова основная линия аргументации в пользу гипотезы архетипа воспроизводства населения и первой демографической революции. Несмотря на отсутствие бесспорных эмпирических количественных подтвер-

ждений этой гипотезы, она не кажется нам совершенно беспочвенной. Пропась, отделяющая присваивающую экономику от производящей, доклассовое общество от классового, то, что К. Маркс называл «архаической или первичной формацией земного шара» [8, с. 413], от «вторичной» формации, слишком велика, чтобы ее преодоление не повлекло за собой принципиальных изменений в демографическом бытии людей, в производстве самого человека.

14.3. ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Новый тип воспроизводства населения, возникший во времена неолита, безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в., а у значительной части населения мира не полностью изжит еще и сегодня. Основные черты этого типа воспроизводства неразрывно связаны с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой. Подчеркивая глубокую прогрессивность аграрной экономики по сравнению с экономикой присваивающих обществ, необходимо сразу же указать на историческую ограниченность, узость тех рамок, которые создает эта экономика для развития производительных сил и изменения условий жизни людей.

Несмотря на бесспорный прогресс производительных сил на протяжении существования всех аграрных обществ, их материально-техническая база остается крайне слабо развитой. Ни в одном из них не возникает предпосылок для значительного расширения области демографической свободы и изменения условий демографического равновесия.

«Аграрному» типу демографического равновесия соответствовали и обеспечивающие его поддержание демографические отношения. По сравнению с отношениями времен архетипа они были более развитыми, более совершенными. Но с позиций известных нам сейчас более высоких форм демографических отношений они были весьма грубыми и примитивными и не могли быть иными, поскольку возможности их развития ограничивались относительной неразвитостью всех общественных отношений, свойственных аграрным обществам. Эта неразвитость — естественное следствие низкого уровня раз-

вития производительных сил и всего связанного с ними образа жизни людей. При всех — часто весьма важных — различиях добуржуазным общественным организациям свойственны общие черты, предопределяющие во многом сходное положение индивидуума в обществе, одинаково узкие рамки развития человеческой личности

Все добуржуазные общества — традиционные, т. е. такие, в которых поведение людей, их отношения между собой, вся их жизнь регламентируются принимаемой на веру традицией, ориентированы на повторение неизменных, унаследованных с незапамятных времен образцов. Воспроизводство заранее данных отношений отдельного человека и коллектива, предопределенность его отношений к условиям труда, своим соплеменникам и т. д. — не второстепенная черта, а, как писал К. Маркс, основа развития всех обществ, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя [11, с. 475]. «Незрелость индивидуального человека» [9, с. 89] — одна из важнейших черт таких обществ. Этот «незрелый» человек в самых различных областях своей жизни ведет себя в соответствии с окаменевшими правилами, с определенной схемой, которая не предусматривает его личного волеизъявления, его свободного выбора, рационального осмысления его действий. Накладывая на человеческий разум «рабские цепи традиционных правил» [4, с. 135], традиционные формы жизни «подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств.. превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок» [4, с. 136].

Таким образом, с одной стороны, на протяжении всего периода господства аграрной экономики оставались в основном неизменными условия демографического равновесия, те объективные требования к процессу воспроизводства населения, которые вытекали из социально-экономических особенностей функционирования аграрных обществ. С другой же стороны, оставались в основном однотипными демографические отношения и соответствующая им надстройка, механизм социального управления, с помощью которого поведение индивида приводилось в соответствие с объективной общественной потребностью. Этот меха-

низм также был частью всего традиционного механизма, регулировавшего поведение каждого отдельного человека в аграрных обществах. Когда исторический процесс подводит черту под долгим периодом существования таких обществ, он тем самым предопределяет и скорое исчезновение традиционного типа воспроизводства населения.

144. СОВРЕМЕННЫЙ (РАЦИОНАЛЬНЫЙ) ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Преодоление традиционного типа воспроизводства населения и замена его новым историческим типом, иначе говоря, *вторая демографическая революция*, были подготовлены всем долгим развитием человечества. Непосредственные же условия, приведшие к началу демографической революции, созрели в процессе разложения феодального общества в Западной Европе. Эта революция — один из многих революционных переворотов, происходивших на протяжении нескольких последних столетий, тесно связанных и взаимодействовавших между собой и имевших вначале одну общую исходную основу — развитие капиталистического способа производства. Революции в торговле, в науке, в сельском хозяйстве, в промышленности, наконец, политические революции, приведшие буржуазию к политической власти везде, где она до этого победила экономически, разрушали старую хозяйственную систему, старую социальную структуру, старую идеологию, отделяя все большую часть населения «от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни» [17, с. 541]. Узость производственной базы, на которой покоилась аграрная экономика докапиталистических обществ, была преодолена. Новые знания и новая техника, все время совершенствуясь, давали в руки людям все более мощные и экономически эффективные орудия и средства сознательного контроля над неподвластными ему ранее стихийными силами природы. В конечном счете все эти изменения необратимо нарушили старое демографическое равновесие и привели к замене его новым.

Далеко не всякий переворот в социально-экономической сфере способен подорвать демографическое рав-

новесие. Для этого нужно, чтобы была непосредственно затронута демографическая система, необратимо подорван механизм управления демографическими исходами. Этого, по-видимому, не было никогда за всю историю аграрных обществ. Даже крушение Римской империи и возникновение на ее обломках европейского феодализма не внесло принципиальных изменений в ход демографических процессов. Но теперь такие изменения произошли. Как будет показано в следующей главе, в XVIII—XIX вв. социально-экономическое развитие привело к коренному изменению структуры факторов смертности, а тем самым и к ее резкому снижению, в результате чего и нарушилось демографическое равновесие.

Само по себе нарушение равновесия еще ни о чем не говорит, демографический гомеостаз проявляется не в том, что равновесие никогда не нарушается, а в том, что в случае его нарушения система стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Важно то, *как* происходит такое восстановление.

Если бы снижение смертности произошло при неизменности прочих — демографических, экономических, социальных и т. п. — условий, то оно привело бы к очень быстрому росту населения. Следствием такого роста населения, скажем, в средневековой Европе была бы неминуемая катастрофа. С одной стороны, быстро растущее население невозможно было бы просто прокормить в условиях аграрной экономики и застойной техники. С другой стороны, у средневекового общества не было таких мощных внутренних мотивов развития (например, таких, каким стало впоследствии стремление капитала к самовозрастанию), которые могли бы сыграть роль целевой доминанты в процессе оптимизации функционирования всей социальной системы с учетом новых условий смертности, привести к появлению новых недемографических ограничений и вызвать прекращение роста населения путем соответствующих изменений в рождаемости. Поэтому рост населения продолжался бы до тех пор, пока нехватка продовольствия и ухудшение санитарных условий из-за растущей скученности населения и неумения оздоровить среду обитания не привели бы к грандиозным вспышкам голода и эпидемий и к возвращению смертности на прежний очень высокий уровень. Демографическое

равновесие было бы восстановлено, но это было бы прежнее равновесие, существовавшее до снижения смертности, причем, что важно подчеркнуть, *качественно* прежнее, по структуре своей соответствующее оставшимся неизменными экономическим и социальным условиям.

Другое дело, когда смертность снижается в процессе развития капитализма. Здесь создаются совершенно иные условия восстановления нарушенного равновесия и его постоянного поддержания, на первый план выходит приспособление характера и уровня рождаемости к изменившимся характеру и уровню смертности. В результате складывается *качественно* новое демографическое равновесие, его структура, пути, которые ведут к его установлению, — совершенно иные, чем прежде, они соответствуют новым экономическим условиям, более того, они детерминированы ими.

Капитализм изменил не только условия демографического равновесия, но и механизм его поддержания. Старый механизм управления демографическими процессами был пригоден в традиционном обществе, где вся система поведения человека была ориентирована на слепое повторение раз навсегда заданных образцов. Но новое время создало новый исторический тип личности, нового человека, в поведении которого оказались так или иначе отражены и запечатлены главные черты новых общественных отношений.

Отсутствие разделения труда и торговли, самодостаточность, экономическая, культурная и территориальная замкнутость — характерные черты жизни большинства населения традиционного общества. Перед человеком не было никакого выбора, никакого пути — экономического, социального, культурного, — отличного от пути отцов и дедов. Развитие капитализма подорвало материальные и социальные основания, на которых держалась ненужность выбора в прошлые эпохи. Оно несло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, сфер приложения и характера труда, типов расселения, образа жизни, культурных стандартов и т. д. Оно породило многообразие и доступность материальных и духовных благ, ранее неизвестных или мало кому доступных, что вело, в свою очередь, к непрерывному возникновению и развитию разносторонних потребностей, которых люди не

знали раньше, и в значительной степени делало эти потребности удовлетворимыми. Оно создало мир, который был во многом противоположен прежнему качественно ограниченному миру — миру узких материальных возможностей, неразвитых общественных и индивидуальных потребностей, миру канонизированного и строго регламентированного поведения. Теперь каждому решению, каждому поступку должен предшествовать выбор одной из многих конкурирующих между собой возможностей, для отдельного человека и для всего общества должна существовать определенная свобода выбора.

Утверждение такой свободы во всех областях человеческой жизни полностью соответствует логике исторического развития капитализма. Капиталистическое производство, «превратив все в товары... уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, «свободный» договор... Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких «свободных» и «равных» людей именно и было одним из главных дел капиталистического производства» [14, с. 82]. «Свобода выбора» утверждается не только в экономических отношениях, но распространяется на все стороны жизни людей: «Право свободного личного выбора бесцеремонно вторглось в сферу церкви и религии» [14, с. 83]; была признана известная степень свободы выбора в области брака [14, с. 82] и т. д.

Человек, которому приходится делать выбор, не может в своих поступках ориентироваться на окаменевшие нормы поведения, не считающиеся с возможными изменениями внешних условий. Поведение, основанное на непреложном следовании традиционному образцу, уступает место поведению, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка. А поскольку такая смена типа поведения происходит во всех сферах человеческой жизни, постольку традиционное поведение не может сохранить свое былое значение и в демографической сфере. И здесь все большее место занимает рационально мотивированное поведе-

ние, сознательно ориентированное на достижение тех или иных тоже рационально осмысленных целей.

Таким образом, в процессе развития капитализма были подорваны условия старого демографического равновесия, разрушен старый механизм управления демографическим поведением людей и сложились новое демографическое равновесие, новые демографические отношения и новый механизм управления. Этот перелом, в ходе которого демографические процессы сложно взаимодействовали с социально-экономическими, а также между собой, и составляет содержание второй демографической революции. Ее результатом было возникновение нового исторического типа воспроизводства населения, который мы, за неимением более удачного термина, будем называть современным¹, или рациональным.

Вторая демографическая революция началась и достигла первых впечатляющих успехов, протекая в русле тех социально-экономических преобразований, которые были связаны с утверждением капитализма. Однако по мере того как капитализм утрачивал свой прогрессивный характер, ослабевало и его положительное влияние на развитие демографической революции.

Опыт самих капиталистических стран и, главное, их бывших колониальных владений свидетельствует о том, что на современном этапе капитализм порождает больше препятствий развитию демографической революции, нежели ее стимулов.

Опыт социалистических стран и прежде всего успех демографической революции в СССР говорит о существовании новых исторических условий перестройки демографических отношений — условий, альтернативных капиталистическим. В наше время именно развитие социализма создает наиболее благоприятные, а может быть, и единственно возможные предпосылки развертывания и завершения демографической революции.

1.5. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1.5.1. ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПЕРВОМУ МИЛЛИАРДУ

Рост численности людей на Земле от нескольких сот тысяч, может быть, одного миллиона первых представителей вида *Homo sapiens* 35—40 тыс. лет назад

¹ Этот термин принадлежит А. Ландри [236, с. 47].

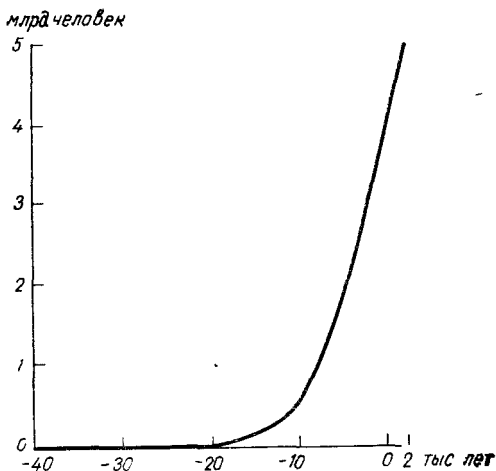

Рис 5 Увеличение численности населения Земли согласно гипотезе экспоненциального роста

до нескольких миллиардов человек в наше время графически часто изображают в виде экспоненты (рис. 5). Действительно, взяв исходное население в 500 тыс. человек, растущее на 0,023 % в год, мы получим через 40 тыс. лет примерно 5 млрд. человек ($5 \cdot 10^5 e^{4 \cdot 10^4 \cdot 23 \cdot 10^{-5}}$) — численность, к которой приближается сейчас население нашей планеты.

Однако доподлинно известно, что в действительности численность населения ни в одной части света никогда не росла неизменными темпами, а знала длительные периоды относительной стабильности, больших или меньших колебаний вокруг некоторого устойчивого уровня, равно как и периоды заметного ускорения темпов роста. Эта динамика изучена лучше для более близких к нам эпох, но археологические данные дают основания судить и об изменениях численности людей в самые ранние периоды существования человечества. Обобщение накопленных данных приводит к схеме динамики численности населения земного шара, отличной от схемы экспоненциального роста [217, с. 198, 204, с. 23]. Эта схема, изображенная на рис. 6, в общем соответствует изложенной нами схеме исторических типов воспроизводства населения.

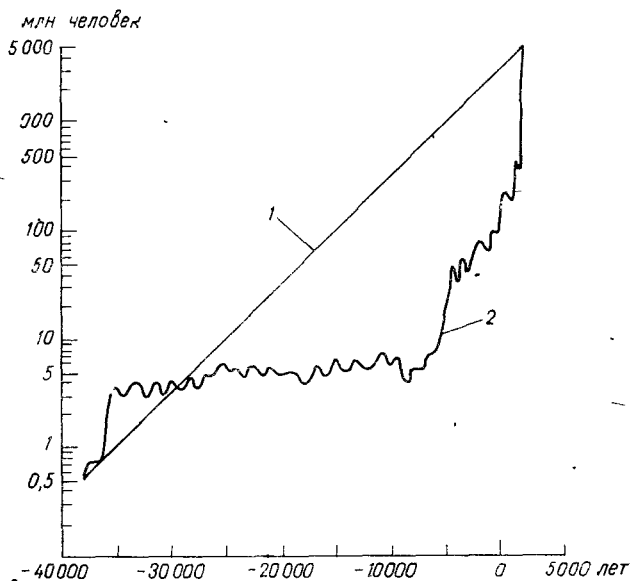

Рис. 6. Предполагаемое фактическое увеличение численности населения Земли по Ж.-Н. Бирабену (вертикальная шкала — в логарифмическом масштабе): 1 — гипотеза экспоненциального роста; 2 — предполагаемый фактический рост

На графике явно выделяются периоды относительной стабильности численности населения и периоды быстрого ее увеличения. Первый такой период ускоренного роста совпадает с эпохой становления человеческого общества, возникновения архетипа воспроизводства населения. Как уже отмечалось, в эту эпоху люди впервые вышли из природных экосистем. Систематическое применение орудий труда и развитие социальной организации не могло не привести к коренному изменению условий выживания древнейших людей, а значит, и к росту их численности. Ранние неандерталы приобрели огромную по сравнению с их животными предками независимость от окружающей среды, смогли приспособиться к самым различным экологическим условиям и расселиться по ойкумене. «Эта дисперсия человечества по материкам и архипелагам земного шара, если сравнить ее с темпами расселения любого другого биологического вида, по своей стремительности мо-

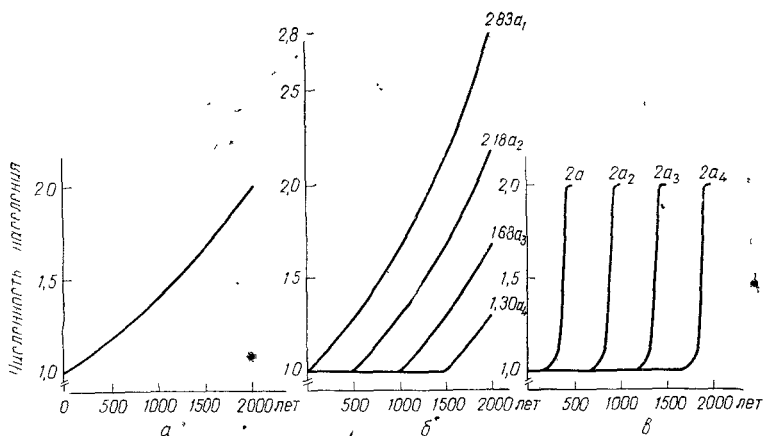
жет быть уподоблена взрыву. За эти полтора-два десятка тысячелетий кроманьонцы преодолели такие экологические перепады, такие водные и прочие препятствия, каких ни один вид животных вообще никогда не мог преодолеть» [144, с. 377].

Первый в истории человечества демографический взрыв, связанный с пространственной экспансией, закончился, вероятно, когда исчерпались ее возможности, а дальнейший рост численности первобытных населений сдерживался застойным характером палеолитической техники. Можно предполагать, что тогда-то и сложились свойственные архетипу воспроизводства населения демографические отношения, которые обеспечивали относительную неизменность численности человеческих популяций, ее устойчивость на протяжении тысячелетий и десятков тысячелетий. По некоторым оценкам рост численности населения в палеолите был ничтожным: тысячные доли процента в год, несколько процентов за тысячелетие [176, с. 237; 216, с. 43].

Эта длительная стабильность сменилась новым значительным ускорением роста численности населения в эпоху неолита. Такое ускорение общепризнано. О нем писал первый исследователь неолитической революции Г. Чайлд [213, с. 70], отмечают его и другие авторы. По имеющимся оценкам темп роста численности населения в неолитическое и постнеолитическое время повысился до 0,03—0,04% в год [176, с. 237; 216, с. 43] (удвоение численности примерно каждые 2 тыс. лет). Согласно нашей исторической типологии, этот второй мировой демографический взрыв есть результат первой демографической революции, перехода от архетипа к традиционному типу воспроизводства населения. Истолкование начавшегося в неолите демографического взрыва наталкивается на определенные трудности. Дело в том, что, по логике рассуждения, окончание демографической революции и утверждение традиционного типа воспроизводства населения должно положить конец и периоду высоких темпов роста его численности, так что этот рост снова должен смениться относительной стабильностью. Между тем все оценки говорят о том, что на протяжении последних 10 тыс. лет темпы роста числа людей на Земле имели общую тенденцию к увеличению [176, с. 237], да и график на рис. 6 указывает, скорее, на рост этих темпов на про-

тяжении всего времени после неолитической революции, нежели на их стабилизацию.

Противоречие здесь, по-видимому, все же кажущееся. Среднемировые темпы роста складываются из темпов роста численности отдельных, относительно изолированных населений, которые могут находиться на разных стадиях демографического развития: одни еще находятся на стадии архетипа воспроизводства, другие переживают демографическую революцию, у третьих она уже завершилась установлением традиционного типа воспроизводства (соответственно у одних ускорение роста численности еще не началось, у других происходит в момент наблюдения, у третьих уже прекратилось). Одни и те же средние темпы роста могут получаться при различных комбинациях этих трех групп населений. На рис. 7 приведены три теоретически возможные схемы динамики численности населения, различающиеся временем вступления отдельных его час-

Исходное население A состоит из четырех населений $a_1=a_2=a_3=a_4$.
а — численность всех четырех населений начинает расти одновременно. Среднегодовой темп 0,035% ($r=0,00035$). Исходная численность населения A за первые 2000 лет превращается в $2A$ за вторые 2000 лет — в $4A$;
б — четыре населения вступают в период роста последовательно одно за другим с интервалом в 500 лет, после чего численность каждого из них растет одинаковым темпом в 0,052% в год ($r=0,00052$). Исходная численность населения A за первые 2000 лет превращается в $2A$, за вторые 2000 лет — в $5,66A$;
в — четыре населения вступают в период роста последовательно одно за другим с интервалом в 500 лет, после чего численность каждого из них растет темпом в 0,30% в год ($r=0,003$). Далее рост прекращается. Исходная численность населения A за первые 2000 лет превращается в $2A$, в дальнейшем не изменяется.

Рис. 7. Возможные схемы динамики численности населения после начала демографической революции эпохи неолита

тей на путь демографической революции. Первая схема мало правдоподобна, ибо она предполагает одновременный переход к новому типу воспроизводства у всех населений, а известно, что неолитическая революция распространялась постепенно. Первые ее очаги возникли, по-видимому, в X—XIII тысячелетиях до н. э. Начавшись в каком-либо районе мира, она занимала многие столетия, а в целом на земном шаре длилась тысячелетия. Например, до Европы она докатилась только в VI—IV тысячелетиях до н. э., отдельные же группы населения Земли оставались на стадии присваивающей экономики до наших дней.

Что же касается второй и третьей схем, то они более или менее вероятны, но каждая из них предполагает переход с вступлением в эру «неолитизации» к темпам роста, существенно более высоким, чем можно полагать, основываясь на среднемировых данных. Имеющиеся оценки как будто подтверждают такое предположение. В сводке А. Г. Козинцева собраны некоторые такие оценки (для неолита в юго-западном Иране, Греции и Турции, на территории Франции, в южной Мексике, на побережье Перу) [97, с. 16]. Средний темп прироста по этим оценкам составляет несколько десятых долей процента в год (удвоение численности за несколько сот лет), что примерно соответствует темпам роста по схеме на рис. 7,в.

Каждое отдельное население переживает, подобно населением на схеме 7,в, демографический взрыв, ограниченный определенными временными рамками, после чего его численность стабилизируется. Но само число населений, проходящих через эту революционную стадию развития, на протяжении тысячелетий пространственного распространения новых социально-экономических условий может долгое время нарастать, в силу чего и должно происходить увеличение среднемировых темпов роста.

Динамика численности населения за более близкое к нам время может быть рассмотрена более подробно. К началу нашей эры численность населения Земли составляла примерно четверть миллиарда человек, понадобилось 1800 лет, чтобы она приблизилась к миллиарду. Такое двукратное удвоение за 1800 лет говорит о том, что население мира в целом в этот период росло быстрее, чем когда-либо прежде, но это утвер-

ждение по-разному справедливо для разных частей этого периода и для разных, относительно изолированных регионов.

- За первое тысячелетие нашей эры население мира, по разным оценкам, либо вовсе не увеличилось [204, с. 16], либо увеличилось незначительно [176, с. 237], хотя отдельные регионы знали в этот период и резкое падение, и резкий рост численности населения. Лишь в XI в. начался общий рост, приведший к первому удвоению численности примерно к середине XVI в. Но этот рост не затронул населения Передней Азии — колыбели неолитической революции, некогда самого многолюдного региона мира, неизменной оставалась численность населения Северной Африки, не очень быстро росла она на нынешней территории СССР. Зато население Китая увеличилось к концу XVI в. вдвое, население некоторых других районов Азии — более чем вдвое, в частности Индостанского субконтинента — более чем в 3,5 раза. Почти в 3,5 раза выросло население Африки (без Северной), которое, кстати сказать, быстро росло и в первом тысячелетии.

Новое увеличение численности населения мира — с 500 млн. до 1 млрд. человек (оно завершилось в первые десятилетия XIX в.) — было наполовину обусловлено очень быстрым ростом населения Китая, заметно ускорился также рост населения в России и Японии. В Передней Азии и Северной Африке продолжался застой, население Африки к югу от Сахары после длительного периода роста несколько уменьшилось: видимо, сказалось влияние колониализма. Вероятно, по той же причине потеряло быстрые темпы роста население Индостанского субконтинента.

Динамика численности населения мира в целом и его наиболее населенных регионов (рис. 8) более чем за два тысячелетия, предшествовавшие современной демографической революции, свидетельствует об относительно быстром, хотя и прерывистом росте, в котором нашли суммарное выражение различные, нередко противоречивые тенденции динамики численности отдельных частей населения, находящихся на разных стадиях демографического развития. Этот этап можно рассматривать как растянутый во времени и приобретающий всемирные масштабы демографический взрыв, порожденный первой демографической революцией, не-

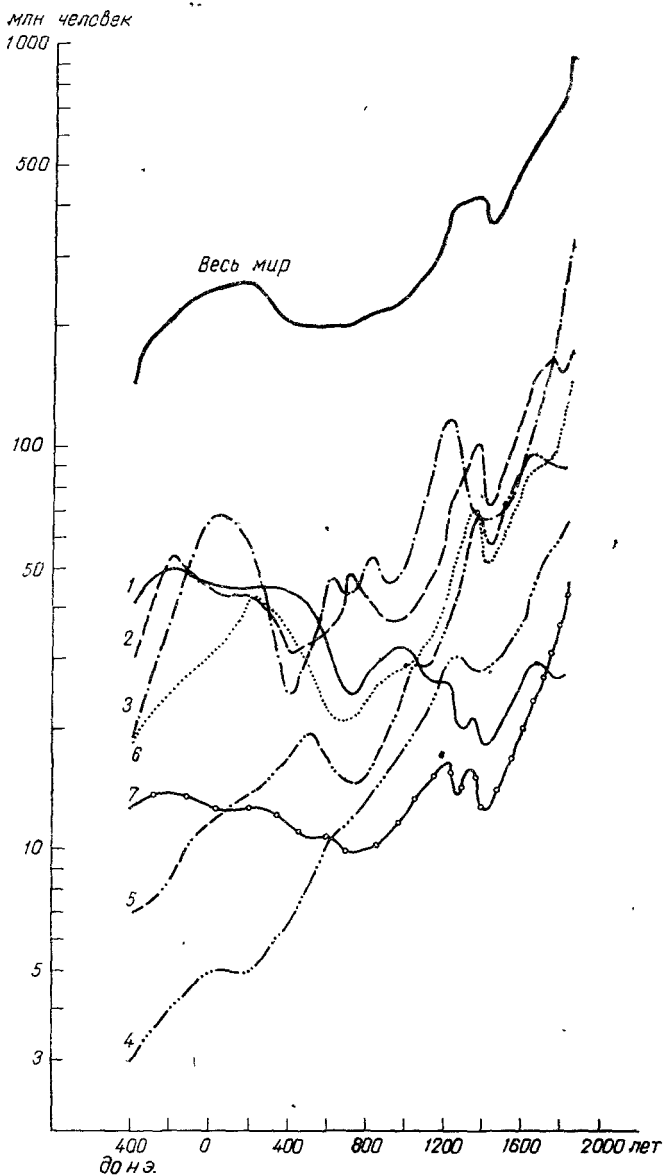

Рис. 8. Рост численности населения мира и его крупных регионов с 400 г. до н. э. до 1800 г.:

1 — Юго-Западная Азия; 2 — Индостанский субконтинент; 3 — Китай.
4 — остальная Азия; 5 — Африка (без Северной); 6 — Европа (без СССР); 7 — СССР

одновременным переходом к традиционному типу воспроизводства населения в разных районах земного шара. Но здесь возможны, вероятно, и другие гипотезы и объяснения, которые могут и не вписаться в нашу слишком общую схему. Для их формулирования и проверки требуются специальные исследования истории роста численности населения отдельных частей населения мира в увязке с их социально-экономической историей.

1.5.2. СОВРЕМЕННЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Новый этап роста численности населения мира — новый демографический взрыв — начался в XIX в. К 1800 г. население нашей планеты не достигло еще 1 млрд. человек. Но затем развертывание современной демографической революции в Европе привело к резкому ускорению роста численности ее населения, и это послужило главной причиной того, что только за XIX в. число людей на Земле увеличилось более чем в полтора раза. В XX в. демографическая революция шагнула за пределы Европы и рост численности населения Земли намного ускорился.

Хотя слово «взрыв» обычно употребляется для разного описания ускоренного роста населения, это довольно глубокий образ, ибо он отражает не только внешнее явление, но в известной степени и его внутренний механизм: выход воспроизводственного процесса из-под контроля общества, нарушение саморегулирования демографической системы (взрыв в физике — это тоже выход процесса из-под контроля, неуправляемое выделение большого количества энергии). В обычных условиях механизмы саморегулирования не допускают слишком сильного и длительного нарушения демографического равновесия. Сбалансированность рождаемости и смертности обеспечивается целостностью исторического типа воспроизводства населения, в рамках которого методы социального управления рождаемостью и смертностью «подогнаны» друг к другу, соответствуют общим историческим условиям демографического бытия. Когда же в ходе демографической революции устанавливается переходный тип воспроизводства населения, указанная целостность временно нарушается. Как правило (знаящее, впрочем, некоторые исключения), переход к но-

вому типу смертности и к новому типу рождаемости в ходе современной демографической революции совершается не одновременно, перестройка механизмов социального управления рождаемостью запаздывает и какое-то время уже сложившейся низкой смертности соответствует по-прежнему высокая рождаемость. Это и служит причиной ускоренного роста населения. После того как утверждается новый основной тип воспроизводства населения и восстанавливается утраченная на время целостность демографических отношений, демографический взрыв прекращается.

Таким образом, современный демографический взрыв — это результат незавершенности начавшейся демографической революции. Как долго длится такая незавершенность, с какой скоростью и в какой последовательности снижение смертности и рождаемости распространяется на различные слои общества, зависит от многих конкретных исторических факторов. В этом смысле демографическая революция в разных исторических условиях протекает по-разному, причем и сами различия в ходе демографической революции, и вытекающие из них различия в «мощности» и длительности демографического взрыва могут быть очень значительными.

Имеются различные попытки типологизировать реально наблюдаемые схемы развития демографической революции с точки зрения ее влияния на рост численности населения [137, с. 165; 58, с. 193]. Одна из интересных попыток была предпринята недавно Ж.-К. Шене. Предложенная им типология отражает такие особенности перехода, как его длительность, наибольший коэффициент естественного прироста, достигнутый во время перехода, и показатель, названный «переходным мультипликатором» и показывающий, во сколько раз увеличивается численность населения за время существования переходного типа воспроизводства [212].

Ж.-К. Шене выделил три основные схемы демографического перехода: схема I, характерная для большинства европейских стран (включая СССР) и Японии; схема II, свойственная заокеанским странам, заселенным выходцами из Европы; схема III, наблюдающаяся сейчас в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Каждая схема может иметь

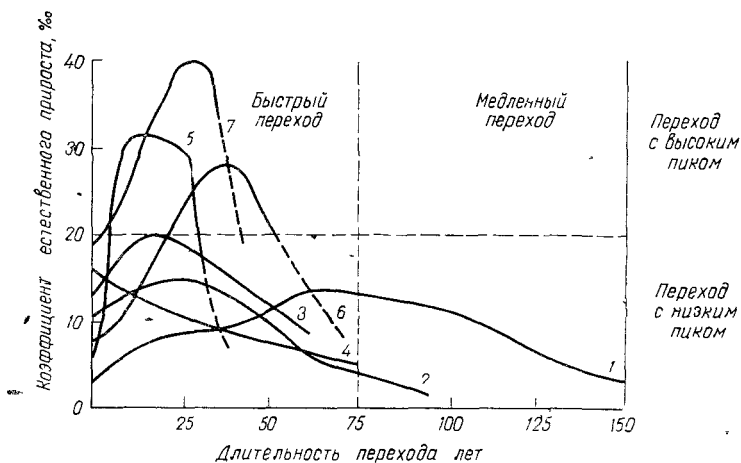

Рис. 9. «Профили» демографического перехода:
 схема I: 1 — Швеция, 2 — Германия (ФРГ); 3 — СССР, схема II 4 — США;
 схема III 5 — Маврикий; 6 — Шри-Ланка, 7 — Коста-Рика

несколько типичных вариантов. Типология Ж.-К. Шене иллюстрируется на рис. 9. С точки зрения роста численности мирового населения особенно важно, что схема III характеризуется более высокими значениями переходного мультипликатора. Если для Швеции он равен 3,7, для ФРГ — 2,1, для Италии — 2,3, то для Индии он составит (в зависимости от того, как будет идти завершение перехода) от 3,7 до 4,7, для Египта — от 3,9 до 5,0, для Мексики — от 7,0 до 10,0 [212, с. 1143]. Для большинства развивающихся стран, вступивших в эпоху демографической революции уже в XX в., характерна именно схема III, что и объясняет резкое ускорение роста населения мира в последние десятилетия.

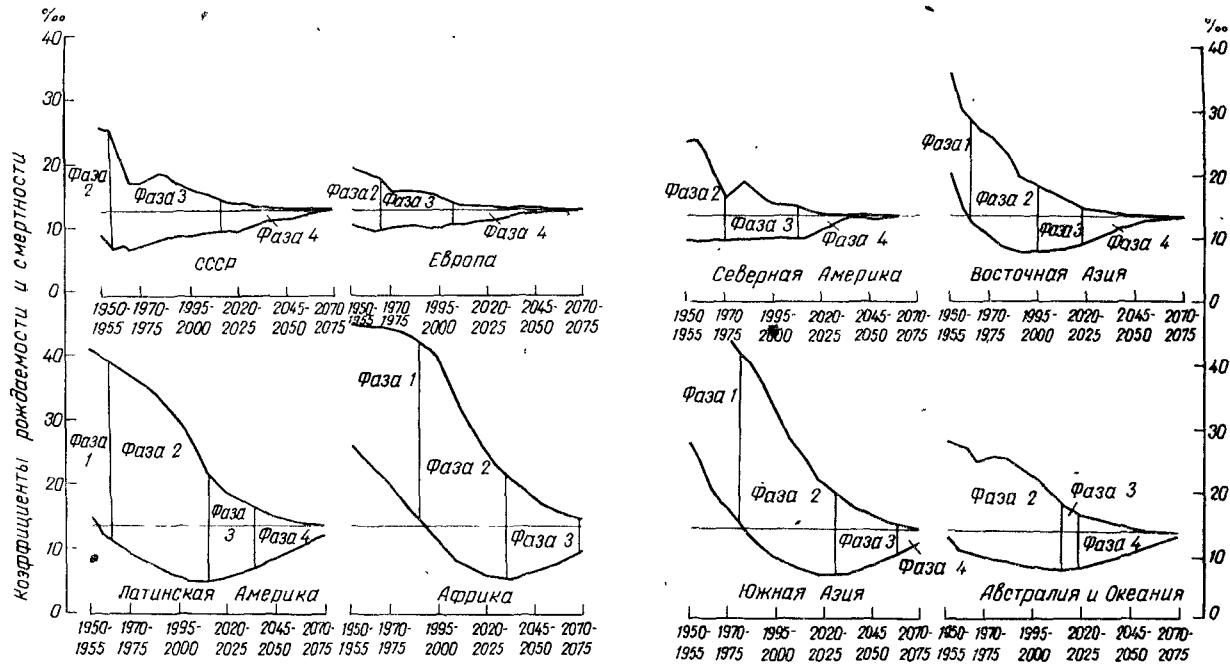
Современный демографический взрыв — временное явление, с завершением демографической революции в развивающихся странах он должен прекратиться. Но как скоро это произойдет и какой окажется к этому времени численность обитателей нашей планеты?

Прекращение демографического взрыва предполагает окончание качественной перестройки процессов рождаемости и смертности, вследствие чего их количественные характеристики перестанут резко меняться.

ся и станут относительно устойчивыми, разрыв в уровнях того и другого исчезнет или сократится до незначительной величины и население приблизится к стационарному состоянию. Если исходить из изложенных выше представлений, согласно которым демографический взрыв есть результат временной неуправляемости процесса воспроизводства населения и целостность системы социального управления им должна восстановиться, то такое развитие событий кажется вполне естественным. О том, что оно весьма вероятно, говорит опыт стран, в которых демографическая революция в основном завершилась. Вспоминая в связи с этим мысль К. Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [9, с. 9], Э. А. Араб-Оглы справедливо отмечает: «Этот универсальный принцип содержательной повторяемости во всемирной истории, несомненно, как подтверждают все примеры без исключения, распространяется не только на область социально-экономических отношений в целом, но и на область демографических процессов» [28, с. 144].

Завершение демографического взрыва и приближение мирового населения к стационарному состоянию предполагается обычно при разработке долгосрочных демографических прогнозов. Чтобы показать вероятное развитие событий в обозримом будущем, мы воспользуемся одним из таких прогнозов, составленным демографическим отделом ООН. Он не может претендовать на большую точность, по существу это даже не прогноз, а лишь обобщенные перспективные оценки будущих демографических тенденций. Но они достаточно реалистичны, ибо их авторы старались как можно более полно учесть как современные тенденции, так и возможные условия их развития.

Специалисты ООН приняли определенные предположения в отношении динамики показателей рождаемости и смертности для разных регионов мира в процессе прохождения их через разные этапы демографической революции. Согласно их гипотезе, стабилизация произойдет, когда средняя продолжительность жизни повысится до 74,8 года, а рождаемость понизится до 2,08 рождения в среднем на 1 женщину. При этом нетто-коэффициент воспроизводства населения станет равным единице, но рост его

Горизонтальная линия на графике соответствует коэффициентам рождаемости и смертности после окончания процесса стабилизации — 13,4‰

Рис. 10 Фазы демографической революции и процесс стабилизации численности населения

численности еще будет продолжаться (за счет потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре). Только через несколько десятилетий этот потенциал иссякнет, коэффициент рождаемости сравняется с коэффициентом смертности (и тот и другой установятся на уровне 13,4‰) и рост численности населения прекратится. Указанным предположениям соответствует схематическое изображение процесса демографической стабилизации по мере завершения перехода к современному типу воспроизводства населения на рис. 10. На схеме выделено 4 фазы такого перехода.

Первая фаза характеризуется снижением коэффициента смертности, более быстрым чем снижение коэффициента рождаемости, в результате чего коэффициент естественного прироста увеличивается, достигая наибольших значений. Демографический взрыв достигает своего пика. Здесь на первый план выступает стабилизирующее влияние демографической революции.

Во второй фазе снижение коэффициента смертности продолжается, и к концу ее он достигает самых низких значений, но коэффициент рождаемости снижается быстрее, так что прирост населения постепенно замедляется.

Характерная черта третьей фазы — повышение коэффициента смертности, связанное с изменением возрастного состава населения («постарением»). Одновременно замедляется снижение рождаемости. К концу третьей фазы коэффициент рождаемости приближается к конечному уровню простого воспроизводства, коэффициент же смертности остается еще ниже этого уровня, так как возрастной состав все еще находится в состоянии изменения и в населении имеется повышенная доля возрастных групп с низкой смертностью. Тем не менее стабилизационная тенденция становится ясно ощутимой.

Четвертая фаза характеризуется неизменным коэффициентом рождаемости и продолжающимся повышением коэффициента смертности, пока он, наконец, не достигает того же уровня, что и коэффициент рождаемости. На этом процесс демографической стабилизации заканчивается, и только тогда рост численности населения прекращается и она устанавливается на неизменном уровне. Разумеется, речь здесь идет о са-

мой общей схеме, которая отражает главные направления демографического развития, но совершенно не исключает разнообразных колебаний и временных отклонений от основной тенденции¹.

Мы видим, что различным регионам предстоит пройти через разные фазы демографической революции (одни сейчас находятся в третьей фазе, другие — во второй, а иногда даже в первой). Неудивительно поэтому, что еще долго будут сохраняться и различия в темпах роста населения, а сам этот рост, по крайней мере до середины будущего столетия, будет оставаться значительным. Правда, к началу будущего века демографический взрыв, вероятно, пройдет свою кульминационную точку и пойдет на спад. Если сейчас население мира увеличивается на 1,9 % в год, то в первой четверти XXI в. темп роста сократился до 1,4 % в год, во второй четверти — до 0,8 %, в третьей — до 0,4 %. Но абсолютные величины прироста будут все же оставаться значительными.

Общее представление об изменении численности населения мира с 1950 г. с учетом долговременного прогноза дает табл. 1.

Таблица 1. Рост численности населения мира и его крупных регионов до 2075 г., млн. человек [107, с. 74; 257, с. 7]

Регион	1950	1975	2000	2025	2050	2075
Весь мир	2 513	4 033	6 199	9 065	11 163	12 210
СССР	180	254	312	368	393	400
Восточная Азия	673	1 063	1 406	1 650	1 760	1 775
Южная Азия	706	1 255	2 205	3 651	4 715	5 232
Латинская Америка	164	323	608	961	1 202	1 297
Северная Америка	166	236	290	332	339	340
Африка	219	406	828	1 479	2 112	2 522
Европа	392	474	520	580	592	592
Австралия и Океания	13	21	30	44	50	52

¹ Некоторые демографы предполагают, что после окончания четвертой фазы демографической революции возможно наступление ее пятой фазы, характеризующейся «регрессом» населения, сокращением его численности вследствие слишком сильного падения рождаемости [248]. Эта гипотеза более подробно обсуждается в разделе 3.6.2.

Хотя некоторый рост населения будет продолжаться и в XXII в., основная часть прироста падает на период до 2050 г. и достигается в основном за счет развивающихся стран. К середине XXI в. демографическая революция во всех регионах пройдет через вторую фазу, а в большинстве их (исключение составляет только Южная Азия и Африка) — и через третью, и демографический взрыв в основном завершится. Если исключить вероятность всякого рода мировых катаклизмов, то без большого риска ошибиться можно утверждать, что к этому времени на Земле будет жить 10—12 млрд. человек.

Помимо прогноза ООН, приведенного в табл. 1, существуют и другие прогнозы динамики населения мира. Некоторые из них опираются на заведомо нереальные предпосылки, предполагают такие изменения рождаемости и смертности, на которые в действительности нельзя рассчитывать. Эти прогнозы имеют аналитическую, познавательную ценность, предупреждают о возможных последствиях того или иного развития демографической ситуации. Как отмечает Э. А. Араб-Оглы, «предвидение того, что *не может быть*, часто оказывается не менее важным, чем прогнозирование того, что может произойти при определенных условиях» [28, с. 44—45]. Но показатели табл. 1 — это как раз то, что *может быть*, прогноз ООН достаточно реалистичен.

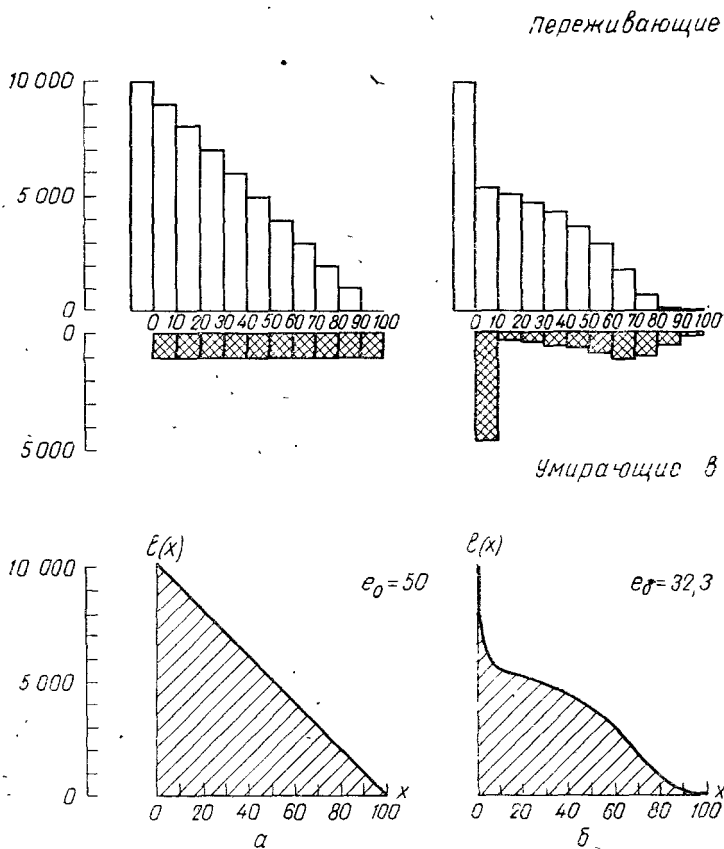
ОБЩЕСТВО И СМЕРТНОСТЬ

2.1. СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СМЕРТНОСТЬЮ

2.1.1. УПРАВЛЕНИЕ СМЕРТНОСТЬЮ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ЕЕ ЭКЗОГЕННЫХ ФАКТОРОВ

Общество всегда осознанно или неосознанно воздействовало на использование биологически заданной видовой продолжительности жизни человека, а в будущем, возможно, окажется способным воздействовать и на саму видовую продолжительность жизни. *Это воздействие и есть социальное управление смертностью.*

Смерть — неизбежный исход всякой индивидуальной человеческой жизни. Один такой исход отличается от другого возрастом наступления смерти, и это отличие настолько существенно, что с определенной точки зрения в качестве индивидуально и социально значимого исхода правильнее рассматривать не саму смерть, а время, прожитое человеком от рождения до смерти. Назовем такой исход *жизненным*, или *витальным* (термин, может быть, не особенно удачный, но лучшего подобрать не удалось). Отдельный человек может умереть сразу после рождения или дожить до глубокой старости, но в населении обычно представлены самые различные исходы, каждый из которых характеризуется определенной вероятностью появления его в общей массе витальных исходов. Эта вероятность описывается функцией $d(x)$ на интервале значений x от 0 до предельного возраста ω («числа умирающих» в возрасте x лет, или вероятность для новорожденного прожить x лет). Среднее значение всех витальных исходов, взвешенное по вероятностям появления каждого из них, и дает среднюю продолжительность предстоящей жизни при рождении e_0 , которую можно рассматривать в качестве обобщенной характеристики режима дожития.

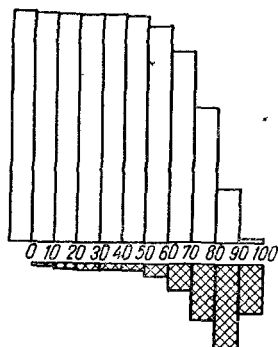
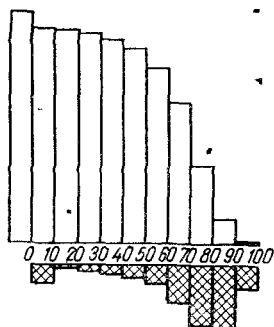
Множество возможных исходов не упорядочено, все исходы равновероятны;

Вероятность умереть в первые 10 лет жизни очень велика; для тех, кто дожил до 10-летнего возраста, вероятности оставшихся витальных исходов различаются сравнительно мало (таблица смертности населения Европейской России 1896—1897 гг. для обоих полов);

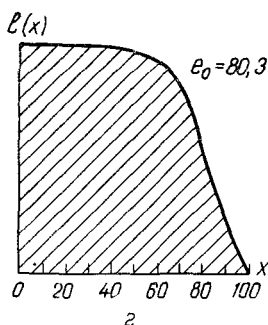
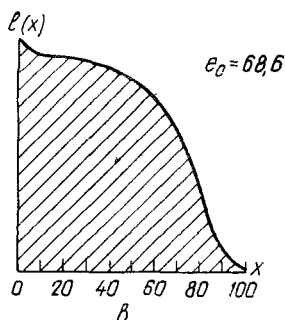
Каждому распределению витальных исходов соответствует своя функция $E(x)$ — площадь под линией I_x — все время, прожитое исходной

Рис. 11. Разные типы упорядоченности множества

возраст x

возрасте x

Витальные исходы существенно неравновероятны, вероятность прожить менее 60 лет относительно низка (таблица смертности населения СССР 1958—1959 гг. для обоих полов).

Неравновероятность витальных исходов еще больше, чем в предыдущем случае, преобладают витальные исходы, при которых значительное большинство людей проживает не менее 70 лет (гипотетическая таблица смертности женщин Норвегии, построенная Ж. Буржуа-Пиша в предположении полного устранения экзогенной смертности).

дожития l_x и своя средняя продолжительность жизни. Заштрихован совокупностью родившихся
ВИТАЛЬНЫХ ИСХОДОВ

Если множество витальных исходов никак не упорядочено, то появление любого из них в принципе равновероятно. Такая равновероятность наблюдается у некоторых видов в природе [76, с. 214], но у человека, да и у большинства животных положение иное. Возможное разнообразие витальных исходов упорядочено, вероятность одних, как правило, больше, чем других. Такая упорядоченность свидетельствует о наличии управляющих воздействий, которые и уменьшают неопределенность витальных исходов (рис. 11).

Смерть любого биологического организма есть результат взаимодействия двух групп факторов: *эндогенных*, порождаемых внутренним развитием самого организма, и *экзогенных*, связанных с действием внешней среды. Эндогенные процессы, ведущие к «естественной» смерти организма, находятся под контролем генетической программы, так что обусловленные ими витальные исходы упорядочены биологически. Сама эта упорядоченность не остается неизменной на протяжении эволюции живой природы, поскольку эволюционирует само явление смерти [170, с. 6]. Скажем, на ранних этапах этой эволюции естественная смерть совпадает с размножением, тогда как на более поздних становится следствием старения. Когда говорят о старении организма человека, то собственно и имеют в виду, что управляемые генетической программой эндогенные процессы упорядочены таким образом, что их действие как факторов смерти распределяется на протяжении жизни организма не случайным образом, не равномерно, а концентрируется в нарастающей степени в старших возрастах. Конечно, эта упорядоченность относительна, стохастический компонент есть и в действии эндогенных факторов. Некоторое количество эндогенно детерминированных смертей, обусловленных не старением, а какими-либо другими причинами (наследственными болезнями, врожденными пороками и т. п.), наступает в молодых, часто в ранних детских возрастах. Старость, подводящая человека к смерти, также не у всех наступает в одном и том же возрасте. Хотя естественная скорость старения — эволюционная характеристика вида, она имеет индивидуальные особенности. Возраст, к которому жизнеспособность различных людей исчерпывается при любых, даже самых благоприятных условиях жизни, колеблется вокруг не-

которой величины. Эта величина и есть биологическая, или видовая, продолжительность жизни. Тем не менее, если рассматривать всю гипотетическую кривую эндогенно детерминированной смертности как функцию возраста, то в целом элемент случайности оказывается незначительным, вероятность смерти зависит от возраста очень сильно.

Иначе обстоит дело с экзогенными, внешними воздействиями, несущими угрозу жизни человека и повышающими неопределенность витальных исходов. С точки зрения развития индивидуального организма их поток неупорядочен, случаен. Вероятность оказаться объектом таких воздействий сама по себе мало зависит от возраста. Разумеется, далеко не все подобные воздействия ведут к немедленной смерти. Но, как правило, они не проходят бесследно, вызывают повреждения, которые, постепенно накапливаясь в организме, также приводят к понижению его жизнеспособности с возрастом, ускоряют старение. В этом смысле действие экзогенных факторов сходно с действием эндогенных, «квазиэндогенно», по выражению Е. М. Андреева. Существуют, однако, и такие экзогенные воздействия, сила которых превосходит защитные способности организма в любом возрасте. Эти воздействия наиболее опасны, ибо вызываемая ими смертность не диктуется реальной возрастной эволюцией организма: погибают люди, которые, не столкнувшись с подобным случайным воздействием, могли бы жить еще много лет.

Различие в действии зависящих и не зависящих от возраста факторов находит отражение в известной формуле Гомперца — Мейкхема, описывающей изменение смертности с возрастом начиная с того периода человеческой жизни, когда старение уже дает о себе знать (примерно с 30 лет):

$$q(x) = A + Be^{\alpha x},$$

где $q(x)$ — вероятность смерти в возрасте x ; A , B , α — параметры уравнения.

Первое слагаемое A (компонент Мейкхема) не зависит от возраста и отражает вклад в смертность экзогенных факторов. Второе слагаемое (компонент Гомперца), напротив, показывает нарастающий с возрастом вклад эндогенных факторов.

По-разному сочетаясь между собой, экзогенные и эндогенные факторы формируют непосредственные причины смерти людей. Существуют причины чисто или почти чисто экзогенные, такие, как острый голод, стихийное бедствие или убийство. Другие причины — преимущественно экзогенные, хотя к их действию присоединяется и действие эндогенных факторов. Так, инфекционные болезни имеют несомненно экзогенное происхождение, но, при прочих равных условиях, они поражают не всех подряд, и не все заболевшие умирают от них. Можно думать, что здесь имеет значение отсутствие естественного иммунитета, наследственная предрасположенность организма к некоторым заболеваниям, его меньшая жизнеспособность и другие эндогенные факторы. Третьи причины — преимущественно эндогенные, связанные прежде всего со старением организма, хотя и в их формировании немалое значение может принадлежать экзогенному компоненту. Таковы, например, сердечно-сосудистые заболевания, в генезисе которых естественный процесс снижения жизнеспособности с возрастом или поздно проявляющиеся наследственные пороки тесно переплетаются с влиянием среды обитания, условий работы, питания, отдыха и т. п. Наконец, некоторое число смертей обусловлено в решающей степени врожденными, наследственными пороками и т. п., т. е. имеет почти исключительно эндогенную природу.

Имеются и такие причины смерти, для которых вопрос о сравнительной роли детерминирующих их эндогенных и экзогенных факторов нельзя еще считать окончательно решенным, поскольку существуют различные, нередко взаимоисключающие гипотезы, объясняющие их происхождение. Таковы, в частности, злокачественные новообразования. В демографической литературе их трактуют иногда как имеющие преимущественно эндогенную [145, с. 84; 208, с. 13], иногда же — преимущественно экзогенную [178, с. 233] природу. Специалисты в области эпидемиологии рака все более склоняются к признанию преобладающей роли факторов среды в возникновении злокачественных новообразований, а проявление раковых заболеваний в основном в пожилых и старческих возрастах объясняют длительным периодом их латентного развития [123, с. 130 и далее; 193, с. 12]. Если встать на такую точку зрения, то

злокачественные новообразования можно считать типичной «квазиэндогенной» причиной смерти.

Как правило, причины, обусловленные действием эндогенных и «квазиэндогенных» факторов, вызывают смерти в более поздних возрастах, тогда как преобладание экзогенного компонента с большей вероятностью ведет к смерти в средних и особенно в детских возрастах. Поэтому управление смертностью, упорядочение витальных исходов, направленное на увеличение продолжительности жизни, связано прежде всего с ограничением действия экзогенных факторов.

Такое управление тоже может иметь биологическую природу, общая линия биологической эволюции ведет к ослаблению зависимости организма от случайных внешних воздействий. Как замечает У. Р. Эшби, способность блокировать поток разнообразия от возмущений к существенным переменным есть признак хорошего регулятора [194, с. 258]. Можно сказать, что в ходе эволюции в природе выработались механизмы, обладающие неплохой блокирующей способностью в указанном выше смысле, существенно повышающие защищенность организма от внешних воздействий. Поэтому, в частности, птицы или млекопитающие не знают систематической массовой гибели, какой подвержены, скажем, насекомые или рыбы, нередко теряющие более 99% потомства.

Тем не менее даже и у высших млекопитающих подавляющее большинство смертей остается экзогенно детерминированным, вызывается действием зависящих или не зависящих от плотности популяции факторов внешней среды и наступает до того, как организм достигает предела естественного старения. Видовая продолжительность жизни большинством особей используется в незначительной степени. И только возникновение человеческого общества, а с ним и социального управления смертностью создает принципиально новые возможности ограничения действия экзогенных факторов смертности и увеличения использования видовой продолжительности жизни человека.

В наше время, когда возможности социального управления смертностью необыкновенно выросли, реальной перспективой стало воздействие общества и на ее эндогенные факторы и связанное с этим увеличение видовой продолжительности жизни. Но пока такое воз-

действие еще не стало реальностью. Все успехи социального управления смертностью в прошлом и настоящем связаны с ограничением только экзогенных факторов смертности.

2.1.2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СМЕРТНОСТИ

Можно выделить три основных направления ограничивающего воздействия общества на экзогенные факторы смертности: а) коллективная хозяйственная деятельность людей, повышающая надежность удовлетворения их необходимых жизненных потребностей; б) подчинение индивидуального «витального» (т. е. непосредственно влияющего на витальные исходы) поведения социальным нормам, в большей или меньшей степени охраняющим жизнь человека и требующим взаимопомощи при возникновении опасности для нее; в) использование накапливающихся знаний об организме человека и свойствах окружающей среды для охраны, спасения или продления человеческой жизни.

Появление в период становления общества этих трех направлений воздействия на смертность означало огромный качественный скачок в ее истории. Социальное управление смертностью не противостоит биологическому. Напротив, оно продолжает наметившуюся в развитии природы линию на ограничение зависимости жизни организма от случайных внешних условий. Везде, где это возможно, выработанные естественным отбором механизмы включаются в систему социального управления смертностью, хотя и в «снятом» виде. Например, забота о потомстве, существующая уже у птиц и млекопитающих и повышающая выживание молодняка, сохраняется и в человеческом обществе, хотя у людей такая забота диктуется уже не инстинктом, а культурными нормами. Но, используя регуляторы смертности, созданные природой, общество добавляет к ним новые, которые природа дать не может. Эти новые — социальные — регуляторы оказываются настолько мощными и эффективными, настолько повышают способность к выживанию особей вида *Homo sapiens* в сравнении с особями любого другого биологического вида, что дают основание говорить о смертности людей как о качественно новом явлении в истории смертности. Социальное управление — его отличительная черта.

Эффективность такого управления не остается неизменной на протяжении истории. Управлять смертностью — значит воздействовать на множество витальных исходов, повышая вероятность одних и понижая вероятность других. Поэтому логично эффективность управления связать со степенью ограничения воли случая в предопределении витальных исходов. Возможности такого ограничения — это и есть возможности использования трех указанных направлений воздействия на смертность.

Понятно, что эти возможности в решающей степени зависят от развития производительных сил, определяющего способность общества контролировать враждебные здоровью и жизни человека стихийные силы природы. Великое противостояние человека и природы длится десятки тысячелетий, на протяжении которых люди шаг за шагом подчиняли себе природу, учились ограничивать ее власть, преобразовывать ее, все лучше использовать в своих целях.

Однако это не значит, что каждый такой шаг нес с собой увеличение выживания людей, изменение соотношения сил жизни и смерти. Демографическая история говорит, скорее, о другом. Среди тех задач, которые человечеству приходилось решать на своем историческом пути, задача ограничения внешних факторов смертности была одной из самых сложных. Успехов в ее решении удавалось достичь только тогда, когда в самом развитии производительных сил совершались наиболее крупные качественные скачки и соотношение сил человека и природы менялось кардинально.

Если не считать переворота, который произошел в эпоху становления человеческого общества в связи с появлением орудий труда, два главных скачка в развитии производительных сил дважды обусловили скачкообразный рост эффективности социального управления смертностью: переход к аграрной экономике в эпоху неолита и к промышленной экономике в наше время. Те изменения в производительных силах, которые происходили между этими скачками, не создавали принципиально новых возможностей ограничения экзогенной смертности. Поэтому после каждого скачка на долгое время утверждались новые, практически непреодолимые границы дальнейшего снижения смертности и роста средней продолжительности жизни, которые и играли

на протяжении всего этого времени роль одного из важнейших ограничений, накладываемых на функционирование демографической системы. Мы относим это ограничение к числу демографических, т. е. таких, которыми определяются безусловные объективные границы области демографической свободы какого-либо общества на данном этапе его существования. Эти границы имеют исторический характер, и демографический смысл сдвигов, вызываемых крупными скачками в развитии производительных сил, как раз и заключается прежде всего в расширении области демографической свободы за счет преодоления очередного такого рубежа.

И все же скачок в развитии производительных сил — это лишь одна из предпосылок, приводящих к историческому перевороту в смертности. Он создает возможность такого переворота, но не делает его необходимым. Необходимость, делающая обязательной реализацию появившейся возможности, — результат социального развития, изменений в демографических отношениях.

Почему происходят такие изменения? Объяснение им надо искать в функционировании всей демографической системы, в ее взаимодействии с обществом, оно тесно связано с представлением о качестве функционирования демографической системы (см. 4.3).

Для общества как целого всегда выгодно максимальное использование возможностей, создаваемых расширением области демографической свободы, так как оно позволяет получить необходимые демографические результаты ценой меньших «затрат», дает экономический и социальный выигрыш. Даже в классовом обществе в этом выигрыше заинтересованы все слои населения. Для эксплуатируемых классов речь идет прежде всего об увеличении длительности их собственной жизни, что может, при определенных условиях, рассматриваться как самостоятельная социальная цель, с достижением которой связаны прогрессивные перемены в образе жизни. Эксплуаторские же классы заинтересованы в уменьшении демографических потерь, ибо именно эти классы присваивают себе львиную долю выигрыша, который несет исторический прогресс. Понятно, что общность интересов может существовать здесь лишь в достаточно узких пределах, за которыми интересы классов резко расходятся, и борьба между

ними оказывается одним из решающих факторов формирования и сохранения определенных демографических отношений. Полное единство интересов в вопросе о максимальном использовании возможностей снижения смертности доступно только обществу, не разделенному на антагонистические классы.

Как только новые условия сохранения человеческой жизни, создаваемые развитием производительных сил, становятся хоть сколько-нибудь осязаемыми, общество начинает интуитивно нащупывать пути использования открывшихся возможностей. Разворачивается стихийная перестройка демографических отношений и всех связанных с ними культурных структур, меняется понимание ценности жизни, взгляд на смерть, вообще все связанное с этим аспектом человеческого существования мировоззрение. В итоге в общественном сознании закрепляется отвечающее новым условиям представление о социально допустимом максимуме смертности и приемлемых с этой точки зрения формах человеческого поведения, на которые, как правило, ориентируются как индивидуальные поступки людей, так и функции и деятельность социальных институтов. Эти представления и играют роль непосредственно связанных со смертностью недемографических ограничений, накладываемых на функционирование демографической системы и не позволяющих смертности в обычных условиях подниматься выше некоторого предельного уровня. Реализация возможностей перестройки смертности, созданных развитием производительных сил, становится социальной необходимостью.

Таким образом, в исторической эволюции человеческой смертности можно выделить узловые точки, в которых резко изменяются качественные и количественные характеристики этого важнейшего подпроцесса воспроизводства населения: а) меняются материальные возможности воздействия на смертность, ограничения ее факторов; б) меняются социальные отношения по поводу сохранения человеческой жизни; в) соединение этих двух изменений приводит к изменению эффективности социального управления смертностью и установлению новой, более прогрессивной структуры факторов и причин смерти; г) меняются количественные характеристики смертности, увеличивается средняя продолжительность жизни.

Все эти изменения тесно взаимоувязаны и представляют собой процесс формирования определенного исторического типа смертности. Такой тип есть нечто целостное. Его качественные и количественные признаки соответствуют друг другу и тому этапу человеческой истории, на котором данный тип смертности существует. В нем внутренне содержатся демографические и недемографические ограничения, определяющие одну из основных границ области демографической свободы.

В соответствии с общей схемой периодизации демографической истории можно выделить три исторических типа смертности: архетип, традиционный и современный. Такая периодизация позволяет в предельно укрупненном виде рассмотреть основные этапы взаимоотношения человека и смерти, как оно складывалось на протяжении десятков тысячелетий истории, показать генеральную историческую тенденцию повышения эффективности социального управления смертностью.

2.2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СМЕРТНОСТЬЮ

2.2.1. ОТ АРХЕТИПА К ТРАДИЦИОННОМУ ТИПУ СМЕРТНОСТИ

С того момента, как человек отделился от животного мира и вышел из естественных экосистем, его смертность стала объектом социального управления, пусть поначалу весьма несовершенного. Тогда и сформировался первый исторический тип человеческой смертности, ее архетип, сохранявшийся без принципиальных изменений на протяжении десятков тысячелетий. Уже тогда жизнь человека зависела от неблагоприятных внешних факторов намного меньше, чем жизнь животных, но по сравнению с последующими этапами развития человечества эффективность социального управления смертностью в этот период была крайне низкой. И лишь когда развитие производительных сил открыло новые возможности ограждения человеческой жизни от враждебных ей воздействий среды, появились и первые признаки нового типа смертности.

Как отмечают Д. Ачади и Я. Немешкери, «нет сомнения, что новый тип смертности начал вырисовываться в мезолите в ходе экономической революции неולי-

тизации. Смертность была ниже, чем в палеолите, т. е. соответствовала нижней границе архетипа» [196, с. 187]. В дальнейшем «новые социальные и экономические условия, сложившиеся благодаря «сельскохозяйственной революции» эпохи неолита, создали новую демографическую ситуацию. основополагающим фактором изменения демографических условий было значительное снижение уровня смертности и соответственно увеличение длительности жизни» [196, с. 187]. Возникновение производящей экономики резко уменьшило зависимость людей от неконтролируемых ими стихийных сил. Более эффективные и надежные способы получения продовольствия, совершенствование орудий труда, переход к оседлости, улучшение жилищ и другие изменения преобразовали материальные условия жизни первобытного общества расширили кругозор человека, углубили его знания об окружающем мире, повысили его предусмотрительность и активность. Все это послужило мощной материальной основой повышения защищенности человеческой жизни, создало объективные предпосылки удлинения ее сроков.

Правда, нередко указывают на факторы, также порожденные неолитической революцией, но действовавшие в противоположном направлении, неблагоприятно влиявшие на жизнь и здоровье человека. Считают, например, что земледельцы больше зависят от колебаний урожая возделываемых ими культур, нежели собиратели — от колебаний природной среды, в которой они живут, так что вспышки катастрофического голода в годы сильных неурожая опаснее для земледельцев, нежели для собирателей. Указывают также на ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки из-за роста скученности, усиления контактов между изолированными прежде населенными и распространения из-за этого инфекционных болезней и т. п. [97, с. 18; 196, с. 209; 216, с. 47; 220, с. 223—224]. С действием этих факторов связаны представления некоторых авторов, согласно которым переход к производящей экономике имел своим следствием не снижение, а повышение смертности.

Вероятно, неолитическая революция действительно способствовала появлению ряда опасных для жизни человека факторов (подобно тому, как научно-технический прогресс порождает такие факторы в наше время).

Но трудно себе представить, чтобы неблагоприятное воздействие этих все же частных факторов могло свести на нет влияние огромных всеобщих благоприятных изменений, охвативших все стороны человеческой жизни. Эти изменения коснулись не только материальных, но, что еще важнее, и социальных условий человеческого существования. Они включают в себя, в частности, утверждение семьи как основного института, в рамках которого протекали процессы воспроизводства населения, а это не могло не сказаться на социальной защищенности индивидуальной жизни, особенно жизни детей. Верно, что изменились формы пространственной организации жизни людей, увеличилась их территориальная концентрация и участились контакты, но именно это потребовало новых усилий, направленных на защиту человеческой жизни. Одним из важнейших социально-экономических следствий возникновения аграрной экономики было появление прибавочного продукта, а значит, изменение экономической ценности человека, который стал экономически рентабельным, превратился в элемент богатства. Немалое значение могла иметь и зарождавшаяся индивидуализация людей — следствие разделения труда, дифференциации занятий и социальной дифференциации. Жизнь людей — по крайней мере некоторых — приобрела индивидуальную ценность, что требовало определенных индивидуальных и общественных усилий, направленных на ее охрану.

Все эти изменения были одновременно и причиной и следствием отхода от первобытных демографических отношений. Характерная для них малая ценность человеческой жизни как таковой, находившая бесчисленные проявления в социально санкционированных детоубийстве, людоедстве, охоте за скальпами, человеческих жертвоприношениях, кровной мести, да, видимо, и во всем образе жизни древнейших охотников и собирателей, перестает соответствовать условиям существования человека, прошедшего через неолитическую революцию, вступает в противоречие с требованиями социальной интеграции аграрных обществ, более сложных, чем собирательские. Высокая смертность, свойственная ее архетипу, становится не только материально преодолимой, но и социально неприемлемой. В обществе формируется совершенно иное, чем прежде, отношение к жизни и смерти, которое становится важнейшим компонен-

том складывающихся в это время новых демографических отношений. Оно впитывается новой культурой, новой этикой, постепенно закрепляется в разного рода законодательных актах, писаных и неписаных, нравственных и религиозных правилах, регламентировавших отношения между людьми, и в соединении с изменившимися материальными условиями человеческого существования приводит к повышению эффективности социального управления смертностью.

Значение контроля над экзогенными факторами смертности, установленного на этой стадии развития и бывшего для своего времени огромным шагом вперед, ни в коем случае не следует переоценивать. Он осуществлялся полуосознанно и не мог быть ни последовательным, ни всеобъемлющим, ни достаточно эффективным. Он не мог полностью искоренить прежнего отношения к человеческой жизни. У всех народов надолго сохранились, хотя и в ослабленном виде, самые варварские обычаи доисторических времен (например, обычай детоубийства). Меры по контролю над смертностью простирались не дальше, чем это допускал антагонистический характер укреплявшегося классового общества с его жестокой эксплуатацией трудящихся масс, задавленных нуждой и тяжелейшим трудом. Невежественное, нищее и подневольное население не в состоянии было вести активную борьбу со смертью. Да и уровень развития производительных сил обуславливал узость материально-технической базы, на которой могла вестись такая борьба.

Тем не менее шаг был сделан, и целая пропасть отделила смертность традиционного типа, свойственную всем аграрным классовым обществам, от смертности, характерной для ее архетипа, господствовавшего на протяжении десятков тысячелетий у донеолитических первобытных собирателей и охотников.

Судить об уровне смертности и средней продолжительности жизни до и после этого шага непросто. Смертность первобытных людей не могла не зависеть очень сильно от местных особенностей среды, в которой они жили, так что в этот период локальные различия должны были явно преобладать над стадийными, на что и указывается в литературе [97, с. 15; 210, с. 86]. Лишь значительно позднее, в рабовладельческую эпоху, уменьшение непосредственной зависимости человека от при-

родной среды привело к тому, что Д. Ачади и Я. Немешкери назвали «интеграцией смертности» [196, с. 215], — установлению близких, однотипных ее характеристик на обширных территориях с населением, живущим в сходных социально-экономических условиях. Оценка же типичного уровня смертности для более ранних периодов возможна, видимо, только путем реконструкции исторических тенденций смертности до и после неолитической революции на основе не только отрывочных палеодемографических и этнографических данных о смертности, но и более или менее верных общих представлений об экономических, социальных и демографических процессах, имевших место в столь далекую от нас эпоху.

Подобная реконструкция была предпринята Д. Ачади и Я. Немешкери. Обобщив обширный фактический материал, они определили зону возможных значений показателей смертности в эпоху господства ее архетипа и построили модель смертности, названную ими «магрибской» (она построена на базе данных о смертности эпипалеолитических населений, живших в Северо-Западной Африке), которая характеризует наиболее благоприятную смертность, возможную в условиях архетипа. Средняя продолжительность предстоящей жизни для обоих полов в этой модели — 21,1 года [196, с. 174]. Вслед за авторами магрибской модели мы также примем ее показатели в качестве условного рубежа, разделяющего количественные характеристики смертности архетипа и традиционного типа, в частности, будем считать, что при традиционной смертности средняя продолжительность жизни, как правило, не опускается ниже названной величины — округленно 21 года. В эпохи, последовавшие за неолитической революцией, людям удалось оторваться от названного пограничного уровня, однако, как мы увидим ниже, этот отрыв до самого недавнего времени был не особенно большим.

2.2.2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СМЕРТНОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Смертность традиционного типа складывалась из двух компонентов: из «нормальной» смертности, наблюдавшейся в относительно благоприятные периоды при отсутствии каких-либо пертурбационных событий, и катастрофической смертности, свойственной периодам

особо неблагоприятным, годам «демографических кризисов».

Главной причиной «нормальной» смертности были болезни, причем не эпидемии, которые возникали в одном месте, а затем распространялись на огромные территории, а болезни, ежедневно и ежекратно порождавшиеся самими условиями существования людей: плохим питанием, тяжелым трудом, антисанитарным состоянием жилищ, отсутствием правильных санитарно-гигиенических представлений и т. п. Обычные социально-экономические и санитарно-гигиенические условия жизни людей во всех аграрных обществах позволяли лишь немногим родившимся дожить до того возраста, когда исчерпывалась естественная жизнеспособность человеческого организма. Большинство людей погибало от внешних причин, которые при других жизненных условиях могли бы быть устранены. Но человек традиционного общества не осознавал связи между высокой преждевременной смертностью и примитивными условиями своего существования по той простой причине, что он не представлял себе ни другой смертности, ни других условий существования. И то и другое казалось ему данным от века, соответствующим раз и навсегда установленному «божественному порядку». Лишь в наше время коренные изменения в смертности создали фон для сравнения и сделали возможным *исторический взгляд* на «нормальную» смертность прошлых эпох. При таком новом взгляде эффективность социального управления смертностью традиционного типа кажется весьма небольшой и ясно осознается исторически переходящий характер того, что прежде воспринималось как норма, основанная на законах природы.

Несовершенство традиционной системы социального управления смертностью проявлялось не только в относительно низкой эффективности последнего, но и в его ненадежности. Мало того, что жизнь человека обычно была слабо защищена от многочисленных неблагоприятных экзогенных воздействий, даже эта защита нередко не срабатывала. Время от времени происходили своего рода срывы контроля над смертностью. Такие периодические срывы, демографические кризисы, отмеченные резкими подъемами смертности, были событиями экстраординарными в том смысле, что они нарушали обычное, «нормальное» течение демографических про-

цессов Они ощущались современниками как из ряда вон выходящие трагические события, внушали им ужас. «Число умерших было столь велико, что страшно было слышать о том, не только что видеть», — писал по поводу знаменитой эпидемии чумы XIV в. — «черной смерти» — ее очевидец Д. Боккаччо. Но с точки зрения функционирования всей традиционной системы социального управления смертностью демографические кризисы не были чем-то необычным, в них проявлялось историческое несовершенство этой системы, при господстве которой они были в природе вещей. Непосредственной причиной таких кризисов было раздельное или совместное действие трех губительных пертурбационных факторов: голода в неурожайные годы, эпидемий и войн. Демографические кризисы, стало быть, — это периоды триумфа экзогенной смертности, когда ее ограничение силами социального управления резко ослабевает.

Причины длительного существования традиционной смертности как в «нормальных», так и в кризисных ее проявлениях коренятся прежде всего в материальных условиях жизни всех аграрных обществ. Не следует, однако, недооценивать некоторой самостоятельности влияния на смертность общественного сознания, культуры этих обществ. В целом они, конечно, соответствуют материальным условиям, но в определенные периоды оказываются способными к относительно независимой динамике. Они могут, например, обнаруживать известный консерватизм по отношению к изменению жизненных условий и сдерживать тем самым назревшую перестройку реальных демографических отношений, замедлять ее, препятствовать реализации тех возможностей борьбы со смертью, которые создаются социально-экономическим развитием. Важно поэтому присмотреться внимательнее к некоторым компонентам культуры традиционного общества; имеющим отношение к борьбе человека со смертью.

Борьбу со смертью в таком обществе ведет собирательный, коллективный человек. Та несовершенная охрана жизни, которая существует, — функция общества в целом в лице его институтов (государства, церкви), освящающих своим авторитетом те или иные нормы поведения. Доступные обществу способы контроля над неблагоприятными для жизни человека факторами как

раз и отражаются в этих нормах, но сами нормы воспринимаются как нечто нужное не отдельному человеку, а той социальной общности, к которой он принадлежит и от которой он не может себя отделить, как не мог, например, отделить себя от общины средневековый крестьянин. По словам русского гигиениста Г. В. Хлопина, «сознание, что здоровье есть общественное благо, подлежащее защите общества или государства, явилось прежде, чем каждый член общества из развитого чувства самосохранения научился ценить здоровье для себя лично» [186, с. 4].

В вопросах жизни и смерти человек традиционного общества полагался больше на бога, чем на самого себя, вел себя пассивно, неизбирательно. Он подчинялся некоторым переходящим из поколения в поколение и обязательным для всех правилам, регламентирующим, скажем, способы ухода за младенцами, особенности питания и т. п., не задавая себе вопроса о том, вредны они для здоровья или полезны. Среди этих правил могли быть и рациональные с точки зрения борьбы со смертью, но каждый отдельный человек выполнял их, не осознавая их рационального смысла. Вот интересное свидетельство Дж. Неру, относящееся к современной Индии. «Идея обрядовой чистоты чрезвычайно сильна среди индусов... Но... стремление к чистоте не основано на науке, и человек, который купается дважды в день, будет не задумываясь пить грязную воду, зараженную микробами... Люди держат свой дом в относительной чистоте, но выкидывают все отбросы на деревенскую улицу, прямо перед домом соседа... Чистота соблюдается не ради нее самой, а в силу требования религии. Если это требование религии отпадает, уровень чистоплотности снижается» [127, с. 266—267].

Пассивность человека прошлого в борьбе со смертью нельзя правильно оценить, если не принять во внимание его общее отношение к смерти. Для первобытного, да и для более позднего человека смерти в нашем теперешнем понимании просто не существовало. Жизнь не кончалась, а продолжалась в другой форме, смерть связывалась с перевоплощением, переселением в иной мир и т. п. Так было не только у древнейших собирателей или обитателей неолитических поселений, но и у современников Данте. «Основную психологическую установку человека средних веков в его отношении ко

времени... можно было бы определить как... напряженное ожидание конца человеческого земного времени, однако такого конца, который явится началом нового состояния, когда времени уже не будет, наступит вечность» [73, с. 159].

Но если смерть понимается как *такой* конец, то и борьба с ней утрачивает смысл. Само подобное видение смерти не случайно, в нем есть глубокое социальное содержание. Реальные силы человека в борьбе со смертью, способность общества защитить его жизнь были невелики, но смерть не воспринималась как неотвратимое поражение в конфликте человека и природы. Она была изъята из ряда физических явлений и включена в ряд явлений социального мира, не побеждена, но, по выражению французского историка Ф. Ариеса, «приручена». «Прирученность» смерти говорила о том, что между человеком и природой возведен надежный барьер и что *весь* человек — вместе со своей смертью — находится по эту сторону барьера, а неконтролируемая природа — по ту. Такой взгляд на смерть был нужен для завершенности человеческого миропонимания, он помогал людям жить, но не способствовал борьбе со смертью.

«Прирученная» смерть — неизбежный спутник высокой преждевременной смертности, какой и была всегда смертность традиционного типа. Историко-демографический анализ не позволяет увидеть в ее динамике на протяжении тысячелетий никакой сколько-нибудь определенной тенденции. В Европе XVII в. смертность была столь же высокой, а средняя продолжительность жизни — столь же низкой, как в Древнем Риме или в Древнем Египте. Большое количество историко-демографических оценок, накопленных к настоящему времени и в известной степени контролирующихся данными о смертности и продолжительности жизни современных населений, находящихся на ранних стадиях демографического развития, дает основание полагать, что при господстве традиционного типа смертности ее уровень оставался чрезвычайно высоким, а величина средней продолжительности жизни, как правило, не превышала 30 лет и, во всяком случае, почти никогда не достигала 35 лет.

Таким образом, в течение нескольких тысячелетий в мире существовал один и тот же традиционный тип

смертности, который характеризовался огромным преобладанием экзогенных причин смерти, вытекающим из этого чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и очень низкой средней продолжительностью жизни. Традиционный тип смертности был неразрывно связан с условиями жизни людей в аграрных обществах. Исчезновение этих обществ сделало необходимым и исчезновение сложившегося на их базе типа смертности и одновременно создало предпосылки возникновения ее нового исторического типа.

2.2.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА СМЕРТНОСТИ

Традиционный тип смертности безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в., хотя предпосылки его преодоления складывались на протяжении предшествующих столетий, начиная, по крайней мере, с эпохи Великих географических открытий XVI в., резко ускоривших изменения как материальных условий существования европейского общества, так и социальных отношений внутри него. Но только победа буржуазного способа производства и появление на исторической арене промышленного капитализма сделали возможным скачкообразное повышение эффективности социального управления смертностью, проявившееся в резком ограничении действия ее экзогенных факторов. С этого момента и начался, собственно, переворот в смертности, смена ее исторического типа.

Историческая роль капитализма в борьбе за удлинение сроков человеческой жизни противоречива. Капитализм способствовал огромному развитию производительных сил, а тем самым созданию чрезвычайно важных *материальных предпосылок* роста независимости человеческой жизни от действия неблагоприятных факторов среды. Возникновение нового типа хозяйства — индустриальной экономики, небывалый прогресс промышленности, сельского хозяйства, естественных наук резко расширили власть человека над природой, дали ему в руки мощные средства борьбы за продление человеческой жизни.

В то же время обусловленное развитием капитализма проникновение в сознание европейского общества революционных, гуманистических и атеистических идей,

которое началось еще в эпоху Возрождения и резко усилилось в период решительной борьбы с силами феодализма, привело к формированию нового *духовного облика* европейского населения. Сопряженное развитие производительных сил, общественных связей и индивидуального самосознания подорвало убежденность в неизблемости всего сущего, пробудило веру человека в свои силы, в свою способность изменять мир в своих собственных целях. Не могла остаться неизменной и позиция человека по отношению к смерти.

До тех пор, пока человек считает, что его судьба решается на небесах, а свое земное существование рассматривает лишь как временное пребывание в юдоли скорби, успешная борьба со смертью невозможна. Необходимо было преодолеть пассивность индивида перед лицом смерти, неверие в возможность спасти каждую отдельную жизнь, провозгласить человеческую жизнь высшей ценностью и бросить вызов божественному промыслу. Образ «прирученной» смерти, так долго служивший людям, оказался препятствием на пути дальнейшего исторического движения и был постепенно изжит в ходе многовекового спора развивавшейся культуры буржуазного общества с традиционной культурой феодализма.

Отход от этого образа впервые начался в Европе в средние века, когда зародился новый тип личности с развитым индивидуальным самосознанием, а смерть стала все более осознаваться как необратимый конец индивидуальной жизни. Уже в XI—XII вв. «образ смерти постепенно индивидуализируется... возникает проблема «собственной смерти»... страх смерти, несмотря на утешительную идею, что смерть постигает тело, а не душу, говорит о растущей привязанности к жизни» [102, с. 192]. И все же смерть долго еще остается «прирученной», не воспринимается как чуждая, враждебная сила. Лишь в XVIII в. с появлением ощутимых признаков роста способности общества защитить человека от ранней смерти; а также с ослаблением, а то и потерей веры в потустороннюю жизнь (и то и другое было частью более широких экономических, социальных и культурных перемен) смерть начинает утрачивать свою «прирученность» и «готовится возвратиться в дикое состояние» [200, с. 603]. Но «одичавшая», лишившаяся облагораживающих ее социальных покровов смерть

оборачивается врагом, с которым можно и нужно бороться.

Для иллюстрации различия старого и нового отношения к смерти Ф. Ариес обращается к рассказу Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В конце XIX в. первые признаки перелома в демографических отношениях появились и в России, где они получили художественное отражение в том зеркале революционных изменений, переживавшихся русским обществом, каким было творчество Л. Н. Толстого. В рассказе Л. Н. Толстого сталкиваются два принципа в отношении к смерти. Один из них олицетворяется Иваном Ильичем, для которого ожидание смерти наполнено его постоянным отчаянием и ложью окружающих, делающих вид, что они не замечают приближения его смерти. Совсем иное, величественно-спокойное отношение к смерти проявляет простой «буфетный мужик» Герасим, который один только «не лгал... понимал, в чем дело, и не считал нужным скрывать этого». «Все умирать будем», — прямо сказал он Ивану Ильичу и то же повторил уже после его смерти: «Божья воля. Все там же будем». По мысли Л. Н. Толстого, суетная ложь окружающих низводит «страшный торжественный акт смерти» до уровня «случайной неприятности», ему явно больше по душе спокойное отношение к смерти Герасима. Но очень может быть, что преодоление традиционного тина смертности связано как раз с развенчанием приподнятого образа смерти, с более будничным ее восприятием и в то же время с более «беспокойным» ощущением надвигающейся смерти, что и было свойственно Ивану Ильичу и всей той буржуазной среде, к которой он принадлежал.

Уже к XIX в. проблема смерти была осмыслена и прочувствована (по крайней мере в Западной Европе) как проблема собственной кончины, «своей смерти». На смену невозмутимому «все умрем» былых времен пришло трагическое осознание неизбежной гибели собственной личности, уникальной и неповторимой. Это новое видение смерти оказало огромное влияние на все мироощущение людей той эпохи, но особенно важно то, что новое отношение к смерти не могло не пробудить активности человека, его стремления противостоять смерти и если не устранить ее совсем, то отодвинуть как можно дальше.

XIX в. принес новые важные изменения. Завершилось разрушение многих уз, которые прежде делали отдельного человека «принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата» [6, с. 709], но в то же время усилилась его связь с ограниченным числом близких людей, составлявших его реальное непосредственное окружение. Это — члены его семьи, реже — какие-либо другие люди, постоянное общение с которыми позволяет человеку избежать чувства одиночества в «атомизированном» мире. Его объединяют с ними взаимная привязанность, общность жизненного пути, связывают узы эмоционального влечения, в отношениях с этими людьми наиболее полно реализуются самые интимные стороны человеческой личности, а потому их жизнь нередко приобретает для человека большую ценность, чем его собственная. Во всяком случае, сознание того, что своя смерть не столь страшна, как потеря близкого человека, становится достаточно распространенным [200, с. 105]. Этот новый аспект отношения к смерти создает дополнительные стимулы активного противодействия ей, побуждает человека бороться за жизнь любимых людей, увеличивает заинтересованность в поисках средств борьбы с преждевременной смертью.

В итоге проблема соотношения жизни и смерти была глубоко переосмыслена общественным сознанием. Соединение нового сознания с новыми материальными условиями сделало возможной и необходимой *деятельность*, направленную на борьбу с преждевременной смертностью. Успех этой деятельности, в свою очередь, имел следствием признание ее чрезвычайной социальной значимости, а вместе с тем в огромной степени возросла ценность человеческой жизни, на охрану которой теперь были направлены столь значительные усилия общества.

Таким образом, в процессе саморазвития капиталистическое общество, с одной стороны, смогло отодвинуть барьер демографических ограничений, накладывавшихся на функционирование демографической системы непреодолимо высокой смертностью прошлых эпох, с другой — выработало достаточно серьезные недемографические ограничения, объективные для этого общества требования к социально допустимому максимальному уровню смертности, с которыми, как правило, приходится считаться всем буржуазным социальным инсти-

тутам. За несколько столетий капиталистического развития сформировался новый тип социальных отношений по поводу сохранения человеческой жизни, сложилась соответствующая этим отношениям культура, жизнь и смерть заняли новое место в сознании людей.

Однако по мере развития капитализма развивалось и противоречие между демографическими и производственными отношениями, между гуманистическими требованиями, вытекавшими из нового отношения к жизни человека, и требованиями «голового интереса, бессердечного „чистогана“» [2, с. 426], которые диктовались непрерывной погоней капиталистов за прибылью, всей враждебной человеку направленностью экономической и социальной политики правящих классов буржуазного общества. В условиях общего кризиса капитализма неизбежно нарастание этого конфликта, оно — естественное следствие трудностей, с которыми сталкивается этот общественный строй, усиления социального неравенства, обострения классовых антагонизмов. Такие ценности, как здоровье и жизнь человека, все более отступают на второй план по сравнению с ценностями приобретательства и накопительства, все более подавляются антигуманными ценностями, вытекающими из экономических и военно-политических целей капиталистической системы.

В результате, несмотря на то что предпосылки преодоления традиционного типа смертности впервые были созданы именно капитализмом, он смог реализовать их лишь в ограниченной мере — в основном только в странах, бывших колыбелью капитализма. Впрочем, как будет показано в дальнейшем, даже и в этих странах нельзя говорить о полном использовании всех возможностей, которые содержит в себе современный тип смертности. Что же касается остальной части мира, то здесь влияние капитализма на смертность было еще более противоречивым.

До появления социалистической общественно-экономической системы все изменения, связанные с распространением современных методов контроля над смертностью за пределами собственно капиталистических стран, также были обусловлены влиянием капитализма.

Капитал не мог осуществлять свое господство над колониями, не создавая в них материальных предпосылок развития производительных сил и изменения ус-

ловий жизни населения, не подготавливая тем самым колониальные страны к движению по тому же пути борьбы с экзогенной смертностью, по которому шел сам капиталистический мир. Более того, в некоторых случаях капитализм вынужден был, следуя своим экономическим и политическим интересам, принять определенные меры по борьбе со смертностью. Прибыльное использование ценных сырьевых ресурсов и дешевого труда колоний предполагало затрату определенных усилий и средств на эту борьбу. Но она никогда не рассматривалась как самостоятельная цель. Отдельные благоприятные изменения в условиях смертности были, скорее, исключением, нежели правилом, побочным результатом каких-либо мероприятий, необходимых самим колонизаторам. Общие предпосылки снижения смертности, так же как и других прогрессивных изменений в жизни колониальных и зависимых стран, развивались очень медленно и непоследовательно и не могли в должной мере реализоваться до тех пор, пока сохранялось колониальное господство. Не удивительно поэтому, что к середине XX в., когда народы Азии, Африки и Латинской Америки стали все более определенно идти по пути самостоятельного развития, смертность в них в целом мало отличалась от смертности традиционного типа.

Опыт развивающихся стран указывает на то, что революционизирующее влияние капитализма на смертность оказалось возможным только в узких исторических и географических пределах. Это не значит, однако, что сформировавшийся впервые при капитализме современный тип смертности принадлежит только этому общественному строю. Новые демографические отношения, связанные с сохранением человеческой жизни, новые идеалы «витального поведения», созревавшие в эпоху революционной борьбы буржуазии с феодализмом, — итог всей предшествующей истории, достояние всего человечества. Там, где капитализм, в силу ограниченности сроков своего существования как прогрессивного общественного строя, не успевает обеспечить необходимые социальные предпосылки перехода к новому типу смертности (т. е. у большей части человечества), эта задача с успехом может быть решена уже в рамках социалистических общественных отношений, как это и было, например, в СССР. Социализм не толь-

ко создает наиболее благоприятную почву для преодоления отживших традиционных демографических отношений, но и открывает возможности для развития новых демографических отношений и реализации гуманистических идеалов «витального поведения» намного большие, чем те, которые доступны капитализму.

2.2.4. ОТ ТРАДИЦИОННОГО К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ СМЕРТНОСТИ

Смертность современного типа начала превращаться в реальность не ранее второй половины XVIII в. Переворот в смертности уже был подготовлен всем ходом истории, но, по словам французского историка П. Губера, «люди до 1740 г. и особенно люди классического XVII в., которые постоянно трепетали перед тремя традиционными и почти каноническими бедствиями — «*A peste, fame et bello, libera nos Domine*», — эти люди не представляли себе, не могли вообразить подобных изменений, подобной «революции» [225, с. 106]. И лишь примерно с середины XVIII в. население Западной Европы ощутило ветер надвигающихся перемен.

Именно в Западной Европе XVIII в. впервые в истории оказалось ограниченным действие факторов катастрофической смертности, здесь почти прекратились демографические кризисы, что и обусловило начавшееся в ряде западноевропейских стран снижение смертности [175, с. 227—228].

Ограничение действия факторов катастрофической смертности еще не дает оснований говорить о появлении на исторической арене принципиально нового типа смертности. В нормальные, некризисные периоды люди продолжали умирать по законам, присущим ее традиционному типу. Но демографические кризисы, сопровождавшиеся катастрофическими подъемами смертности, — неотъемлемая черта традиционного типа смертности. Коль скоро они прекращаются, уже нельзя считать, что этот тип смертности сохраняется в неизменном виде. Поэтому в устранении систематических «пиков» смертности можно видеть первый шаг к устранению самого традиционного типа смертности.

Можно предположить, что уже в XVIII в., когда впервые было значительно ограничено действие причин катастрофической смертности, намечались и первые

перемены в структуре причин «нормальной» смертности в спокойные, некризисные годы. Они естественно должны были вытекать из всех перемен в экономических и социальных условиях жизни западноевропейского общества, которые к XVIII в. стали уже достаточно ощутимыми. Мы не располагаем данными о структуре причин смерти до середины XIX в., но знаем, что еще и к этому времени сохранялось резкое преобладание экзогенной смертности. Те же перемены в соотношении причин смерти, которые происходили в XVIII в. или ранее, могли быть очень небольшими, не менявшими сущности типа смертности. Тем не менее они медленно и постепенно подвели к качественному скачку, к возникновению нового исторического типа смертности.

Этот скачок начался примерно в середине XIX в., в период, когда к действию общих социально-экономических факторов, порожденных развитием буржуазного общества, добавилось действие некоторых специфических факторов, влияющих на здоровье и продолжительность жизни людей непосредственно и даже до известной степени независимо от уровня их благосостояния. Речь идет прежде всего о новых санитарно-гигиенических условиях и новой роли медицины, вытекавших из развития промышленности и связанного с ним научно-технического и культурного прогресса, а также о некоторых изменениях эко-биологических условий [134, с. 66].

В XIX столетии ускорились начавшиеся еще в XVII—XVIII вв. изменения в личной гигиене. Поддержание чистоты тела, одежды или посуды, элементарная гигиена питания, умение бороться с насекомыми-паразитами и т. п. — вполне обычные в наше время вещи — очень молоды. Еще в начале XVII в. англичанин Т. Корриат, путешествуя по Италии, был поражен тем, что «итальянцев нельзя заставить есть руками: они исходят как бы из того, что не у всех руки чисты» [109, с. 26]. На протяжении XVII—XVIII вв. обычай не есть руками, ежедневно умываться, менять белье и т. п. постепенно распространялись среди богатой части населения европейских стран, но только в XIX в. они стали прочно входить в быт народа. Этому способствовали, с одной стороны, преодоление замкнутости сельской жизни и ускорившееся распространение новых культурных навыков, с другой — серийное производство более рацио-

нальной и гигиеничной одежды, дешевых товаров массового потребления (белья, посуды), доступных гигиенических средств (мыла и пр.), медикаментов и т. п.

Развитие крупной промышленности сделало возможным техническое переустройство жизни людей, строительство более благоустроенных жилищ, развитие санитарной техники и оздоровление населенных мест. Уже в начале XIX в. стали осуществляться первые мероприятия по реконструкции городов, созданию централизованных систем водоснабжения, канализации, очистки. Впоследствии они принесли плоды в виде резкого сокращения смертности от таких болезней, как сыпной тиф, чума, холера, дизентерия и другие желудочные заболевания. Большое значение имели новые методы очистки питьевой воды, стерилизации пищевых продуктов, отопления и освещения жилищ и производственных помещений, постепенное изменение условий труда, развитие техники безопасности и т. д.

Огромную роль в борьбе с экзогенной смертностью сыграл прогресс медицины, который в значительной степени базировался на связанных с развитием промышленности успехах химии и биологии. Еще в конце XVIII в. Э. Дженнер открыл метод создания надежного иммунитета против одной из самых страшных болезней — оспы, что не только сделало возможной полную ликвидацию этой болезни, но впервые показало огромную эффективность принципа, которому суждено было стать одним из краеугольных камней профилактической медицины — принципа индивидуальной защиты человеческого организма.

Применение этого принципа в борьбе с оспой оставалось исключением в медицинской практике до последней трети XIX в., когда, прежде всего благодаря работам Л. Пастера, была создана бактериологическая теория болезней и указан принципиальный путь борьбы с ними. Этот путь вел не только к надежной профилактике инфекционных заболеваний путем вакцинации, но, как показало развитие микробиологии уже в XX в., и к чрезвычайно эффективному лечению многих из них, в том числе таких опасных, как сифилис, туберкулез, пневмония и т. п.

Важное место в истории борьбы с болезнями и смертностью от них на протяжении последних ста лет занимает разработка современных методов антисепти-

ки, рентгенодиагностики и ряд других достижений медицинской науки. Исследования и открытия Л. Пастера, Р. Коха, И. Зсммельвейса, Дж. Листера, Э. Беринга, В. К. Рентгена, И. И. Мечникова, П. Мэнсона, П. Эрлиха, А. Флеминга и их последователей позволили, начиная с конца прошлого века, развернуть борьбу против эпидемических и инфекционных заболеваний, которые еще в недавнем прошлом уносили тысячи и тысячи жизней, сейчас же почти полностью поставлены под контроль.

О том, насколько успешной была эта борьба, можно судить, прослеживая судьбу некоторых причин смерти с середины прошлого века. Сделаем это на примере Англии и Уэльса.

Таблица 2 Число умирающих от различных причин на 1000 родившихся Англия и Уэльс, мужчины [244, с. 225—269]

Причины смерти	1861	1901	1940	1964
Инфекционные и паразитарные болезни	229,7	165,3	69,3	9,8
в том числе туберкулез органов дыхания	109,5	77,4	40,2	5,9
Новообразования	14,0	52,3	118,8	201,1
Сердечно-сосудистые заболевания	124,3	181,5	348,7	497,4
Грипп, пневмония, бронхиты	132,2	165,2	163,2	132,5
Несчастные случаи, отравления и случаи насильственной смерти	49,4	48,9	86,0	45,8
Прочие и неустановленные причины	450,4	386,8	214,0	113,4

В условиях смертности 1861 г. большинству родившихся предстояло умереть от преимущественно экзогенных причин, прежде всего от таких, как туберкулез, пневмония, инфекционные и паразитарные заболевания и т. п.; 12—13 человек из каждых 100 родившихся умирали от основной эндогенной причины — сердечно-сосудистых заболеваний. За последующие сто лет произошел колоссальный сдвиг в структуре причин смерти, и в начале 60-х годов нашего века от сердечно-сосудистых заболеваний умирало около половины всех родившихся.

Англия была не единственной страной, в которой коренная перестройка структуры причин смерти началась уже в XIX в. Тогда же по этому пути шло большин-

ство стран Западной Европы, а также некоторые заокеанские страны, заселенные выходцами из Европы. Как и в Англии, в них неуклонно сокращалась доля экзогенных причин смерти и на первое место среди других причин все больше выходили сердечно-сосудистые и другие эндогенно обусловленные заболевания, причем во второй половине XIX в. эта перестройка совершалась относительно медленно, в первой же половине XX в. она заметно ускорилась. Еще в начале нашего века вероятность того, что человек умрет от болезней системы кровообращения, даже в странах с самой низкой смертностью была невысока. К середине же XX в. перестройка структуры причин смерти во многих странах продвинулась очень далеко; при огромном снижении риска смерти от наиболее опасных в прошлом экзогенных причин резко увеличилась вероятность умереть от эндогенных причин, прежде всего от сердечно-сосудистых заболеваний.

Таблица 3. Вероятность умереть от сердечно-сосудистых заболеваний в некоторых странах (число умирающих на 1000 родившихся) [244]

Страна	Год	Мужчины	Женщины	Год	Мужчины	Женщины
Австралия	1911	236,1	270,3	1964	562,0	624,3
Англия и Уэльс	1901	181,5	211,9	1964	497,4	566,3
Италия	1901	116,9	187,7	1964	461,3	542,4
Новая Зеландия	1901	251,4	243,8	1964	534,2	565,1
Норвегия	1910	159,6	161,7	1964	520,0	544,3
США	1900*	190,6	197,4	1964	568,8	630,4
Швеция	1911	173,2	185,9	1964	541,0	574,0
Япония	1899	150,9	139,5	1964	422,9	437,6

* Штаты, имевшие регистрацию причин смерти.

Изменение структуры причин смерти в свою очередь оказало глубокое влияние на уровень смертности. С. Престон и В. Нельсон обобщили материалы 165 таблиц смертности по причинам смерти, относящихся к 43 странам и охватывающих период в 100 лет, и показали, что при переходе от прежней структуры причин смерти к современной смертность (измеряемая ее стандартизованным общим коэффициентом) быстро снижается, причем около 60% всего снижения обусловлено уменьшением смертности от гриппа, пневмонии и брон-

хита (25%), туберкулеза органов дыхания (10%), диарейных заболеваний (10%) и прочих инфекционных и паразитарных заболеваний (15%), т. е. резким ограничением роли причин ярко выраженной экзогенной этиологии. Кроме того, С. Престон и В. Нельсон отмечают «серьезное статистическое подтверждение» предположения о том, что большинство остающихся изменений в смертности — примерно 25% — может быть приписано изменениям вклада в нее сердечно-сосудистых заболеваний, но это явление маскируется снижением смертности от «прочих и неустановленных причин», которое может отражать просто улучшение идентификации болезней системы кровообращения как причин смерти [245, с. 1].

Столетний срок, за который произошли столь значительные изменения, был очень коротким по сравнению со многими тысячелетиями, на протяжении которых структура причин смерти не менялась. За сто лет совершился поистине стремительный скачок, имевший огромное значение для всего последующего развития. За этим скачком, как уже говорилось, лежит перемещение подавляющего количества смертей в старшие возрастные группы, громадное снижение смертности в младших возрастах и увеличение средней продолжительности жизни.

До сих пор речь шла только о странах развитого капитализма. Как отмечалось в 2.2.3, только в этих странах капитализм и смог обеспечить в основном переход к современному типу смертности и связанное с этим огромное снижение ее уровня. В остальном же мире положительное влияние капитализма на смертность было намного более скромным.

Первой страной, в которой преодоление традиционного типа смертности и переход к ее современному типу совершились в условиях социализма, был СССР. Хотя капитализм в дореволюционной России достиг значительного развития, его влияние на смертность оказалось небольшим. «Русская смертность, — писал в 1916 г. известный демограф С. А. Новосельский, — в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран» [129, с. 179].

Еще в 1926 г. структура причин смерти населения СССР была исключительно неблагоприятной, но в даль-

Таблица 4. Средняя, продолжительность предстоящей жизни в некоторых капиталистических странах, 1845—1975 гг., лет* [219]; 251: 1967, 1971, 1973, 1977]

Страна	Пол	1845	1875	1905	1935	1955	1975
Австралия	мужчины	55	63	67	70
	женщины	59	67	73	77
Австрия	мужчины	...	31	39	55	62	68
	женщины	...	34	41	59	67	76
Англия и Уэльс	мужчины	40	41	49	60	68	70
	женщины	42	45	52	64	73	76
Бельгия	мужчины	45	56	69	69
	женщины	49	60	73	76
Германия**	мужчины	...	36	45	60	65	69
	женщины	...	38	48	63	68	76
Дания	мужчины	41	46	55	62	70	72
	женщины	44	47	58	64	73	78
Италия	мужчины	44	54	66	70
	женщины	45	56	70	76
Нидерланды	мужчины	35	38	51	66	71	73
	женщины	38	41	53	67	74	79
Новая Зеландия	мужчины	58	65	68	69
	женщины	61	68	73	76
Норвегия	мужчины	45	48	55	64	71	72
	женщины	48	51	58	68	75	79
США	мужчины	48	61	67	69
	женщины	51	65	73	77
Финляндия	мужчины	45	54	63	67
	женщины	48	60	70	76
Франция	мужчины	41	42	46	56	65	70
	женщины	42	44	49	62	71	78
Швейцария	мужчины	...	41	59	61	66	72
	женщины	...	43	52	65	71	79
Швеция	мужчины	42	45	55	63	70	73
	женщины	47	49	57	65	73	79
Япония	мужчины	44	47	64	73
	женщины	45	50	68	76

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице, для 1975 г — последние имеющиеся данные

** Начиная с 1945 г данные приводятся по ФРГ

нейшем социалистические преобразования, охватившие все стороны жизни советского общества, привели к очень быстрой перестройке системы социального управления смертностью, в результате чего смертность в СССР за несколько десятилетий приобрела качественно новые черты.

Как и везде, изменения в структуре причин смерти населения СССР шли в направлении непрерывного сокращения доли основных экзогенных причин, главным

образом инфекционных и паразитарных заболеваний, и нарастания доли смертей от сердечно-сосудистых и других заболеваний, в этиологии которых велика эндогенная составляющая. Некоторое изменение структуры причин смерти наметилось еще в XIX в., но решающий скачок произошел за 4—5 десятилетий уже при Советской власти. В 1926 г. даже в старших возрастах на долю сердечно-сосудистых заболеваний приходилось не более одной пятой всех смертей, к настоящему времени их доля увеличилась до двух третей. Этот рост, в данном случае, — показатель огромного сокращения смертности от других, в основном экзогенных причин.

Недавно было выполнено исследование изменений возрастных вероятностей смерти в периоды между переписями населения 1897, 1926, 1939, 1959 и 1970 гг. [82]. Оно показало, что снижение возрастной смертности шло с нарастанием и было особенно значительным в 40—50-е годы. По мере приближения к завершению стремительной перестройки структуры факторов и причин смерти снижение возрастных вероятностей умереть и коэффициентов смертности замедлилось, но к этому времени они успели упасть очень сильно, особенно в младших возрастах. При этом резко выросла средняя продолжительность жизни.

Первой таблицей смертности, зафиксировавшей явный отрыв от традиционного уровня смертности и значительное увеличение средней продолжительности жизни, была таблица 1926—1927 гг. для европейской части СССР, а уже таблица смертности 1958—1959 гг., построенная для всего населения СССР, свидетельствовала о том, что показатели, свойственные традиционному типу смертности, оставлены далеко позади.

Таблица 5. Средняя продолжительность предстоящей жизни в России и СССР, лет

Период	Мужчины	Женщины	Оба пола
1896—1897*	31,43	33,36	32,34
1926—1927**	41,93	46,79	44,35
1938—1939	44	50	47
1958—1959	64,42	71,68	68,59
1968—1971	64,56	73,53	69,50

* 50 губерний Европейской России

** Европейская часть СССР.

В настоящее время в основном завершился переход к новому типу смертности в европейских социалистических странах и на Кубе. В них также установилась современная прогрессивная структура причин смерти и резко увеличилась средняя продолжительность жизни (табл. 6).

Таблица 6. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в некоторых социалистических странах, лет* [211, с. 23; 253, с. 101; 251, 1967, табл. 29; 254, 1980, с. 378—379].

Страна	Пол	1900	1930	1960	1975
Болгария	мужчины	40,0	45,9	67,8	68,2
	женщины	40,3	46,6	71,4	73,5
Венгрия	мужчины	37,1	48,3	65,2	66,1
	женщины	37,9	51,3	69,6	72,8
ГДР	мужчины	—	—	67,3	68,9
	женщины	—	—	72,2	74,5
Польша	мужчины	...	48,2	64,8	66,5
	женщины	...	51,4	70,1	74,9
Румыния	мужчины	...	42,0	64,2	67,3
	женщины	...		67,7	72,4
Чехословакия	мужчины	38,9	51,9	67,6	67,2
	женщины	50,6	59,9	72,8	73,6
Югославия	мужчины	...	50,1	62,2	67,8
	женщины	...	54,2	65,3	73,0
Куба	мужчины	33,2	41,5	62,0	68,5
	женщины			66,1	71,8

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице, для 1975 г. — последние имеющиеся данные.

Особо следует сказать о странах, которые до середины XX в. прямо или косвенно входили в колониальную систему капитализма. 50-е—70-е годы были периодом активного наступления на преждевременную смертность в этих странах. Экономический и социальный прогресс в них, забота правительств молодых национальных государств о здоровье населения, успехи медицины и усилия международных организаций привели к существенным сдвигам в состоянии здоровья и в причинах смерти населения даже самых отсталых районов мира. В результате массовой вакцинации населения против наиболее опасных болезней, борьбы с их переносчиками, широких санитарно-гигиенических мероприятий, раз-

вития карантинной службы и других специальных мер, осуществляемых в более благоприятных, чем прежде, экономических и социальных условиях, удалось одержать полную или частичную победу над многими, недавно еще непобедимыми причинами преждевременной смерти людей.

Тем не менее рост средней продолжительности жизни в развивающихся странах все еще сильно тормозится пережитками колониализма в их экономике, их общей экономической и социальной отсталостью. По-прежнему очень большую угрозу для жизни населения здесь представляют голод и недоедание [96]. Хотя смертность от наиболее опасных эпидемических болезней — чумы, холеры, оспы, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифа — резко пошла на убыль, не все они еще побеждены полностью [35; 36], велики потери и от более «рядовых» инфекционных и паразитарных болезней. Помимо всего прочего борьба со смертью в развивающихся странах наталкивается также и на живучесть старых демографических отношений, многих пережитков прошлого в сознании людей, малую ценность, которую имеет в их глазах человеческая жизнь. Развивающиеся страны — последний оплот традиционного общества, и, хотя социально-экономические основы этого общества почти везде подорваны, традиционный уклад быта, традиционные формы жизни все еще сохраняют немалую силу. Патриархальный консерватизм, слепое следование религиозному канону, неверие в человеческие возможности и вытекающая из него пассивность в борьбе со смертью, сохранение многих вредных для здоровья и жизни человека обычаев — все это далеко не изжито и сильно препятствует повышению эффективности социального управления смертностью.

В результате структура причин смерти населения развивающихся стран еще и сейчас отражает взаимодействие двух групп факторов: тех, которые способствуют ее перестройке и 'возрастающему ограничению неблагоприятных для жизни внешних воздействий, и тех, которые этому препятствуют. Разумеется, смертность в большинстве освободившихся стран — это уже не традиционная смертность в ее изначальном виде. Сейчас нигде нет такой структуры причин смерти, которая существовала во всем мире еще в XVIII в., а в развивающихся странах — и в начале XX в. Современ-

ная структура причин смерти населения освободившихся стран многими чертами напоминает ту переходную структуру, которая была характерна для развитых капиталистических стран на рубеже прошлого и нынешнего столетий [58, с. 108], в результате чего развивающиеся страны все еще значительно отстают от развитых по уровню смертности и средней продолжительности жизни, хотя разрыв постепенно сокращается. Данные о динамике средней продолжительности жизни за относительно длительный период можно привести лишь по некоторым странам, потому что существование статистики смертности, как правило, — не менее убедительное свидетельство определенного, достаточно высокого уровня экономического и культурного развития, чем само снижение смертности.

Таблица 7. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в некоторых развивающихся странах, лет* [256, с. 83, 91, 102; 251: 1967, 1971, 1977]

Страна	Пол	1915	1925	1935	1945	1955	1965	1975
Аргентина	мужчины	45	57	63	64	65
	женщины	48	61	69	70	71
Бирма	мужчины	...	31	41		49
	женщины	...	31	44		52
Бразилия	мужчины	} 39	41	40	39	...	58	...
	женщины		45	46	...	61	...	
Гайана	мужчины	30	34	40	49	53	59	...
	женщины	32	36	43	52	56	63	...
Египет	мужчины	...	31	36	41	...	49	...
	женщины	...	36	41	47	...	50	...
Индия	мужчины	23	27	...	32	42	46	...
	женщины	23	27	...	32	41	45	...
Мексика	мужчины	} 27	31	39	44	52	61	63
	женщины		33	42	45	55	64	67
Пуэрто-Рико	мужчины	38	38	40	45	66	67	69
	женщины	39	39	41	47	70	72	76
Филиппины	мужчины	25	...	45	49	...	51	55
	женщины	26	...	48	53	...	55	61
Чили	мужчины	...	31	39	41	50	60	...
	женщины	...	32	42	43	54	66	...
Шри-Ланка	мужчины	...	38	...	47	58	64	64
	женщины	...	31	...	45	57	65	67
Ямайка	мужчины	39	36	...	51	56	63	...
	женщины	41	38	...	55	59	67	...

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице.

Таблица 8. Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении в некоторых регионах мира в 1950—1980 гг., лет [257, табл. За и Зв]

Регион	Численность населения в 1975 г., млн. чел.	Мужчины			Женщины		
		1950—1955 гг.	1960—1965 гг.	1975—1980 гг.	1950—1955 гг.	1960—1965 гг.	1975—1980 гг.
Азия							
Восточная Азия	1063	46,0	51,2	62,8	49,0	57,7	66,7
Юго-Восточная Азия	325	39,2	44,3	51,4	41,6	47,0	54,6
Юго-Западная Азия	85	46,9	51,3	61,0	49,4	54,2	62,5
Центральная Южная Азия	845	39,2	45,0	51,2	38,2	44,1	50,5
Африка							
Восточная Африка	115	34,8	39,3	45,5	37,9	42,5	48,8
Западная Африка	121	33,0	37,9	44,6	35,9	41,0	47,9
Северная Африка	94	40,6	45,4	52,6	42,7	47,7	55,1
Центральная Африка	47	33,8	37,2	43,5	36,9	40,3	46,7
Южная Африка	29	45,5	50,6	57,4	49,1	54,2	60,3
Латинская Америка							
Карибская Америка	28	50,3	56,7	60,9	53,6	60,4	64,8
Тропическая зона Южной Америки	177	49,0	53,4	60,0	53,9	58,6	65,0
Умеренная зона Южной Америки	38	58,1	60,5	65,0	62,6	66,3	71,7
Центральная Америка	79	48,7	56,0	62,2	51,5	58,9	66,0
Австралия и Океания							
Меланезия	3	36,5	43,7	50,8	35,7	43,4	50,6
Микронезия и Полинезия	1	52,8	57,4	62,6	55,5	60,7	66,2

Из табл. 7 видно, что изменения условий смертности в освободившихся странах не прошли даром. Средняя продолжительность жизни в этих странах медленно увеличивалась и примерно в четвертом десятилетии нашего столетия во многих из них подошла к тому уровню, который был зафиксирован в развитых капиталистических странах в середине прошлого века. В последующие три-четыре десятилетия рост средней продолжительности жизни ускорился, что свидетельствует о постепенном утверждении в развивающемся мире современного типа смертности.

Но, как уже отмечалось, переход к новому типу смертности в освободившихся странах еще далек от завершения, что находит свое отражение в низких показателях дожития населения этих стран. Табл. 8 содержит экспертные оценки средней продолжительности жизни, выполненные демографами ООН для различных регионов с учетом имеющейся по ним неполной информации.

Если в некоторых из этих регионов в результате изменений, происшедших за последние 30 лет, средняя продолжительность жизни выросла и в ряде случаев превысила 60 и даже 65 лет, то другие, в том числе такие крупные, как Центральная Южная Азия и Юго-Восточная Азия, едва перешагнули рубеж 50 лет, а большинство населения Африки еще даже и не подошло к этому рубежу.

2.3. СМЕРТНОСТЬ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

2.3.1. НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ

Борьба человечества за ограничение действия экзогенных факторов смертности еще не закончена, но все же к концу второго тысячелетия нашей эры оно подходит с неплохими результатами. Хотя в мире в целом смертность традиционного типа далеко не преодолена, в экономически развитых странах в основном утвердился ее современный тип, и здесь экзогенная смертность в очень большой степени контролируется обществом. Впервые в истории удалось создать по-настоящему «хорошие» регуляторы, которые достаточно надежно бло-

кируют поток возмущающих воздействий, идущих к организму человека от внешней среды.

Как отмечалось, различия в характере действия экзогенных и эндогенных факторов смертности в возрасте после 30—40 лет хорошо описываются с помощью формулы Гомперца — Мейкхема. Компонент Гомперца (Be^{ax}) описывает увеличение смертности с возрастом в результате эндогенно и «квазиэндогенно» обусловленного старения организма, тогда как компонент Мейкхема (A) характеризует вклад в возрастной уровень смертности внешних условий, действие которых само по себе не зависит от возраста. Имеющиеся оценки параметров формулы Гомперца — Мейкхема показывают, что все достигнутое к настоящему времени снижение смертности было связано только с изменением не зависящего от возраста параметра A [66, с. 1019].

Такой результат нельзя, конечно, считать неожиданным. Когда значение экзогенных факторов вообще велико, велика и вероятность случайной (с точки зрения онтогенеза) смерти в зрелом и особенно детском возрасте. Ограничение действия экзогенных факторов смертности равносильно ограничению роли случайности в процессе вымирания поколений, уменьшению роли его стохастической составляющей, удалению от равновесности смерти в любом возрасте, оттеснению смертных случаев в направлении «закономерного», естественного видового возраста смерти. Процесс вымирания поколений становится по-новому упорядоченным. Резко меняются его количественные характеристики — возрастные интенсивности смертности и средняя продолжительность жизни, степень использования биологически возможного срока жизни. Мы видели, что всего за 100—150 лет (а иногда и за более короткое время) в ряде стран средняя продолжительность жизни, которая почти не менялась тысячелетиями, увеличилась на 35—40 лет.

За этими количественными изменениями стоят глубокие качественные сдвиги. Основные направления воздействия общества на продолжительность жизни отдельного человека остаются, по-видимому, теми же, что и прежде. Но то, что всего полтора столетия назад было едва намечено, свернуто, незрело, под давлением внутренних сил социально-экономического развития внезапно пустило могучие ростки. Средства воздействия на

смертность колоссально умножились и оказались небывало эффективными. Факторы смертности, бывшие прежде главными, утратили свою силу, люди стали умирать не от тех причин и не в тех возрастах, что прежде. Вся система социального управления смертностью подверглась серьезнейшей внутренней перестройке и с точки зрения сложности своей внутренней структуры, разнообразия решаемых задач и эффективности функционирования перешла на более высокую историческую ступень.

Сказанное относится в основном к экономически развитым странам, ибо пока только в них современный тип смертности завоевал достаточно прочные позиции. Но даже и в этих странах используются, видимо, далеко не все возможности, создаваемые переходом к новому типу смертности, а сам этот новый тип смертности при всей его прогрессивности не лишен определенных внутренних противоречий, ибо не лишена противоречий вся наша современная жизнь.

Тенденции последних лет показывают, что даже в странах с самой низкой смертностью еще не исчерпаны резервы ее дальнейшего снижения за счет сокращения числа преимущественно экзогенно обусловленных смертей. В экономически развитых странах с менее благоприятными показателями смертности задача дальнейшего ограничения действия экзогенных факторов смертности имеет еще большее значение. В то же время надо понимать, что такое ограничение хотя и может быть очень большим, но не может быть абсолютным, а сам процесс установления контроля над источниками неблагоприятного воздействия на здоровье и жизнь человека достаточно противоречив.

В капиталистических странах, где уже сейчас имеются мощные технические средства борьбы с экзогенной смертностью, всегда сохраняют значение факторы преждевременной смертности, коренящиеся в условиях общественного строя: эксплуатация, бедность, социальная несправедливость. Очень велика опасность войн, не раз уже становившихся реальностью и приводивших к срывам контроля над экзогенной смертностью, демографическим кризисам, подобным демографическим кризисам средневековья.

В меньшей зависимости от общественного строя находятся другие источники вредных воздействий на

жизнь людей, создаваемые тем самым экономическим и техническим развитием, которое вносит решающий вклад в борьбу против смерти. Таковы, например, чрезмерно напряженный ритм жизни в городах, загрязнение природной среды, транспорт как источник травматизма, другие факторы, порождаемые непрерывно усложняющейся техногенной средой. Несчастные случаи остаются одной из главных причин смерти во всех экономически развитых странах. Факторы среды, по некоторым оценкам, служат причиной возникновения 75—80% злокачественных опухолей [193, с. 15], велик вклад внешних условий (неправильного питания, нервно-эмоциональной напряженности, вредных привычек и т. п.) в смертность от сердечно-сосудистых заболеваний. Все эти факторы нельзя считать в принципе неустранимыми, но устранение или хотя бы ослабление их действия оказывается делом весьма сложным.

Указанные противоречия находят отражение в реальных тенденциях динамики смертности и продолжительности жизни. Сейчас в странах, в основном совершивших переход к современному типу смертности, отчетливо проявляется тенденция к стабилизации ее уровня. Эта тенденция вполне естественна, ибо ограничение действия экзогенных факторов смертности не может продолжаться бесконечно. Примерно с середины XX в. все более явственной становится устойчивость нового соотношения эндогенно и экзогенно обусловленных причин смерти, все более ощутимо замедление роста средней продолжительности жизни. Но едва ли можно считать закономерным полное прекращение ее роста, а тем более ее снижение.

Между тем именно в этот период многие страны с низкой смертностью столкнулись с новым явлением: увеличением смертности во многих возрастных группах, особенно у мужчин. Это увеличение происходило в старших возрастах и в целом перекрывалось снижением смертности в младших возрастных группах, так что средняя продолжительность жизни все же росла. Однако в некоторых случаях рост смертности захватил такое количество возрастных групп и стал столь значительным, что средняя продолжительность жизни перестала увеличиваться и даже обнаружила временную тенденцию к снижению. Так было, например, в одной из стран с самой низкой смертностью — Норвегии.

В Норвегии смертность мужчин в возрасте 55 лет и старше в большинстве случаев увеличивалась начиная со второй половины 40-х годов, во второй половине 50-х годов это увеличение распространилось на возрастные группы от 35 до 55 лет, а во второй половине 70-х и на юношей в возрасте 15—19 лет. Несмотря на то что смертность в остальных возрастных группах продолжала снижаться, возникла тенденция к уменьшению средней продолжительности жизни, которая до этого времени непрерывно росла. Эта тенденция обнаружилась после 1955 г. во всех возрастах, кроме возраста 0 лет, а в последующие годы затронула и этот возраст, так что средняя продолжительность жизни новорожденного мужского пола некоторое время снижалась.

Лишь в первой половине 70-х годов рост смертности почти во всех возрастных группах сменился ее сокращением (немного увеличивалась только смертность мальчиков в возрасте 10—14 лет, чего прежде не было) и средняя продолжительность жизни при рождении снова стала повышаться, превысила уровень второй половины 50-х годов и достигла в 1975—1976 гг. 71,9 года. В результате для увеличения продолжительности жизни мужчин в одной из самых благополучных по показателям смертности капиталистических стран всего на 0,8 года понадобилось примерно два десятилетия.

Но во многих экономически развитых странах рост смертности, особенно у мужчин в возрасте от 20 до 55 лет, продолжался и в 70-е годы. В табл. 9 в обобщенном виде охарактеризованы тенденции возрастной смертности в 33 странах с высокой продолжительностью жизни¹ в первой половине 70-х годов.

Данные табл. 9 показывают, что современные тенденции смертности в странах с наиболее низким ее уровнем во многом противоречивы и не дают оснований ожидать в близком будущем слишком больших сдвигов в использовании видовой продолжительности жизни. Тем не менее анализ тенденций последнего времени все же

¹ Австрия, Австралия, Бельгия, Болгария, Великобритания (Англия и Уэльс, Северная Ирландия, Шотландия), Венгрия, ГДР, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехословакия, Швейцария, Швеция, Югославия, Япония.

Таблица 9. Распределение 33 стран с низкой смертностью в зависимости от изменений возрастных коэффициентов смертности в первой половине 70-х годов [256, с. 82]

Возрастные группы, лет	Мужчины					Женщины				
	снижение (%) на			без изменений	рост на 4% и более	снижение (%) на			без изменений	рост на 4% и более
	2) и более	10-19	4-9			20 и более	10-19	4-9		
До 1	24	6	2	1	—	19	11	1	2	—
1-4	21	6	3	2	1	22	5	1	3	2
5-9	16	9	4	1	3	11	9	5	5	3
10-14	8	13	5	5	2	10	11	5	4	3
15-19	3	9	1	13	7	7	4	7	10	5
20-24	4	9	2	9	9	5	11	5	9	3
25-29	2	10	7	7	7	3	14	8	5	3
30-34	4	9	7	6	7	6	12	7	5	3
35-39	3	5	8	11	6	5	17	6	5	—
40-44	—	6	8	14	5	2	13	12	4	2
45-49	—	3	10	12	8	3	13	10	6	1
50-54	1	3	6	13	10	1	10	14	7	1
55-59	1	7	8	14	3	1	9	13	9	1
60-64	1	5	12	15	—	2	9	13	8	1
65-69	1	6	14	11	1	2	13	14	4	—
70-74	—	8	8	15	2	3	15	10	4	1
75-79	—	4	7	19	3	2	10	12	8	1
80-84	—	5	5	16	7	2	11	5	13	2
85 и старше	—	3	4	19	7	1	9	3	17	3

Примечание. «Без изменений» означает снижение или увеличение менее чем на 4%.

позволяет понять, с использованием каких резервов может быть связано снижение смертности в ближайшие десятилетия.

На существование таких резервов указывают, в частности, наблюдаемые различия в смертности мужчин и женщин. Снижение смертности в ходе демографической революции произошло у обоих полов, но у женщин оно было гораздо большим, чем у мужчин. В прошлом смертность женщин во многих возрастных группах была выше смертности мужчин, в развивающихся странах это явление наблюдалось до самого последнего времени. Женская «сверхсмертность» объяснялась, по-видимому, приниженным положением женщины в традиционном обществе, меньшей ценностью ее жизни на шкале ценностей этого общества и соответ-

венно меньшей заботой о здоровье и жизни девочек и женщин (характерные черты традиционных демографических отношений). Кроме того, следует учитывать и очень высокую, специфически женскую материнскую смертность, т. е. смертность, вызванную неблагоприятным течением беременности и родов. Все эти факторы «сверхсмертности» имеют экзогенную природу и оказались в решающей степени устранимыми. По мере перехода к смертности современного типа женская «сверхсмертность» исчезает, но зато все более ощутимой становится мужская «сверхсмертность», приводящая к тому, что средняя продолжительность жизни женщин все больше превышает среднюю продолжительность жизни мужчин (табл. 10). Особенно это явление стало заметно в последние десятилетия, когда произошла своеобразная «по-

Таблица 10. Превышение средней продолжительности предстоящей жизни женщин по сравнению с мужчинами в XX столетии, лет [178, с. 123]

Страна	30-е годы	70-е годы
США	3,3	7,8
Англия	4,2	6,3
Франция	4,7	7,6
Швеция	2,6	5,4
Нидерланды	1,5	6,0
Япония	2,7	5,4

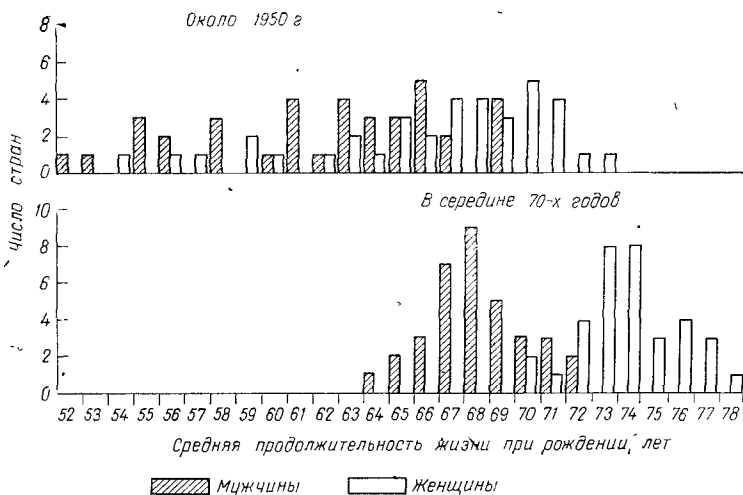

Рис. 12. Распределение 37 экономически развитых стран по величине средней продолжительности жизни мужчин и женщин около 1950 г. и в середине 70-х годов [256]

ляризация» средней продолжительности жизни мужчин и женщин в экономически развитых странах, что хорошо видно на рис. 12.

Принято считать, что более высокая продолжительность жизни женщин в современных условиях объясняется отчасти большей жизнеспособностью женского организма, заданной биологически [37, с. 143—152; 178, с. 126—131].

Понятно, что, по мере того как возрастает роль эндогенной детерминации смертности, разница в естественной жизнеспособности мужчины и женщины должна приобретать все большее значение, что и сказывается на показателях дожития тех и других. Бесспорно, однако, и то, что вклад в «сверхсмертность» мужчин вносят и специфические черты их образа жизни: характер труда, обычно связанного с большим риском получения травмы, вредные привычки (например, алкоголизм, курение), больше распространенные среди мужчин, и т. д.

Достаточно сравнить структуру причин смерти мужчин и женщин, чтобы понять, что биологические различия в жизнеспособности объясняют далеко не все. В условиях смертности конца 70-х годов вероятность умереть от инфекционных и паразитарных болезней у мужчин в момент рождения была выше, чем у женщин, в США — на 5%, в Англии — на 31%, во Франции — на 15%, в Швеции — на 9%, в Японии — на 54%. Вероятность же гибели в результате дорожно-транспортного происшествия у мужчин была выше, чем у женщин, в США — в 2,4 раза, в Англии — в 2,2 раза, во Франции — в 2,7 раза, в Швеции — в 2,2 раза, в Японии — в 2,7 раза [254, 1980, с. 382—383]. Конечно, говорить о полном устранении разрыва в средней продолжительности жизни мужчин и женщин пока, по-видимому, нельзя. Но сокращение такого разрыва за счет устранения экзогенных факторов мужской «сверхсмертности» несомненно возможно.

О существовании значительных резервов снижения смертности в экономически развитых странах говорит также анализ возрастной смертности, идет ли речь о долговременных тенденциях изменения ее уровней в одной и той же стране или о межстрановом сопоставлении этих уровней для одних и тех же возрастных групп.

От огромного снижения смертности за время демографической революции выиграли все возрастные группы населения, но этот выигрыш был, разумеется, неодинаковым для каждой из них. Особенно большим он был в детских возрастах. По сравнению с периодом до начала демографической революции младенческая смертность (в возрасте до 1 года) уменьшилась в некоторых странах более чем в 20 раз, снижение же смертности в других возрастах было меньшим, хотя тоже очень значительным, и в целом убывало по мере перехода от младших возрастов к старшим.

Разумеется, главной причиной того, что снижение смертности в детских возрастах было большим, чем во всех других, объясняется прежде всего преимущественно экзогенным характером смертности детей в прошлом, тогда как с возрастом нарастает значение неустраняемых (во всяком случае, пока) эндогенных ее факторов. Но кроме этого объективного обстоятельства следует учитывать еще и то, что экзогенные факторы смертности, действующие в детских возрастах, оказалось гораздо легче выделить и нейтрализовать, чем в старших возрастах, где они тесно переплетаются с действием эндогенных факторов. Сейчас в странах с низкой смертностью среди смертей в раннем возрасте сильно преобладают эндогенно обусловленные смерти, и это преобладание продолжает увеличиваться, с чем связано, в частности, новое явление — исчезновение парадокса детской смертности.

Этот парадокс, описанный во всех учебниках демографии, заключается в том, что средняя продолжительность предстоящей жизни детей, достигших 1 года, оказывается не ниже, а выше, чем у только что родившихся ($e_0 < e_1$). На первом году жизни организм человека особенно уязвим для всякого рода неблагоприятных воздействий, смертность в этом возрасте обычно была намного выше, чем на протяжении нескольких последующих десятилетий жизни, что всегда казалось совершенно естественным. В прошлом такое превышение могло составлять 10 и более лет, по мере снижения смертности оно уменьшалось. В последние два десятилетия снижение экзогенной смертности на первом году жизни в ряде стран оказалось настолько значительным, что парадокс детской смертности в них стал исчезать (рис. 13). В тех же странах, где он пока сохраняется (табл. 11),

Таблица 11. Разница в средней продолжительности предстоящей жизни при рождении и в возрасте 1 год ($e_0 - e_1$) в некоторых экономически развитых странах, лет [254, 1980, с. 378—379]

Страна, год	Мужчины	Женщины	Страна, год	Мужчины	Женщины
Швейцария, 1978	0,3	0,5	США, 1977	-0,1	0,0
Швеция, 1978	0,3	0,5	ФРГ, 1978	-0,1	0,0
Дания, 1978	0,3	0,4	Австрия, 1978	-0,2	0,0
Япония, 1978	0,3	0,4	Бельгия, 1976	-0,2	0,0
Финляндия, 1975	0,2	0,4	Испания, 1976	-0,4	-0,2
Австралия, 1977	0,1	0,4	Греция, 1978	-0,6	-0,4
Норвегия, 1978	0,3	0,3	Италия, 1975	-0,6	-0,4
Нидерланды, 1978	0,2	0,3	Польша, 1978	-0,8	-0,5
Франция, 1976	0,2	0,2	Болгария, 1977	-0,9	-0,5
Канада, 1977	0,0	0,1	Чехословакия, 1975	-0,3	-0,8
ГДР, 1976	-0,1	0,1	Румыния, 1978	-1,3	-1,0
Новая Зеландия, 1976	-0,1	0,1	Югославия, 1977	-1,9	-1,6
Англия и Уэльс, 1977	-0,1	0,0	Португалия, 1975	-2,0	-1,6

само его существование говорит о неиспользованных резервах снижения младенческой смертности.

Если в странах с низкой смертностью до сих пор не удалось полностью поставить под контроль экзогенные факторы младенческой смертности, то тем более эта

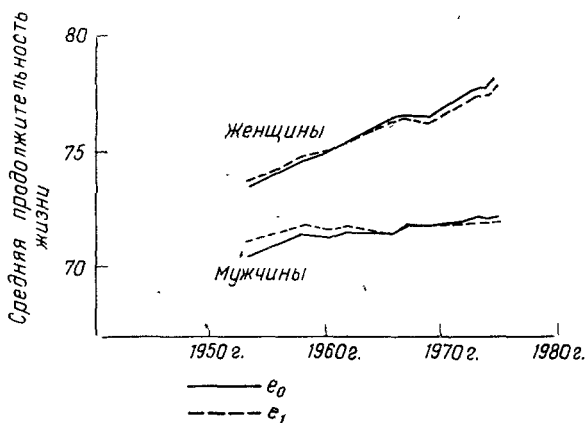

Рис. 13. Исчезновение парадокса детской смертности в Швеции

задача не решена пока в отношении старших возрастов. Здесь есть еще немалые резервы снижения смертности, связанные с дальнейшим выявлением и ограничением действия экзогенных факторов, вносящих вклад в смертность от ряда весьма важных сейчас причин смерти, в частности от рака и даже от сердечно-сосудистых заболеваний. Ведь и сердечно-сосудистые заболевания (главная причина смерти в экономически развитых странах) имеют хотя и преимущественно, но не исключительно эндогенную этиологию, в них многое определяется влиянием неблагоприятных факторов среды, которое может быть устранено или ограничено. Можно думать, в частности, что дальнейшая эволюция смертности от болезней системы кровообращения будет связана с перестройкой структуры причин смерти внутри этого неоднородного класса причин. В результате такой перестройки все меньшее значение будут приобретать те сердечно-сосудистые заболевания, в этиологии которых большую роль играют неблагоприятные влияния среды (например, активный ревматизм, хроническая ревматическая болезнь сердца, возможно, даже гипертоническая болезнь [41, с. 68—79]). Одновременно будет возрастать значение заболеваний, в большей мере обусловленных эндогенными факторами, что и приведет к отодвиганию значительного числа смертей к более поздним возрастам.

Возможно, движение в этом направлении уже началось. Во всяком случае, в последнее время в динамике смертности от сердечно-сосудистых заболеваний появились новые тенденции, в ряде стран зафиксировано ее некоторое снижение (табл. 12). Считают, что это снижение объясняется лучшей диагностикой и лечением болезней системы кровообращения, а также, возможно, распространением более правильного отношения населения к своему здоровью под влиянием информации о неблагоприятных последствиях малой подвижности, курения, излишней полноты, чрезмерного потребления жиров животного происхождения и других вредных обычаев и привычек [256, с. 82—84].

Для смертности современного типа характерны очень малые потери от явных экзогенных причин, таких, например, как детские инфекционные или желудочно-кишечные заболевания. Но если снижение смертности от инфекционных заболеваний достигается в основном бла-

Таблица 12. Снижение стандартизованных коэффициентов смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в возрасте 35 лет и старше в некоторых странах, % [256, с. 83]

Страна	Период	Мужчины	Женщины
Япония	1968 — 1976	21,9	17,0
США	1968 — 1975	16,7	22,3
Бельгия	1969 — 1975	12,9	17,6
Австралия	1969 — 1975	11,7	14,1
Италия	1968 — 1974	10,4	12,9
Франция	1968 — 1974	8,8	9,5
Норвегия	1969-1970 — 1975-1976	7,8	11,6
Англия и Уэльс	1968 — 1976	7,5	11,6
Финляндия	1969-1970 — 1973-1974	7,4	15,3
Швейцария	1969-1970 — 1975-1976	4,3	16,2
Канада	1969 — 1974	3,3	11,6
ФРГ	1968 — 1975	2,8	8,1
Нидерланды	1969-1970 — 1975-1976	2,8	13,7
Австрия	1969 — 1976	2,6	5,7
Венгрия	1969 — 1976	2,4	8,0
Румыния	1969 — 1976	1,5	5,9
Швеция	1969 — 1976	0,7	14,0
Дания	1969-1970 — 1975-1976	0,3	10,0

годаря целенаправленным усилиям органов здравоохранения, внедрению высокоэффективных медикаментов и т. п., то борьба с желудочно-кишечными или простудными болезнями оказывается более сложной, так как требует существенных изменений, всех условий жизни, достаточно высокой санитарной культуры населения. Население стран Западной Европы, раньше других вступивших на путь перехода к новому типу смертности, долгое время вело борьбу с экзогенной смертностью, не имея высокоэффективных средств, которыми располагает современная медицина, у него выработались необходимые навыки охраны своего здоровья. Те же страны, в которых снижение смертности началось позднее, как бы перепрыгнули через некоторые необходимые этапы развития, их население хуже подготовлено к противодействию тем причинам смерти, которые сильнее зависят от его собственного поведения.

Это относится особенно к развивающимся странам, но в какой-то мере справедливо и для многих экономически развитых стран. Даже при одинаковом уровне смертности от всех причин смертность от отдельных причин в разных странах (в разные или в одни и те же

периоды) может сильно различаться. Например, в Японии в 1964 г. стандартизованный коэффициент смертности от всех причин был таким же, как в Нидерландах в 1950 г. Но если число умерших от инфекционных заболеваний (без туберкулеза) на 100 000 жителей в Японии составляло 9 против 16 в Нидерландах, то число умерших от диаррейных заболеваний — 21 против 4 в Нидерландах. Эта разница особенно велика для развивающихся стран. Шри-Ланка в 1960 г. достигла того уровня смертности от всех причин, который был зарегистрирован в Швеции в 1930 г. Но при этом стандартизованный коэффициент смертности от туберкулеза органов дыхания в Шри-Ланке составлял 15 на 100 000 против 105 в Швеции, от прочих инфекционных заболеваний — 48 против 61, зато от диаррейных заболеваний — 49 против 15 в Швеции [245, с. 40].

Следствие той же самой незавершенности перехода к современному типу смертности — неполное преодоление ее сезонных колебаний во многих странах. Зависимость интенсивности смертности от времени года — очевидное проявление неспособности общества оградить человеческую жизнь от негативных влияний среды обитания. Для смертности традиционного типа характерны ярко выраженные сезонные различия, причем в прошлом особенно выделялись подъемы смертности в летний период, когда создавались наиболее благоприятные условия для распространения желудочно-кишечных и других инфекционных заболеваний. Установление контроля над этими заболеваниями в процессе перехода к современному типу смертности привело к уничтожению летнего пика смертности, ее сезонность стала менее выраженной, но все же не исчезла совсем, наиболее заметным стал подъем смертности в зимний период.

Сейчас происходит преодоление и этого типа сезонности, однако пока даже не во всех экономически развитых странах. В 60-е годы в таких странах, как Великобритания, Франция, Италия, Португалия, Япония, еще наблюдался ярко выраженный зимний подъем смертности, в Австрии, Бельгии, Нидерландах, ФРГ, Швейцарии он был менее выражен и лишь в Дании, Норвегии, Финляндии, Швеции, США и Канаде можно было говорить об отсутствии сезонных колебаний смертности [154, с. 70—73].

Таблица 13. Основные причины смерти, лежащие в основе различий в возрастной смертности мужчин в экономически развитых странах с низкой смертностью, в середине 70-х годов [256, с. 79]

Возраст, лет	Относительно низкая смертность		Относительно высокая смертность		Основные причины, лежащие в основе различий в уровнях смертности, и доля разницы, объясняемая данной причиной, %
	число умерших на 100 000 жителей	страна	число умерших на 100 000 жителей	страна	
1	906*	Швеция	4	286* Португалия	ПС (30), БОД (25)
1—4	44	Швеция	208	Румыния	БОД (43), НС (26)
5—9	33	Венгрия	86	Португалия	НС (38), БОД (18)
10—14	29	Япония	67	Португалия	НС (57)
15—19	80	Швеция	164	Канада	НС (90)
20—24	96	Англия и Уэльс	230	Португалия	НС (68)
25—29	82	Нидерланды	210	Португалия	НС (58)
30—34	97	Нидерланды	258	Португалия	НС (46)
35—39	140	Нидерланды	353	Португалия	НС (37)
40—44	236	Нидерланды	509	Португалия	НС (30)
45—49	432	Швеция	859	Финляндия	БСК (69), НС (20)
50—54	634	Япония	1 293	Финляндия	БСК (75)
55—59	1 039	Япония	1 989	Финляндия	БСК (77), РД (19)
60—64	1 681	Япония	2 972	Финляндия	БСК (70), РД (24)
65—69	2 834	Япония	4 632	Шотландия	БСК (70), РД (24)
70—74	5 001	Швеция	7 231	Шотландия	БСК (48), БОД (29)
75—79	7 712	Норвегия	10 697	Шотландия	РД (26)
80—84	11 521	США	16 465	Чехословакия	БСК (56), БОД (23)
85 и старше	17 984	США	28 383	ГДР	РД (22)
					БСК (42), БОД (34)
					БСК (73)

* На 100 000 родившихся

Условные обозначения причин смерти ПС — некоторые причины перинатальной смертности, БОД — болезни органов дыхания, НС — несчастные случаи, отравления и травмы, БСК — болезни системы кровообращения, РД — рак органов дыхания, НО — новообразования (Указаны причины смерти, обуславливающие не менее 15% разницы в уровнях смертности. Сумма указанных процентов для каждой возрастной группы может превышать 100 из за противоположного по знаку вклада других причин)

О недостаточно высокой эффективности контроля над экзогенными факторами смертности даже в экономически развитых странах говорит и анализ различий в возрастных коэффициентах смертности в странах с лучшими и худшими показателями смертности в сочетании с анализом причин смерти, лежащих в основе сохранения этих различий (табл. 13). Как видно из таблицы, различия в уровнях смертности мужчин в некоторых возрастных группах очень велики: максимальный уровень превышает минимальный в 4—5 раз, превышение же в 1,5—2 раза встречается очень часто. Главным виновником столь большого разрыва в молодых и зрелых возрастах (до 45 лет) служат чисто экзогенные причины (за исключением некоторых причин перинатальной смертности), прежде всего несчастные случаи и травмы. В старших возрастах их место занимают заболевания системы кровообращения, что с учетом изложенного ранее также, вероятно, означает недостаточно эффективный контроль общества над экзогенными факторами, вносящими свой вклад в развитие патологии сердечно-сосудистой системы. Как в ранних (до 10 лет), так и в преклонных (после 70 лет) возрастах заметная роль в разрыве в уровнях смертности принадлежит гриппу, пневмонии и бронхиту — также причинам в основном экзогенным.

Разумеется, говоря о резервах снижения смертности в экономически развитых странах, нельзя забывать о все еще сохраняющейся очень большой ее социальной дифференциации. Американский демограф Э. Китагава подсчитала, что если бы все мужчины и женщины в США в 1960 г. имели бы такую же смертность, как белые мужчины и женщины с образованием не менее одного года обучения в колледже, можно было бы предотвратить более $\frac{1}{6}$ смертей взрослых белых и более $\frac{1}{3}$ смертей взрослых небелых [95, с. 189], а средняя продолжительность жизни в возрасте 25 лет увеличилась бы у мужчин на 2,1 года, у женщин — на 5,7 года [235, с. 387—388], тогда как соответствующий выигрыш в результате полного устранения смертности от рака составил бы 2,0 и 2,3 года [244, с. 764—767].

Таким образом, возможности, открываемые переходом к современному типу смертности, новыми техническими средствами борьбы со смертью и новыми демографическими отношениями, как правило, реализуются

пока не полностью. Отчасти это может объясняться незавершенностью переходных процессов. Новые демографические отношения и соответствующая им культура вырабатываются в самом процессе движения от традиционной к современной смертности; это поисковый процесс, он требует времени жизни не одного поколения, а во многих странах история современного типа смертности пока очень непродолжительна. Но отчасти неполная реализация возможностей современного типа смертности объясняется тем, что даже достаточно зрелые демографические отношения нового типа могут вступать в противоречие с другими общественными отношениями, а цель достижения как можно более низкой смертности может испытывать давление — чаще всего неявное — и со стороны экономических и других демографических целей.

В условиях капитализма этот конфликт неизбежен и в принципе непреодолим, он — естественное следствие существования классового антагонизма, неустранимого социального неравенства, второстепенности таких ценностей, как здоровье и жизнь человека, по сравнению с ценностями приобретательства, накопительства и т. п. Социализм, напротив, создает действительные предпосылки для полного раскрытия всех возможностей борьбы со смертью, которые несет с собой современный тип смертности. Но было бы большой ошибкой думать, что реализация этих предпосылок происходит автоматически, не встречая на своем пути серьезных трудностей. Трудности есть, и они хорошо видны на примере нашей страны.

Мы видели, что уже к концу 50-х годов в СССР в целом установился современный тип смертности с характерной для этого типа структурой причин смерти и высокой средней продолжительностью жизни. Однако и сейчас, в начале 80-х годов, приходится говорить о том, что переход к новому типу смертности пока произошел лишь в основном, что он во многом незавершен, что пока еще дают себя знать пережитки старого типа смертности, старых демографических отношений. На такую незавершенность указывают неблагоприятные тенденции смертности и продолжительности жизни населения СССР в последнее время. Эти тенденции рассматривались в специальных работах, мы ограничимся лишь их общей краткой характеристикой.

Неуклонное снижение смертности и рост продолжительности жизни продолжались в нашей стране примерно до середины 60-х годов, когда неожиданно обнаружились новые тенденции в их динамике, сходные с теми, которые до этого уже наблюдались в других экономически развитых странах с низкой смертностью: начался рост возрастных коэффициентов смертности, особенно у мужчин, и прекратился рост средней продолжительности жизни. В СССР в этот момент возрастные коэффициенты смертности были несколько выше, а средняя продолжительность жизни — ниже, чем в странах с наиболее благоприятными показателями (рис. 14).

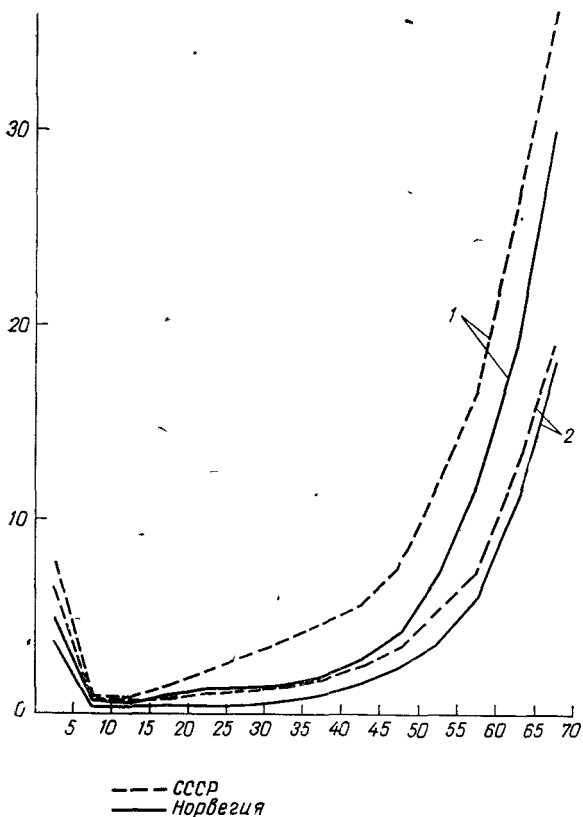

Рис. 14. Возрастные коэффициенты смертности населения Норвегии в 1961—1965 гг. и СССР в 1964—1965 гг., ‰:

1 — мужчины; 2 — женщины

Рост смертности затронул почти все возрастные группы у мужчин, а также некоторые группы у женщин.

Таблица 14. Изменения возрастных коэффициентов смертности населения СССР с 1964—1965 по 1973—1974 гг., % [37, с. 123]

Возрастные группы	Мужчины	Женщины	Возрастные группы	Мужчины	Женщины
0—4	110,4	104,6	35—39	117,4	94,7
5—9	88,9	71,4	40—44	129,8	101,0
10—14	85,7	80,0	45—49	129,3	105,7
15—19	107,7	100,0	50—54	116,8	107,4
20—24	119,0	80,0	55—59	118,2	110,8
25—29	110,7	81,8	60—64	109,5	100,0
30—34	118,9	100,0	65—69	113,6	106,9

Рост возрастной смертности продолжался и после 1973—1974 гг. Только с 1969—1970 гг. по 1978 г. стандартизованный общий коэффициент смертности увеличился на 7,7% [132, с. 13].

Значительный рост смертности у мужчин имел своим следствием увеличение разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин. Сейчас в СССР этот разрыв составляет 10 лет — самый большой в мире. По одной из оценок он лишь примерно на 20% может быть объяснен биологическими различиями в жизнеспособности мужчин и женщин, в остальном же обусловлен социальными факторами [37, с. 151]. Другая важная особенность — превышение смертности сельского населения над смертностью городского как следствие ее более быстрого увеличения в сельской местности, также в основном у мужчин. Еще в конце 50-х годов средняя продолжительность жизни у мужчин в сельской местности была на 1,2 года выше, чем в городе, в 70-е годы она стала примерно на 2 года ниже [37, с. 124].

Сохраняется также значительная территориальная дифференциация смертности. Например, в первой половине 70-х годов смертность в Узбекистане во всех возрастных группах до 65 лет заметно превосходила смертность в Белоруссии, причем превышение было особенно большим в детских возрастах: в возрасте 0—4 года — более чем в 3 раза, в возрастах 5—9 и 10—14 лет — в 2 раза [37, с. 138]. Все еще не преодолена значительная сезонность смертности с характерным подъемом ее

уровня в зимние месяцы. Хотя в структуре причин смерти в СССР, так же как в других странах с современным типом смертности, на первом месте стоят болезни системы кровообращения, а на втором — злокачественные новообразования, в некоторых республиках заметны еще пережитки старой структуры причин смерти. Например, в 70-е годы в Таджикистане и Туркмении второе место занимали болезни органов дыхания, а в Казахстане — несчастные случаи, отравления и травмы [37, с. 131].

Все эти особенности смертности в СССР говорят о том, что экзогенные факторы смертности пока еще сохраняют в нашей стране немалую роль. Существует множество конкретных обстоятельств, которыми обусловлены отдельные стороны этой ситуации, но следует попытаться дать более общее ее истолкование, которое включило бы в себя и более частные объяснения.

Такое истолкование вытекает, по крайней мере отчасти, из признания относительной самостоятельности демографических процессов и их исторической эволюции. Снижение смертности и рост продолжительности жизни — не простое автоматическое следствие роста благосостояния, успехов медицинской науки и других перемен во внешних, в сущности, условиях демографического бытия. Они — результат смены исторического типа смертности, что включает в себя коренное изменение демографических отношений, связанных с сохранением человеческой жизни, места, занимаемого ею на шкале социальных ценностей, культурных структур, охраняющих здоровье и жизнь человека. Все эти изменения обладают определенной самостоятельностью по отношению к научным, техническим или экономическим переменам, могут происходить с определенным запаздыванием. В силу ряда исторических причин такое запаздывание имело место и в нашей стране, особенно у некоторых групп населения (сельское население, население Средней Азии и Казахстана и т. п.), и сейчас до известной степени тормозит завершение перехода к новому типу смертности, тогда как быстрое усложнение технологической среды не оставляет времени для постепенной перестройки «витального поведения». В результате структура причин смерти сохраняет некоторые переходные черты, в ней отражается не вполне преодоленное еще влияние традиционных экзогенных факторов, с одной стороны (отсюда, в частности, относительно высокая

младенческая смертность от желудочно-кишечных или простудных заболеваний), и слабо нейтрализованное действие факторов тоже экзогенных, но порождаемых новыми условиями жизни и неадаптированностью населения к ним — с другой (отсюда, видимо, повышенная мужская смертность от сердечно-сосудистых заболеваний в сельской местности).

Понимание ценности жизни, большая или меньшая активность в борьбе со смертью, особенности «витального поведения» — черты не только и даже не столько отдельного человека, сколько всего общества, присущих ему демографических отношений. Эти отношения накладывают решающий отпечаток на заботу человека не только о своем здоровье, но также и на заботу о здоровье в общегосударственных масштабах, они находят выражение в объеме ресурсов, выделяемых на нужды охраны здоровья и жизни людей, в организации системы здравоохранения, в понимании своего профессионального долга врачом — вообще в широком спектре явлений, так или иначе влияющих на витальные исходы человеческой жизни. Развитие новых демографических отношений, затрагивающих смертность, достижение ими зрелости — объективные исторические задачи, которые не вполне решены еще в нашей стране. Не случайно забота о здоровье советских людей и на XXV, и на XXVI съездах КПСС была названа одной из самых важных социальных задач. Необходимо как можно скорее преодолеть неблагоприятные тенденции динамики смертности и продолжительности жизни в СССР, добиться подлинного расцвета новых демографических отношений.

2.3.2. ПЕРСПЕКТИВЫ СНИЖЕНИЯ СМЕРТНОСТИ И РОСТА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Огромные достижения двух последних столетий породили чрезвычайно оптимистические надежды на чуть ли не беспредельный рост длительности человеческой жизни. Еще в конце XVIII в., когда кончалась эпоха «прирученной» смерти и новый тип смертности делал лишь первые шаги, Ж.-А. Кондорсэ, выражая новое отношение человека к смерти, как к врагу, которого надо любой ценой победить, писал о возможности практически беспредельного увеличения средней про-

должительности жизни в результате общественного прогресса. Он полагал, что «должно наступить время, когда смерть будет только следствием либо необыкновенных случайностей, либо все более и более медленного разрушения жизненных сил», причем «продолжительность среднего промежутка между рождением и этим разрушением не имеет никакого определенного предела» [103, с. 255—256]. Безудержный оптимизм Ж.-А. Кондорсэ и сегодня разделяют некоторые авторы. Еще совсем недавно они ожидали, что уже к концу нашего века или в первые десятилетия будущего средняя продолжительность жизни поднимется до 80, 85, 90 лет и даже более, а применительно к отдаленному будущему называются и гораздо бóльшие величины. Говорят о продолжительности индивидуальной жизни в 300, 400 и даже в 1000 лет, о достижении «практического бессмертия», о создании специальной науки — «иммортологии», занимающейся проблемами практического бессмертия (см. об этом [178, с. 274—275; 87, с. 36—39]).

В наш век стремительного социального и научно-технического прогресса невозможно с абсолютной уверенностью судить о том, что может произойти через несколько лет, а тем более через несколько десятилетий или столетий. Однако это не освобождает нас от необходимости, строя прогнозы будущего, как можно полнее учитывать реальные тенденции прошлого и настоящего. Рассуждая о будущем, следует прежде всего отделить вопрос о максимальном использовании видовой продолжительности жизни от вопроса о ее искусственном увеличении и рассмотреть первый из них, ибо до настоящего времени, как мы видели, все успехи социального управления смертностью были связаны исключительно с возрастающим ограничением действия ее экзогенных факторов, стало быть, с увеличением использования биологически заданной видовой продолжительности жизни. Как далеко можно продвинуться, идя по этому, принесшему столько успехов пути?

Казалось бы, проще всего ответить на этот вопрос, назвав видовую продолжительность жизни человека, к которой по мере устранения внешних помех и должна приближаться ее фактическая средняя продолжительность. Но беда в том, что видовая продолжительность жизни, как это ни странно, — неизвестная величина. Различные авторы дают ее совершенно разные оценки,

которые колеблются, даже если отбросить крайне высокие величины, в диапазоне от 70 до 150 лет [178, с. 242—244]. Существуют совершенно различные методологические подходы к определению видовой продолжительности жизни, которые претендуют на большую точность результатов, но эти результаты оказываются очень разными. Например, демограф Б. Ц. Урланис называет 87 лет [178, с. 256], а биологи Л. А. и Н. С. Гавриловы — 98 ± 5 лет [67, с. 467]. Поэтому видовая продолжительность жизни пока не может служить ориентиром для прогноза средней продолжительности жизни.

Реалистический подход к прогнозированию роста средней продолжительности жизни в связи с развитием современных направлений социального управления смертностью должен, по-видимому, больше опираться на изучение реальных процессов, протекающих в странах, достигших наибольших успехов в росте средней продолжительности жизни, больше считаться с их действительными тенденциями, о которых шла речь в разделе 2.3.1. Пытаясь правдоподобно оценить возможности увеличения средней продолжительности жизни на обозримый период будущего, для которого имеет смысл планирование и постановка целей демографической политики, необходимо учитывать как то, что даже в странах с относительно низкой смертностью ее экзогенные факторы еще сохраняют немалое значение, так и то, что дальнейшее их ограничение дастся со все большим трудом. Быстрые успехи здесь невозможны. По-видимому, для большинства стран разумный подход заключается в том, чтобы ориентироваться на лучшие из уже достигнутых показателей с поправкой на их возможное дальнейшее улучшение.

Именно такой подход применил Ж. Буржуа-Пиша. Еще в конце 50-х годов он попытался, отталкиваясь от наиболее благоприятных достигнутых в то время показателей, отделить экзогенную смертность от эндогенной, на базе показателей эндогенной смертности подойти к определению «биологических» пределов снижения смертности в каждой возрастной группе и, построив «эндогенную» таблицу смертности, получить соответствующую им среднюю продолжительность предстоящей жизни для новорожденного [207]. Казалось бы, достижения конца 40-х годов, на которые опирался в своих

расчетах Ж. Буржуа-Пиша, а следовательно, и его оценки пределов снижения смертности должны были быстро устареть — хотя бы в силу огромного научно-технического прогресса последних десятилетий. Однако этого не произошло. Четверть века спустя Ж. Буржуа-Пиша произвел новую оценку «эндогенной» средней продолжительности жизни человека на основе лучших показателей, достигнутых к середине 70-х годов, и пришел к выводу, что предшествующая оценка нуждается лишь в некоторых, не слишком больших уточнениях [208]. Достижимая средняя продолжительность жизни составила:

По оценке на соответствующий год	Мужчины	Женщины
1952	76,3	78,2
1978	73,8	80,3

Логика Ж. Буржуа-Пиша уязвима для критики. Едва ли можно согласиться с трактовкой полученных им значений как величин «биологической» продолжительности жизни. Ведь разграничение действия экзогенных и эндогенных факторов смертности может быть абсолютно четким только в рассуждении, на практике же очень трудно разделить вклад каждой из этих групп факторов в формирование конкретных причин смерти, а тем более целых их классов. При построении «эндогенных» таблиц смертности Ж. Буржуа-Пиша в качестве главных эндогенных причин рассматривал сердечно-сосудистые заболевания и злокачественные новообразования. Между тем, как уже отмечалось, злокачественные новообразования имеют, скорее всего, преимущественно экзогенную природу. Да и в этиологии многих сердечно-сосудистых заболеваний весьма силен экзогенный компонент, что позволяет надеяться на ограничение их роли как факторов смертности за счет повышения эффективности социального управления смертностью в рамках современной видовой продолжительности жизни человека. Поэтому правильнее было бы, пожалуй, трактовать полученные Ж. Буржуа-Пиша величины не как «биологические». Это, скорее, правдоподобная оценка достижимых в обозримом будущем показателей средней продолжительности жизни, произведенная с учетом действия «квазиэндогенных» факторов смертно-

сти, с наибольшим трудом поддающихся устранению и потому все еще тормозящих ее снижение.

Сделанные оговорки не лишают произведенные Ж. Буржуа-Пиша оценки практической ценности (хотя совершенствование методологии прогнозирования смертности, конечно, может привести к их уточнению). Полученные им показатели кажутся не слишком высокими, особенно на фоне безудержно оптимистических ожиданий современных «иммортологов». Но пока они не достигнуты ни в одной стране, а приближение к ним даже для экономически развитых стран требует очень больших усилий, которые позволили бы мобилизовать все имеющиеся резервы увеличения средней продолжительности жизни. Можно согласиться с тем, что реалистическая оценка ожидаемого снижения смертности должна быть весьма осторожной.

В этом смысле интересны уже упоминавшиеся в 1.5.2 прогнозные оценки снижения смертности и увеличения продолжительности жизни, выполненные в первой половине 70-х годов демографами ООН. Они исходят из того, что по мере достижения все более высоких показателей средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении будет расти с уменьшающейся скоростью и прекратит увеличиваться, достигнув величины 72,5 года для мужчин и 77,5 года для женщин (74,8 года для обоих полов). Сроки достижения указанного уровня приведены в табл. 15.

Таблица 15. Рост средней продолжительности жизни в крупных регионах мира согласно одному из прогнозов ООН, оба пола [107, с. 64]

Регионы	Ожидаемая продолжительность жизни, лет		Год, к которому предполагается достичь $e_0=74,8$ года
	1970—1975 гг.	1995—2000 гг.	
СССР	70,4	73,0	2025
Европа	71,3	74,1	2015
Северная Америка	71,4	72,5	2030
Латинская Америка	61,9	70,6	2040
Восточная Азия	62,9	71,2	2040
Южная Азия	49,5	61,2	2070
Африка	45,2	57,4	2075
Океания	68,3	71,4	2035

Содержащийся в табл. 15 прогноз может показаться слишком скромным, поскольку уже сейчас имеются страны, в которых средняя продолжительность жизни достигла или превзошла установленные экспертами ООН верхние пределы ее роста (например, в Исландии и Японии для мужчин, в Исландии, Норвегии, Швеции, Японии для женщин). Однако таких стран немного, и даже в столь развитом в демографическом отношении регионе, как Европа, лишь отдельные небольшие страны приближаются к показателям, прогнозируемым для региона в целом на 2015 г.

Приведенный прогноз реалистичен, но следует иметь в виду, что он, по существу, связывает дальнейшее увеличение средней продолжительности жизни с завершением современного переворота в смертности и установлением максимально возможного контроля над экзогенными факторами смертности. До сих пор человечеству был известен только этот путь управления смертностью, направленный на как можно более полное использование неизменной видовой продолжительности жизни. Теоретически же не исключено и такое воздействие на человеческий организм, которое способно замедлить эндогенно обусловленный процесс старения и соответственно увеличить видовую продолжительность жизни.

Как отмечает Н. П. Дубинин, возможны два основных пути отдаления видовых сроков наступления старости и смерти: а) искусственное изменение наследственно закрепленной генетической программы, определяющей видовую продолжительность жизни организма; б) применение химических и физических средств направленного воздействия на развитие процессов старения на более высоких уровнях [86, с. 3]. Речь идет, таким образом, о возможном появлении в будущем нового направления социального управления смертностью — искусственного увеличения видовой продолжительности жизни.

В последнее время эта проблема привлекает внимание все большего числа исследователей, многие из них, в том числе такие авторитетные специалисты в области биологии старения, как А. Комфорт, Д. Ф. Чеботарев, В. В. Фролькис и другие, смотрят на возможности ее решения с большим оптимизмом [178, с. 294—295]. В литературе высказывается мнение, что первые эффек-

тивные средства, удлиняющие видовую продолжительность жизни, могут быть созданы «за период, приемлемый для ныне живущих» [131, с. 24].

Иногда главный смысл усилий, направленных на то, чтобы научиться управлять эндогенными процессами, видят в достижении в массовых масштабах необыкновенного библейского долгожительства. Тогда и появляются сверхоптимистические оценки средней продолжительности жизни человека будущего — 150, 200 и более лет. Но действительный смысл предпринимаемых биологами усилий заключается, видимо, в другом.

Как ни важно деление факторов смертности на экзогенные и эндогенные, никогда не следует забывать о его условности: оно схематизирует, упрощает действительность — отсюда не только его достоинства, но и недостатки. До сих пор удавалось защитить организм человека от внешних, экзогенных воздействий, теперь же ставится задача подойти к внутреннему как к внешнему, защитить организм от его собственной биологической природы, «окультурить» ее. Ведется поиск «геронтопротекторов», т. е. средств, которые могли бы в какой-то мере противодействовать силам естественного старения. Если бы удалось с помощью этих средств действительно замедлить старение и тем самым как бы укрепить организм «изнутри», затормозить убывание с возрастом его способности противостоять неблагоприятным внешним воздействиям, то это могло бы иметь тот же эффект, что и устранение самих этих воздействий и притом, может быть, более доступной ценой.

Надо, конечно, иметь в виду, что превращение видовой продолжительности жизни в объект социального управления требует решения не только биологических, но и социально-экономических, демографических, этических и других проблем, причем они могут оказаться никак не менее сложными, чем биологические. Уже сейчас следовало бы начать задумываться над этими проблемами.

Что касается чисто демографических последствий овладения контролем над эндогенными процессами, то они более или менее ясны. Установление эффективного контроля над экзогенными факторами смертности — один из главных процессов, составляющих содержание современной демографической революции. Предполагаемое дальнейшее оттеснение смертности к старшим

возрастам в результате искусственного удлинения видовой продолжительности жизни тоже можно было бы рассматривать как часть этой революции, как ее естественное продолжение. Но, пожалуй, правильнее было бы видеть в нем самостоятельный этап «послереволюционного» демографического развития. И не только потому, что здесь мы будем иметь дело с иным, нежели сейчас, принципом социального управления смертностью. Грань между воздействием общества на экзогенные и эндогенные факторы смертности, вероятно, никогда не удастся провести с достаточной четкостью.

Важно другое: искусственное увеличение видовой продолжительности жизни, которое может породить очень серьезные социальные последствия, не будет иметь демографических последствий, даже отдаленно сравнимых с теми, которые принесло снижение экзогенно обусловленной смертности. Если люди и научатся очень эффективно воздействовать на эндогенные факторы смертности, то это скажется в основном на числе доживающих до возраста старше 50—60 лет и потому никак не отразится ни на числе детей, рождаемых в среднем одной женщиной, ни на нетто-коэффициенте воспроизводства населения, вообще не затронет существенно самих основ процесса возобновления поколений. Здесь есть существенное отличие от изменений в смертности, происходивших на протяжении последних двух столетий и сыгравших роль запала, который вызвал к жизни все остальные процессы революционной перестройки всей демографической системы.

По-видимому, демографам надо лучше осмыслить, что произойдет в случае, если станет возможным управление скоростью старения, с возрастной структурой населения, понять, что будет означать в этом случае демографическое старение, т. е. уменьшение в составе населения доли детей и молодежи.

Главный выигрыш от повышения эффективности социального управления смертностью — спасенные человеческие жизни. Демографы только начинают интересоваться оценкой этого выигрыша. Для иллюстрации возможных здесь подходов приведем подобную гипотетическую оценку, выполненную В. Ф. Шукайло. Если предположить, что скорость старения замедлится на 30%, то по сравнению с уровнем, наблюдавшимся в 1969—1970 гг. в Латвийской ССР, медианная продолжи-

тельность предстоящей жизни мужчин (время, по истечении которого умрет половина всех доживших до данного возраста) в основных трудоспособных возрастах — от 20 до 60 лет (в любом возрасте внутри этого интервала) — увеличится примерно на 10 лет, в более поздних возрастах абсолютная величина выигрыша будет уменьшаться, хотя относительный выигрыш будет расти [190, с. 277; 191, с. 122]. «Таким образом, — пишет В. Ф. Шукайло, — снижение скорости старения на 30% позволит спасти 7% численности всей когорты в экономически наиболее активных возрастах. Это — миллионы жизней, ценность которых огромна даже по формальным экономическим оценкам. Но несомненно, что намечающийся прорыв в область активного биосоциального управления старением и смертностью имеет, кроме того, внеэкономическое, общенаучное и гуманистическое значение» [190, с. 277].

Часть 3

ОБЩЕСТВО И РОЖДАЕМОСТЬ

3.1. СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОЖДАЕМОСТЬЮ

3.1.1. МНОЖЕСТВО ПРОКРЕАЦИОННЫХ ИСХОДОВ

Женщина на протяжении жизни может родить некоторое (включая и 0) число детей, которое и образует множество доступных ей прокреационных исходов. В каждом отдельном случае может реализоваться только один из этих исходов, он зависит от массы случайных факторов и событий, формирующих биографию женщины, и не может быть точно предсказан заранее. Но в населении, где имеется большое количество женщин, возможны любые исходы, и появление каждого из них характеризуется некоторой вероятностью. Все более или менее вероятные исходы образуют множество, или разнообразие, прокреационных исходов, возможных в данном населении. Если это множество никак не упорядочено, хаотично, то все возможные исходы равновероятны.

Но, как правило, мы имеем дело с иной ситуацией: сквозь кажущийся хаос случайных обстоятельств проглядывает вполне определенный порядок, и вероятность одних исходов намного превосходит вероятность других. В первом случае налицо отсутствие управления, во втором — ограничение разнообразия как следствие процессов управления.

Социальное управление рождаемостью — это и есть осознанное или неосознанное воздействие общества на поведение людей, направленное на ограничение разнообразия прокреационных исходов и повышение вероятности тех из них, которые в наибольшей мере соответствуют объективным требованиям демографической системы.

Ниже мы коснемся вопроса об этих требованиях, но вначале дадим более конкретное представление о возможном разнообразии прокреационных исходов. Оно отнюдь не безгранично. Встречаются женщины, рождающие за свою жизнь 20 или даже более детей (обычно при неоднократном рождении близнецов), но это большая редкость. Средняя же *потенциальная плодовитость* женщины значительно ниже. Правда, точно определить эту видовую характеристику *Homo sapiens* не менее сложно, чем видовую продолжительность жизни. Зачатие — случайное событие, характеризующееся некоторой статистической вероятностью. Сейчас оценить эту вероятность можно только путем эмпирических наблюдений над реальными человеческими популяциями. Но таких популяций, в которых вероятность зачатия определялась бы одними лишь физиологическими факторами, в человеческом обществе не существует, отделить же влияние физиологических факторов от социальных очень трудно.

Принято считать, что оценить потенциальную плодовитость можно, изучая населения, в которых, в силу особых исторических условий, относительно «нетрадиционный» образ жизни сочетается с полным отсутствием практики ограничения рождаемости. Предполагается, что у таких населений потенциальная плодовитость наиболее полно реализуется в рождаемости. Исследования последних десятилетий приводят к оценке потенциальной плодовитости величиной 10—12 детей в среднем за всю жизнь женщины [162, т. 2, с. 155—158; 47, с. 34], что, впрочем, совпадает с оценками, приводившимися в литературе еще в середине XIX в. Имеются попытки оценить потенциальную плодовитость и путем теоретических расчетов [47, с. 50—55; 228].

Наибольшую известность получила оценка потенциальной плодовитости, сделанная при изучении небольшой религиозной секты гуттеритов в США, — 12,4 рождения на одну женщину. Показатели рождаемости гуттеритов широко применяются в мировой литературе в качестве стандарта при построении индексов рождаемости, предложенных американским демографом Э. Коуллом [215, с. 209]. Для большей определенности последующих рассуждений этой оценкой воспользуемся и мы (округлив ее до целого числа). Будем считать, следовательно, что «средняя» здоровая женщина, дожившая до

конца периода плодovitости, в принципе может родить любое число детей от 0 до 12, что дает 13 различных прокреационных исходов.

От потенциальной плодovitости, свойственной человеческому виду и не меняющейся на протяжении истории, следует отличать *реальную плодovitость*, уровень которой зависит от среднего для данного населения состояния здоровья. На протяжении всех прошлых эпох с неизменным постоянством действовали социально-экономические и санитарно-гигиенические факторы, снижавшие плодovitость женщины. Таковы недоедание и непосильный труд, широко распространенные болезни — венерические, малярия, глистные инвазии и др., нарушение элементарных гигиенических требований во время беременности и родов, слишком раннее начало половой жизни, возможно, неблагоприятные генетические последствия длительного существования небольших изолятов и другие факторы, служившие причинами первичного и вторичного бесплодия, выкидышей, мертворождений [162, т. 2., с. 163; 184, с. 591]. Поэтому реальная плодovitость всегда была существенно ниже потенциальной.

Так как указанные неблагоприятные факторы действовали не везде одинаково, уровень реальной плодovitости мог заметно колебаться от периода к периоду и от района к району в зависимости от достигнутого уровня социально-экономического развития, экологической обстановки, других условий. В то же время в литературе высказываются представления о том, что порождаемые историческим развитием изменения в действии генетических, эпидемиологических, алиментарных и других факторов приводят к повышению плодovitости, которое можно трактовать в основном как повышение реальной плодovitости. Такое повышение могло быть связано с преодолением эндогамии в период становления родового строя [156, с. 148] или с разрушением изолятов в современную эпоху, с ликвидацией или ограничением распространения некоторых болезней, особенно часто подчеркивается значение улучшения диеты [75, с. 169; 210, с. 100—101; 214, с. 47]¹. Высказывается даже предполо-

¹ Впрочем, существует «очень давняя мысль, которая время от времени выходит на поверхность, как подземная река» (А. Сови), согласно которой более обильное питание не повышает, а снижает плодovitость (Ш. Фурье, Т. Даблдэй, Ж. де Кастро и др.).

жение, что у древнейших охотников и собирателей имел место отбор на низкую плодовитость, тогда как у земледельцев преимущество получают генетические линии с высокой плодовитостью [184, с. 591].

Если историческое развитие действительно ведет к повышению реальной плодовитости, что вполне вероятно, то в определенном смысле можно говорить о социальном управлении плодовитостью и трактовать увеличение реальной плодовитости как следствие роста эффективности этого управления. Нельзя, однако, не видеть, что достигаемый результат (расширение разнообразия исходов) противоположен обычно ожидаемому результату управления (ограничение разнообразия). По-видимому, в контексте интересующего нас сейчас вопроса об управлении рождаемостью вернее рассматривать увеличение реальной плодовитости как побочный результат роста эффективности управления в другом секторе воспроизводства населения (ограничение разнообразия факторов неблагоприятного влияния на здоровье и жизнь человека), который лишь ставит дополнительные задачи перед социальным управлением рождаемостью.

3.1.2. ПОВЕДЕНИЕ КАК ГЛАВНЫЙ ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ПРОКРЕАЦИОННЫМИ ИСХОДАМИ

Из сказанного следует, что разнообразие возможных прокреационных исходов, определяемое реальной плодовитостью, всегда достаточно велико и историческая тенденция заключается в его некотором расширении. Соответственно всегда имеется задача ограничения этого разнообразия, иначе говоря, управления прокреационными исходами. Решение этой задачи связано прежде всего с воздействием на поведение людей при более или менее стабильной реальной плодовитости: Можно выделить три основные вида поведения, оказывающие решающее влияние на прокреационные исходы: матримониальное, половое и собственно прокреационное поведение.

Матримониальное поведение. Матримониальное поведение людей касается заключения и прекращения ими браков. Его важнейшие характеристики — возраст вступления в первый брак, частота разводов и повторных браков, степень окончательного безбрачия. Все эти характеристики определяются главным образом

культурными нормами и в этом смысле социально управляемы.

Поскольку во всех обществах подавляющее большинство детей рождается в социально санкционированном браке, с точки зрения рождаемости большое значение имеет длительность времени, прожитого в браке женщиной в возрасте, когда она способна к рождению детей, т. е. в течение периода плодovitости, или прокреативного периода. Эта длительность в очень большой степени зависит от матримониального поведения людей.

Половое поведение. Брак создает рамки, в которых протекают отношения полов в человеческом обществе. Однако в различных обществах эти рамки различны и всегда обладают известной — иногда большей, иногда меньшей — эластичностью. Даже при одинаковых характеристиках матримониального поведения интенсивность половой жизни женщины — в той мере, в какой она определяется культурными нормами, — может быть различной, в большой степени она зависит от отношения к добрачным и внебрачным половым связям, а также от норм, регламентирующих половое поведение в браке.

Прокреационное поведение. Под прокреационным мы будем понимать поведение, имеющее непосредственное отношение к зачатию и вынашиванию плода, независимо от того, как тесно связано оно с половым поведением. Его основные характеристики — распространенность искусственных абортов и контрацепции.

Только собственно прокреационное поведение можно считать специфически демографическим, неразрывно связанным с рождаемостью. Что же касается матримониального и полового поведения, то они имеют демографическое значение лишь в той мере, в какой они слиты с прокреационным поведением, и утрачивают это значение, когда такая слитность нарушается. Но так как она никогда не нарушается настолько, чтобы всякая связь между тремя видами поведения исчезла, то все они могут рассматриваться как виды демографического поведения, влияющего на рождаемость. Слитность трех видов демографического поведения в принципе может быть нарушена. Если же — поскольку речь идет о массовом поведении — она не нарушается, то не потому, что люди — даже и древнейшие — не знают, как ее нарушить, а потому, что она соответствует существующим на раз-

ных этапах исторического развития демографическим отношениям. Нерасчлененность, сцепленность матримониального, полового и прокреационного поведения играют важную роль в управлении рождаемостью, потому что она облегчает контроль над прокреационными исходами в условиях малой демографической свободы. Но, как мы увидим, с расширением демографической свободы значение этого триединства падает.

3.1.3. ЦЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОКРЕАЦИОННЫМИ ИСХОДАМИ

Понятно, что, воздействуя на различные виды демографического поведения, изменяя время пребывания в браке, возможности полового общения супругов, разрешая или запрещая аборты и контрацепцию и т. п., общество существенно упорядочивает множество прокреационных исходов, уменьшает их разнообразие. На основе каких объективных критериев может осуществляться такое воздействие? Какова его конечная цель?

По-видимому, такая цель формируется в процессе функционирования демографической системы и ее взаимодействия с другими подсистемами общества, и в ней отражаются уже упоминавшиеся объективные ограничения — как демографические, так и недемографические.

Обратимся еще раз к графику на рис. 2а (с. 32) и рассмотрим ситуацию, типичную для традиционных условий (средняя продолжительность жизни, равная примерно 25 годам, реальная плодовитость — порядка 9 родившихся живыми детей за жизнь женщины). Чтобы соблюдались границы области допустимых режимов воспроизводства, каждая женщина должна рожать в среднем несколько больше 5 детей. С учетом же того, что границы области свободы при низкой продолжительности жизни особенно неустойчивы и возможны катастрофические подъемы смертности, сильно сокращающие пространство демографической свободы, обязательны какие-то резервы, так что минимально необходимое число рождений повышается, например, до 6. Но это — среднее число рождений, далеко не каждая женщина, даже доживающая до 45—50 лет и желающая родить шестерых детей, может это сделать. Раннее овдовение, бесплодие одного из супругов, их длительные разлучения, тяжелые условия жизни, приводящие к выкидышам, и прочие препятствия, весьма частые в прошлом,

делают столь высокое число рождений недоступным для каждой женщины. Многие из них вопреки собственному желанию рожают малое число детей и даже не рожают ни одного. Чтобы при этом среднее число рождений оставалось все же высоким, все семьи должны быть ориентированы на большое число рождений, вести себя так, чтобы приблизиться к пределу реальной плодовитости. По существу, с точки зрения необходимого прокреационного поведения область свободы даже намного уже, чем она выглядит на графике, она не оставляет никакой альтернативы, никакой возможности выбора.

Переворот в смертности в корне меняет положение вещей, типичной становится совершенно иная ситуация. При $e_0=75$ годам и относительно малых колебаниях режима смертности минимально допустимый уровень нетто-коэффициента воспроизводства достаточно надежно обеспечивается при примерно 2,2 рождения на одну женщину (рис. 26). В то же время реальная плодовитость приближается к потенциальной. Если предположить, что она близка к 12, то допустимый с точки зрения демографических ограничений выбор прокреационных исходов находится в весьма широких пределах — от 2—3 до 12 рождений. Огромный рост области демографической свободы и устойчивости ее границ создает бесчисленное множество решений, порождает проблему коллективного и индивидуального выбора прокреационных целей. Поскольку в области демографической свободы все воспроизводственные и соответствующие им прокреационные исходы с точки зрения демографических ограничений равноценны, выбор может быть сделан только на основе учета недемографических ограничений, роль которых резко возрастает. Соответственно должен появиться механизм целеполагания, учитывающий эти ограничения, в чем прежде нужды практически не было.

Таким образом, хотя цель социального управления рождаемостью всегда формируется в результате взаимодействия двух видов ограничений — демографических и недемографических — и всегда предполагает ограничение множества прокреационных исходов как снизу, так и сверху, соотношение этих двух направлений управляющих воздействий в ходе истории очень сильно меняется. На ранних этапах истории человечества, когда область демографической свободы мала, главная задача заключается в том, чтобы ограничить

множество исходов снизу, не допустить слишком малого числа рождений, ограничение сверху не развито, его нередко заменяет детоубийство. В дальнейшем, по мере расширения области демографической свободы, увеличивается значение ограничения прокреационных исходов сверху, хотя, даже и достигнув максимума в наше время, оно не упраздняет и противоположной задачи — ограничения множества исходов снизу.

Мы видели, что исторические изменения в смертности, от уровня которой зависят демографические ограничения, совершаются не плавно и постепенно, а скачкообразно, причём такие скачки знаменуют собой смену исторических типов смертности. Соответственно и расширение области демографической свободы, а значит, и изменение цели управления прокреационными исходами также происходят скачкообразно в относительно очень короткие сроки. Эти изменения в свою очередь влекут за собой скачкообразное изменение методов управления прокреационными исходами, т. е., по существу, всей системы демографических отношений, определяющих прокреационное поведение людей. Происходит смена исторического типа рождаемости.

3.2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОЖДАЕМОСТЬЮ

3.2.1. ПОЛЕЗНОСТНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РОЖДАЕМОСТЬЮ

Когда мы говорим о смене исторического типа рождаемости, мы имеем в виду прежде всего не количественные (переход от высокого к низкому уровню рождаемости), а качественные сдвиги: изменения «отношений по детопроизводству», управляющих прокреационным поведением людей, а потому и самого типа этого поведения, его мотивационной основы. В объяснении качественных различий механизмов социального управления рождаемостью мы ищем ключ к пониманию тенденций количественных изменений рождаемости, их прошлого, настоящего и будущего.

Нельзя сказать, что подобный подход к анализу тенденций рождаемости общепризнан. Есть демографы, которые не видят принципиальной качественной разли-

цы в демографическом поведении населения экономически развитых стран в настоящем и в прошлом или населения развитых и развивающихся стран в наше время. Это относится прежде всего к той системе представлений, которую можно назвать «полезностной моделью» детерминации прокреационного поведения и которая широко представлена в демографической литературе. Многим исследователям кажется очевидным, что во все времена человек в своем прокреационном поведении сознательно стремился к максимизации полезности, которая нередко сводится даже к чисто экономической полезности. Скажем, высокая рождаемость в традиционных аграрных обществах легко объясняется, по их мнению, тем, что воспитание детей в неразделенной крестьянской семье было делом несложным, дети же, рано начинавшие трудиться, были выгодны как дополнительные работники, большие многодетные семьи обладали большим экономическим и социальным весом внутри сельской общины. Соответственно современная низкая рождаемость может быть объяснена тем, что дети стали экономически невыгодны.

Очень характерна в этом отношении аргументация австралийского демографа Дж. Колдуэлла, согласно которой решающий фактор, определяющий тип прокреационного поведения, — «направление и мощность межпоколенных потоков богатства» (wealth flows) [209, с. 344]. «В обществе любого типа и на любой стадии развития прокреационное поведение (fertility behaviour) рационально, и рождаемость, когда она высока, так же как когда она низка, есть следствие того, что именно такая рождаемость экономически выгодна индивиду, супружеской паре или семье. Какая именно рождаемость экономически рациональна, определяется социальными условиями, прежде всего межпоколенным потоком богатства. Этот поток был направлен от младших поколений к старшим во всех традиционных обществах» [209, с. 355], а затем «повернул на 180°» [209, с. 345]. В первом случае рациональна неограниченно высокая рождаемость, во втором — нулевая. Вообще, если исключить переходные ситуации, утверждает Дж. Колдуэлл, то возможны только два предельных случая: экономически выгодно либо максимизировать, либо минимизировать число детей в семье [209, с. 322].

Полезностная модель прокреационного поведения имеет своих сторонников и среди советских демографов. Ряд авторов связывают высокую рождаемость в прошлом со стремлением родителей извлечь из многодетности экономические и социальные выгоды и преимущества.

«Благосостояние семьи и обеспечение старости... зачастую зависели от многодетности» [46, с. 120]. «Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости, верными соратниками в защите и нападении, предметом гордости и элементом престижа. Их брачные связи создавали твердую опору в соседской общине. Вообще, с какой бы стороны мы ни рассматривали большую патриархальную семью, иметь много детей и прежде всего сыновей было гарантией прочности ее социальных позиций» [77, с. 5]. «Экономическая полезность детей... вполне доказана: сыновья были работниками, а дочери, кроме того, приносили выкуп (калым). Но дети были нужны традиционной семье не только экономически, они были полезны социально» [79, с. 102]. «Глава семьи стремился иметь больше детей, аналогично тому, как любой представитель господствующего класса — больше подданных, крепостных или иных зависимых работников» [79, с. 101]. Сходные представления высказываются во многих работах [27, с. 150, 209; 47, с. 183; 99, с. 123—124 и др.].

Некоторые сторонники полезностной модели предупреждают от слишком узкой, потребительской трактовки полезности. «Если я говорю, что индивиды максимизируют полезность, не уточняя, какую именно, я не отступаю от действительности. Но если я говорю, что они рациональны в том смысле, в каком экономисты говорят о рациональном потребителе, который при прочих равных условиях всегда предпочитает большее количество товаров меньшему их количеству, то я, напротив, открываю путь такому отступлению» [227, с. 57—58]. Несмотря на то, что в приведенных выше высказываниях Л. Е. Дарского явно просматривается отношение к традиционным родителям как к «рациональным потребителям», он также указывает и на иную «рациональность» поведения человека прошлого: он вел себя «не бессмысленно», а стремился быть угодным богу, поддержать свою репутацию, престиж, положение, заслужить одобрение референтной группы, сохранить и приумножить

собственность [79, с. 100] (последнее, впрочем, снова возвращает нас к «рациональному потребительству»).

Другую разновидность универсальной полезностной модели детерминации прокреационного поведения представляет собой развиваемая рядом советских демографов концепция специфической потребности, называемой «потребностью в родительстве», «в отцовстве», «в материнстве», чаще же всего «потребностью в детях» [24; 25; 27; 46; 47; 99; 140].

Согласно А. И. Антонову, «потребность в детях является социально-психологическим свойством социализированного индивида, проявляющимся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает затруднения как личность» [27, с. 112]. Содержание потребности в детях раскрывается, однако, не этим чисто функциональным определением, а анализом структуры мотивов рождения детей, которые характеризуют «смысл появления ребенка, состоящий в том, что ребенок оказывается средством для достижения личных целей родителей» [24, с. 115; см. также 27, с. 147]. Среди важнейших мотивов А. И. Антонов и солидаризирующийся с ним В. А. Борисов называют мотивы, связанные с тем, что дети «рассматриваются как участники семейного хозяйства, как дополнительная рабочая сила, защитники и наследники хозяйства, кормильцы и опора родителей в старости», дети позволяют удовлетворять потребности родителей в заботе о других, в передаче своего жизненного опыта и т. д. [25, с. 90—91; 47, с. 181—182].

Для уяснения смысла полезностного толкования механизмов социального управления рождаемостью важно, что именно в уменьшении полезности детей для семьи сторонники такого толкования видят непосредственную причину исторических перемен в прокреационном поведении родителей. Как правило, называют три главных элемента такой полезности: экономический, социальный, психологический.

Наибольшее значение придается экономической и социальной полезности детей, о чем уже говорилось. В течение многих веков она, как полагают, была весьма велика; в современную же эпоху произошли исторические сдвиги, которые коренным образом изменили, понизили полезность детей для родителей. Дети перестали играть свою экономическую роль, утратили смысл в качестве рабочей силы и трудовых ресурсов для семьи, стали не-

нужными как опора в старости, потеряли свою роль наследников родительских состояний и продолжателей фамилии [27, с. 211—213; 47, с. 183—184]. «Увеличение экономических затрат на детей сопровождалось уменьшением экономической потребности в них» [99, с. 123]. «Социально-экономические изменения привели к тому, что дети или утратили свои способности удовлетворять некоторые потребности, или же удовлетворяют их хуже, чем другие, новые объекты» [77, с. 7].

Помимо экономической и социальной выделяют еще и психологическую полезность. Согласно Л. Е. Дарскому, «кроме экономических потребностей... дети традиционно удовлетворяли комплекс социально-психологических потребностей», таких, как «потребность иметь объект забот и ухода, объект доминирования и воспитания» [78, с. 20]. О том же пишет и А. И. Антонов, говоря о психологических мотивах рождения ребенка [25, с. 90; 27, с. 149].

С «психологической полезностью» происходит примерно то же, что с экономической и социальной. Она также падает или (немного иной вариант) вообще недостаточно сильна, чтобы на ней могла держаться рождаемость. «Трудно сказать, что стало с соответствующими потребностями, — пишет Л. Е. Дарский. — То ли они трансформировались и удовлетворяются другими объектами, то ли они слабо развиты, имеют малую ценность и вытесняются другими — возможно и то и другое вместе» [78, с. 20—21]. А. И. Антонов более определенно подчеркивает принципиальную слабость «психологических мотивов», которые «обуславливают только установки малодетности и даже однодетности, поскольку для реализации их вполне достаточно одного ребенка» [25, с. 90], и полагает, что ослабление потребности семьи в детях произошло, «так как ведущими мотивами рождения детей перестали быть экономические мотивы, уступив эту роль психологическим мотивам» [25, с. 90].

Полезностная модель детерминации прокреационного поведения основана на «здравом смысле», хорошо понятна современному человеку, кажется ему вполне естественной. Соответствующие этой модели представления и терминология получили довольно широкое распространение, проникли в смежные области знания, в компилятивную и популярную литературу. Скажем, весьма расплывчатое, допускающее различные толкова-

ния выражение «потребность в детях» (неясно, например, в каких детях: родившихся или выживающих¹) воспринимается многими авторами как строго определенное понятие, к которому постоянно прибегают для «научного» объяснения снижения рождаемости. Между тем более внимательный анализ, мы полагаем, наводит на мысль, что и сама полезностная модель, и вся относящаяся к ней система понятий во многих отношениях уязвимы для критики, быть может и кажущейся парадоксальной с точки зрения обыденного здравого смысла.

3.2.2. КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ РОЖДАЕМОСТИ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПОЛЕЗНОСТНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Главный порок полезностной модели заключается, по нашему убеждению, в ее неисторичности. На первый взгляд, это обвинение может показаться несправедливым, сторонники полезностной модели постоянно говорят об исторических изменениях, некоторые — даже о переходе от одного типа рождаемости к другому [79, с. 87]. Но если вдуматься в их аргументацию, то нельзя не прийти к выводу, что все признаваемые ими изменения относятся к количественной стороне явления: полезность детей падает, их способность удовлетворять потребности родителей уменьшается, «потребность в детях» ослабевает и т. д. Сам же *тип поведения* остается неизменным: на большую полезность детей люди реагируют высокой рождаемостью, на малую — низкой.

Такой тип поведения свойствен современному человеку, но можно ли считать его исторически универсальным? «Чем больше мы изучаем поведение супружеских пар былых времен, — пишет французский историк Ж.-Л. Фландрэн, — тем сильнее наше впечатление, что в своем поведении они следовали моделям, с нашей точки зрения, иррациональным» [223, с. 144]. Сходную мысль высказывает советский историк Б. Н. Миронов, изучавший прокреационное поведение русского крестьянина XIX в. «Рассуждая «рационально», с точки зрения современного человека, крестьянин

¹ Более подробно мы рассматриваем этот вопрос в другой работе [60, с. 129—131].

мог бы в одних случаях посчитать целесообразным иметь больше детей, в других — меньше. Но русский крестьянин прошлого века был человеком другой эпохи, у него была иная психология, соответствовавшая историческим условиям своего времени» [122, с. 100]. «Ничто не указывает даже на самую малую распространённость внутрисемейного регулирования деторождения в традиционной русской деревне. Почему? Видимо, это объясняется поглощением индивидуума сельской общиной, категорической необходимостью выполнять общепринятые нормы поведения, требования религии» [122, с. 100].

Вырабатывая свое отношение к полезностной модели, мы должны либо согласиться с тем, что психология и логика поведения человека, жившего сотни и тысячи лет назад, не отличались принципиально от наших сегодняшних, либо, напротив, исходить из признания кардинальных различий в механизмах детерминации социального поведения наших современников и человека прошлого. В первом случае мы можем прийти к признанию универсальной полезностной модели управления рождаемостью, во втором — неизбежно отрицание если не самой модели, то во всяком случае ее исторической универсальности. Нам кажется, что второй ответ как исторический, а потому верный противостоит первому как неисторическому, стало быть, неверному.

Если цель управления задается функционированием системы как целого, то пути достижения этой цели, механизм управления решающим образом зависят от внутренней организации и вытекающих из нее возможностей объекта управления. Н. Винер, анализируя причины жесткости программы управления поведением муравьев в муравейнике, отмечал: «Узкий камзол физического развития насекомого прямо обуславливает узкий камзол... модели регулирования его поведения» и, обобщая этот вывод, указывал, что «строение машины или организма является показателем их способности выполнить задачу» [54, с. 67]. В сложных системах объект управления сам есть сложная система, и чем более внутренне сложен управляемый объект, тем сложнее может и должен быть весь механизм управления. Если же управляемый объект относительно прост, сложная система управления бессмысленна.

Та «машина», которая выполняет интересующую нас в этой главе задачу,—человек как личность. Разногласия в понимании механизма управления рождаются в прошлом в конечном счете как раз и объясняются различиями в оценке степени развитости, внутренней сложности личности человека традиционного общества.

Еще К. Маркс указывал на ошибочность исторических воззрений, ставящих знак равенства между человеком любой эпохи и буржуа и приписывающих такому внеисторическому человеку те же стимулы поведения, которые преобладают в капиталистическом обществе. Однако подобные воззрения не исчезают, и сегодня для ученых, работающих в разных областях знания, не утрачивает актуальности напоминание о том, что «теория докапиталистических способов производства никогда не может быть достаточно полно разработана... если не преодолеть распространения на все времена представления о «homo oeconomicus», извлеченного из капиталистической эпохи» [144, с. 404]. Более чем актуально это напоминание для демографов, изучающих социальную детерминацию рождаемости в добуржуазных обществах.

В. А. Борисов, один из сторонников полезностной модели, полагает, что объяснить поведение — значит объяснить прежде всего выбор человека. «Человек всегда стоит перед выбором в очередности удовлетворения своих потребностей» [47, с. 80]. Всегда ли? Не было ли именно *отсутствие* выбора главной чертой той «странности», которой обладает традиционное прокреационное поведение в глазах современного человека? Да и откуда взяться такому выбору в условиях традиционного общества? С одной стороны, он невозможен или крайне ограничен объективно, по причине чрезвычайной узости области демографической свободы, о чем уже говорилось выше. С другой — он невозможен или весьма ограничен причинами субъективного характера, тем, что нет человека, способного осуществлять выбор. Такой человек появляется отнюдь не одновременно с человеком вообще, складывается в ходе истории, по мере его обособления, преодоления слитности с социальным целым, несамостоятельности, растворенности в группе. Только «после того как с личности одна за другой спали все оболочки, которых вначале было так

неисчислимо много, оказывается, что главная функция личности это производить выбор действия» [143, с. 192].

«Человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса», — писал К. Маркс [11, с. 486] и точно датировал это событие: «Лишь в XVIII веке... различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость» [6, с. 710]. И только тогда «производство, основанное на капитале... создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности», и все физические и духовные свойства человека выступают «лишь в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе» [11, с. 386—387].

До XVIII в. не существовало как массового явления ни универсальности «присвоения членами общества как природы, так и самой общественной связи» [11, с. 386—387], ни людей, способных к такому «универсальному присвоению», стало быть, не было, не могло быть достаточно развито универсальное поведение, допускающее широкую взаимозаменяемость линий и актов поведения, выбор одного из многих путей.

Ни гражданин античного полиса, ни средневековый ремесленник, ни русский крестьянин в минувшем веке, а индийский даже и в нынешнем не согласовывали свое прокреационное поведение с какими-либо обстоятельствами своей жизни и не меняли его в зависимости от этих обстоятельств. Сама идея выбора, возможности связывать свое поведение с его рационально понимаемыми результатами, а тем более максимизировать их полезность абсолютно чужда человеку традиционного общества, противоречит основным догматам его поведения. «Не бывает ни для верующего, ни для верующей, когда решил Аллах и Его посланник дело, выбора в их деле», — гласит, например, Коран [104, сура 33, ст. 36].

Религиозные верования и предрассудки составляют основу миропонимания традиционного человека, его реальные жизненные отношения выступают для него в мистической форме. *Credo, quia absurdum* (верую,

ибо нелепо) — идеальный принцип такого мировосприятия. Оно исключает рациональный «способ мышления, необходимый для осуществления долгосрочных инвестиций» [223, с. 144], который предполагают сторонники полезностной модели, когда говорят, скажем, о стремлении родителей обеспечить себя кормильцами в старости. Если, как замечает один из авторов, объясняя причины традиционной многодетности, правоверный мусульманин убежден в том, что Аллах сам позаботится о детях, которые пришли в этот мир по его воле, и обеспечит их пищей [99, с. 112] (то же и в христианстве: бог даст день, бог даст и пищу), то почему бы ему не думать, что Аллах позаботится и о нем самом на старости лет?

Сколько бы мы ни уточняли смысл понятий «полезность» и «рациональность», они ничего не могут объяснить в поведении человека, у которого нет выбора. Объяснение высокой рождаемости, например, стремлением к праведной жизни имеет смысл в том случае, если можно стремиться к чему-то другому и в связи с этим иметь меньше детей. Но если все *должны* стремиться только к праведной жизни и предполагается, что препятствовать рождению детей *неправедно*, то такое объяснение превращается в бессодержательную тавтологию: вместо того, чтобы объяснять, почему полезно рожать много детей, придется искать ответ на вопрос, почему полезно быть праведным. Если религиозная мораль провозглашает производство потомства единственным оправданием половых отношений, которые сами по себе греховны, то нужны ли верующему какие-либо дополнительные аргументы, чтобы побудить его к деторождению? Сам факт существования в очень различных обществах культурных норм, регулирующих прокреационное поведение и выступающих обычно в религиозной оболочке всякого рода ритуалов и обрядов, указывает на значение иррациональной мотивации этого поведения. Мотивированное таким образом поведение не знает выбора и предпочтения, мысль о том, что можно по своему желанию родить больше или меньше детей, недоступна человеку традиционного общества.

Другой важнейший порок универсальной полезностной модели управления рождаемостью заключается в ее несистемности. Когда мы говорим о процессах

управления в сложных социальных системах, то мы исходим из того, что управление в них есть прежде всего самоуправление и что механизмы такого самоуправления вырабатываются самим длительным функционированием системы, приспособлены к целям ее самосохранения, имманентно присущи системе. Система и механизм ее самосохранения составляют одно целое. При таком подходе ключ к пониманию способов социальной детерминации рождаемости надо искать внутри демографической системы, в самих демографических отношениях, которые должны отвечать объективным требованиям поддержания демографического равновесия.

Полезностная же модель, по существу, исходит из совершенно иных посылок, она предполагает, что главные источники управляющих воздействий находятся *за пределами* демографической системы, что их надо искать не в демографических, а в каких-то других, например экономических, отношениях: при одних экономических отношениях стимулы к прокреации оказываются достаточными, при других — нет. Побуждение к деторождению связывается с функциями семьи, но допускается такая эволюция ее функций, при которой эти побуждения недопустимо ослабевают или даже исчезают.

При таком подходе разрывается органическая связь части и целого, индивидуального и социального. Демографические потребности индивида начинают существовать отдельно от демографических потребностей общества как целого, а тем самым ставится под сомнение приоритет целого как объективное свойство функционирования системы. Нам уже приходилось критиковать эту сторону взглядов сторонников полезностной модели [60]. На нее же обращает внимание В. В. Бойко, справедливо заметивший, что если не считать индивидуальную потребность в детях социально детерминированной, то «закономерности общественного порядка... окажутся подмененными волей и желаниями отдельных индивидов, либо вновь надо признать врожденность потребности в детях» [43, с. 51]. В этой связи В. В. Бойко напоминает слова К. Маркса о том, что «частный интерес уже сам есть общественно определенный интерес... Это — интерес частных лиц; но его содержание, как и форма и средства осуществления даны общест-

венными условиями, независимыми от индивидов» [11, с. 99].

Наконец, надо указать еще на один весьма существенный порок универсальной полезностной модели: она игнорирует факты, на объяснение которых претендует. При всех частных различиях во взглядах сторонников полезностной модели их общий вывод всегда один и тот же: прежде у родителей было много детей (потому что они были полезны родителям), теперь их стало мало (потому что они перестали быть полезными). Этот вывод объясняет факты, которых на самом деле не существует. Многим кажется, что в прошлом в отличие от настоящего семьи были многодетными, в крайнем случае «среднедетными», «после первых пяти лет брака семья постоянно пребывала как минимум в среднедетной форме (3—4 ребенка)» [27, с. 210], а «отмирание многодетности», «переход к малодетности» — это новейшая тенденция последних десятилетий [27, с. 227 и далее]. В действительности же факт многодетности семей в прошлом не подтверждается ни теоретическими расчетами, ни имеющимися фактическими данными.

Рождаемость в прошлом действительно была намного выше, чем сейчас в экономически развитых странах. Но часть родившихся была, по выражению В. Рубичека, «запасными» детьми [151, с. 78], потому что огромная доля их умирала, не достигнув возраста

Таблица 16. Распределение семей по числу детей в возрасте до 14 лет в зависимости от возраста главы семьи, % [221, с. 1034]

Возраст главы семьи	Доля семей, имеющих детей							Среднее число детей на семью
	0	1	2	3	4	5	6 и более	
20—24	61,6	30,0	7,0	1,4	—	—	—	0,48
25—29	34,0	32,7	20,6	8,2	3,7	0,5	0,3	1,18
30—34	14,7	25,0	24,1	18,8	10,8	3,8	2,8	2,10
35—39	9,7	15,3	20,8	21,0	16,5	9,8	6,9	2,80
40—44	15,1	15,2	19,6	20,2	15,1	7,8	7,0	2,60
45—49	25,4	18,0	20,6	18,1	10,3	4,1	3,5	1,97
50—54	45,9	27,5	15,2	8,3	2,4	0,5	0,2	0,96
55 и старше	90,8	7,2	1,6	0,3	0,1	—	—	1,18
Всего	46,0	17,4	14,2	10,0	6,4	3,6	2,4	1,34

зрелости. Каким при этом могло быть реальное число детей в семье, можно продемонстрировать с помощью модели, построенной Ж. Дюпакье и М. Демонэ для условий брачности, рождаемости и смертности, типичных для стран Северной и Западной Европы XVII—XVIII вв.

Как видим, даже в семьях, возраст главы которых составляет 35—39 лет и в которых число одновременно живущих детей в возрасте до 14 лет самое большое, оно все же невелико. Лишь 16,7% всех семей имеют 5 и более детей, наиболее же часто встречаются семьи с двумя и тремя детьми (41,8% всех семей). Где же преобладание «среднедетной формы»? Следует отметить, что в модели Ж. Дюпакье и М. Демонэ приняты относительно высокие для традиционных условий показатели брачной рождаемости и относительно низкие показатели смертности, у большинства населений прошлого многодетные семьи должны были встречаться еще реже, чем это следует из табл. 16.

Для демографа этот вывод не есть что-то неожиданное, он соответствует давно известным фактам, которые, однако, часто упускаются из виду. Еще в XVIII в. шведский статистик П.-В. Варгентин утверждал, что римский закон, дававший привилегии родителям трех взрослых детей, был бы применим лишь к немногим жителям Швеции [147, с. 176], в самом Риме Тацит жаловался на неэффективность этого закона, от которого «супружества не стали... чаще и детей рождалось не больше, чем прежде, так как против желания оставаться бездетными эта мера оказалась бессильной» [167, с. 92]. За два столетия до Тацита Полибий сетовал на то, что люди «не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух» [142, с. 299—300]. Имеется немало оценок числа живых детей в семье в прошлом, и все они показывают, что число многодетных семей было крайне невелико [109, с. 171, 174; 175, с. 114, 218—219; 237, с. 83], как правило, они более или менее подтверждают слова Б. Ц. Урланиса, относящиеся к средневековой Европе: «Модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась однодетная семья, совсем как в состоятельных кругах в современной Франции» [175, с. 219].

О малодетности семьи в прошлом, даже в XVIII в., когда появились уже признаки снижения смертности,

говорят не только результаты историко-демографических исследований, но и прямые свидетельства современников. Выше приводилось мнение П.-В. Варгентина. Ф. Кенэ, произведя расчеты, касающиеся населения Франции, писал: «Основываясь на ходе воспроизводства населения, можно считать, что каждая пара, состоящая из мужчины и женщины, имела бы по крайней мере двух детей, которые достигли бы брачного возраста, и несколько детей, умерших до наступления его» [94, с. 146—147]. По данным автора XVIII в. М. Мессанса, из более чем 22 тысяч обследованных семей в округах Овернь, Лион и Руан лишь 3,6% имели 6 и более детей [147, с. 229].

Исторически и географически удаленные примеры могут показаться неубедительными читателю, озабоченному тенденциями рождаемости в СССР, поэтому приведем более близкие нам данные. Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. показывают, что у городского населения РСФСР (без населения Москвы и Ленинграда) при продолжительности брака 13—17 лет среднее число живых детей от этого брака составляло 2,55, причем в 13,8% семей вообще не было детей, в 17,2% был один ребенок, в 21,6% — два ребенка, в 47,4% — три ребенка и более [160, с. 163, 166]. Эти показатели достаточно близки к показателям табл. 16, в частности для семей, имеющих глав в возрасте 35—39 лет. Если же учесть еще различия в смертности (при условиях модели Ж. Дюпакье и М. Демонэ из числа 15-летних до 30-летнего возраста могло дожить примерно 85%, по таблицам смертности городского населения Европейской части СССР 1926—1927 гг. — около 93%), то становится ясным, что из числа детей, рожденных к моменту достижения родителями 35—39-летнего возраста, до 30 лет доживало не более 2,4—2,5 ребенка в среднем на семью. По данным же специального обследования, проведенного НИИ ЦСУ СССР в 1972 г., среднее ожидаемое число детей в советской семье составляло 2,46 [161, с. 75].

Таким образом, снижение числа детей в семье, играющее такую важную роль в полезностной модели управления рождаемостью, — это артефакт, такого снижения либо вовсе не было в массовых масштабах, либо оно несущественно.

Указанные недостатки полезностной концепции за-

ставляют искать иного объяснения происходящих с рождаемостью изменений, которые были бы одновременно и более историчными, и системными, и находились бы в большем соответствии с наблюдаемыми фактами. Такое объяснение, как мы полагаем, дает концепция исторических типов рождаемости. Согласно этой концепции один тип отличается от другого принципиально — не только и даже не столько количественными целями прокреационного поведения, сколько прежде всего методами социального управления таким поведением, характером прокреационной мотивации, всем строем демографических отношений. В каждом случае имеется целостная система демографического поведения, имеющая свои собственные внутренние детерминанты и могущая быть описанной на адекватном только ей языке, который нельзя переносить на описание системы поведения другого типа.

В соответствии с общей периодизацией демографической истории, принятой в этой работе, можно выделить три исторических типа рождаемости: архетип, традиционный и современный.

Переход от одного из них к другому рассматривается как такое движение от низшего к высшему, в котором проявляются всеобщие закономерности развития. В частности, возрастает роль внутренних факторов управления рождаемостью и соответственно уменьшается роль внешних факторов. При этом повышается качество управления: оно становится более эффективным, экономичным и т. п. Мы лишь бегло коснемся архетипа рождаемости, наша главная задача заключается в том, чтобы исследовать закономерности социального управления рождаемостью традиционного и современного типов и переход от первого ко второму, представляющий собой один из главных процессов современного демографического развития.

Переход к современному типу рождаемости обусловлен скачкообразным расширением области демографической свободы, а стало быть и свободы прокреационного поведения. Но это расширение свободы вовсе не означает, что рождаемость перестает быть социально управляемым процессом или становится менее управляемым. Речь идет лишь о новом этапе разрешения извечного противоречия между необходимостью подчинения индивидуального поведения интересам социаль-

ной системы и исторически обусловленной тенденцией к увеличению свободы этого поведения. Поведение индивида во всех случаях остается подчиненным интересам общества, социально управляемым. Но различия в механизмах такого управления не следует недооценивать. Как отмечал К. Маркс, «существует огромная разница в том, варвары ли могут быть ко всему приспособлены или же цивилизованные люди сами себя ко всему приспособляют» [6, с. 731].

В мотивации человеческого поведения всегда присутствуют как внутренние (эндогенные), так и внешние (экзогенные) компоненты. В мотивации поведения «варвара» преобладают экзогенные компоненты: не имея достаточно развитых индивидуальных потребностей, целей и т. п., он ведет себя, повинувшись внешним силам и исходящим от них импульсам. Исторически обусловленный отход от «варварства», тенденция к возрастающей индивидуализации личности, к умножению «особых интересов» человека, к росту разнообразия, многовариантности его поведения, в том числе и прокреационного, делают необходимой перестройку всей системы управления этим поведением, требуют в силу закона необходимого разнообразия соответствующего роста разнообразия управляющих воздействий — без этого не могли быть обеспечены сохранение целостности демографической системы и реализация созданных историческим развитием новых человеческих возможностей. Такая перестройка предполагает вытеснение экзогенных мотивов поведения эндогенными, возрастающее преобладание компонентов мотивации, связывающих каждый поступок с внутренними, личными, индивидуальными стремлениями и целями, рост роли дифференцированных индивидуальных потребностей.

Изменения в структуре прокреационной мотивации (переход от преимущественно экзогенной к преимущественно эндогенной мотивации) — это ответ демографической системы на изменившиеся исторические условия и в то же время — глубинная, качественная основа всех перемен в прокреационном поведении, происходящих на протяжении двух последних столетий, замены одного исторического типа рождаемости другим.

Анализу этого фундаментального процесса посвящаются следующие разделы настоящей главы.

3.3. РОЖДАЕМОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

3.3.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Традиционный тип рождаемости возник, по-видимому, в результате первой демографической революции, совпавшей по времени с социально-экономической революцией эпохи неолита. Существует представление, поддерживаемое авторитетными демографами, что в этот период произошло повышение рождаемости, которое объясняется отчасти повышением реальной плодovitости, отчасти же улучшением условий жизни и распространением популяционистских норм демографического поведения, пришедших на смену якобы существовавшим прежде антипопуляционистским нормам [79, с. 96—97; 135, с. 120; 216, с. 43]. Эта гипотеза может быть принята лишь в том случае, если одновременно принять гипотезу повышения смертности в этот период, обсуждавшуюся в разделе 2.2.1. В противном случае придется допустить резкое ускорение роста численности населения в эпоху неолита, чего, судя по всему, в действительности не было (см. 1.4.2.).

Гипотеза повышения смертности, как мы видели, вызывает сомнения сама по себе, но эти сомнения еще более усиливаются, когда рядом с ней появляется гипотеза повышения рождаемости. Как совместить, например, рост младенческой смертности с исчезновением или ограничением детоубийства? Увеличение смертности от голода с повышением физиологической плодovitости вследствие улучшения питания? Если стоять на позициях признания снижения смертности после неолитической революции, то гипотезу повышения рождаемости в эту эпоху следует отклонить. Более того, надо признать, что пережившее неолитическую революцию общество должно склоняться не к большему, а к меньшему натализму, чем прежде. Ведь эта революция действительно ведет, по-видимому, к некоторому повышению реальной плодovitости (т. е. к росту разнообразия возможных прокреационных исходов). Если же одновременно еще и снизилась смертность, то задача ограничения множества прокреационных исходов «сверху», порождаемая действием социально-экономических ограничений, должна была стать более

актуальной, чем прежде. Но, разумеется, она не стала главной. Смертность оставалась очень высокой, и область демографической свободы, в пределах которой ограничение разнообразия прокреационных исходов сверху вообще имеет смысл, расширилась незначительно, так что по-прежнему главной целью управления прокреационными исходами было ограничение их разнообразия снизу.

Обе указанные задачи управления рождаемостью решались путем воздействия социума на поведение людей, причем методы и формы такого воздействия были теснейшим образом связаны с экономическими и социальными условиями, в которых жили люди во всех классовых докапиталистических обществах. Сейчас эти методы все более изживают себя, в экономически развитых странах они в основном преодолены. Однако некогда они вполне соответствовали требованиям времени и играли прогрессивную роль, вытесняя менее эффективные и более варварские методы управления, свойственные первобытному человеку, архетипу воспроизводства населения.

Становление традиционного типа рождаемости происходило в эпоху разложения родового строя и превращения семьи в основной институт, в рамках которого протекали процессы воспроизводства населения. Именно семье и суждено было стать главным органом социального управления рождаемостью.

С позиций теории управления утверждение семьи можно рассматривать как появление в обществе нового иерархического уровня, без которого оно — в условиях увеличения численности человеческих общностей — становится неуправляемым. Родовая община уже в силу своей небольшой величины «просматривается» насквозь, здесь нет необходимости в промежуточных уровнях, связывающих социальное целое с отдельным индивидом. В то же время община сравнительно слабо связана с более широкой социальной средой, существует обособленно от нее, лишь в спорадических контактах с другими общинами, от которых она отделена внешними, пространственными барьерами. Семья же живет бок о бок с другими семьями, ее целостность поддерживается силой внутренних отношений, намного более дифференцированных и сложных, чем отношения внутри рода, эффективнее регулирующих взаимо-

действие системы со средой. Семья представляет собой самоуправляющуюся систему, ячейку, взаимоотношения которой с обществом как системой более высокого иерархического уровня строятся на основе «принципа наименьшего взаимодействия». Благодаря этому и становятся возможными параллельное существование, функционирование и взаимодействие огромного числа таких ячеек без утраты управления поведением индивидов со стороны общества. Это касается — и может быть даже в первую очередь — и демографического поведения.

3.3.2. НЕРАСЧЛЕНЕННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Объективные требования к человеческому поведению формируются на уровне общества как целого или его функциональных подсистем, таких, как демографическая. Но реализация этих требований, доведение их до сознания отдельного человека, контроль за их выполнением — задача более низких иерархических уровней системы, в частности семьи. В традиционном обществе семья, будучи важнейшим элементом контура управления демографическим поведением, в то же время входила и во многие другие контуры социального управления, играя не менее важную роль в детерминации экономического, социального, других видов поведения людей. Универсальность семьи как органа управления человеческим поведением была исторически обусловлена соответствием недифференцированности органов управления более высоких иерархических ступеней, каналов передачи социальной информации и самой этой информации (комплексности, «неразъемности» этических норм, традиционных правил поведения и т. п.). Нерасчлененность, недифференцированность системы управления человеческим поведением сочеталась с ее малой гибкостью, ограниченностью диапазона, слабым разнообразием управляющих воздействий. Поведение человека было жестко запрограммировано и ориентировано не на конечный результат (ведь человек прошлого, с его ярко выраженным религиозным восприятием действительности, в результатах своей деятельности часто видел лишь следствие божественного предопределения; согласно христиан-

ским представлениям, например, зачатие новой жизни — прерогатива бога), а непосредственно на определенный образ действия, который был для него одновременно и целью, и средством.

И в демографической сфере вся поступающая к человеку социальная информация ориентировала его не на определенный результат, не на то, скажем, сколько детей надо иметь (или хотеть иметь), а на готовые формы, стандартные «блоки» поведения: кому, когда и с кем вступать в брак, как вести себя в браке и т. п. В этой информации был аккумулирован огромный исторический опыт поддержания демографического равновесия в мало меняющихся условиях, благодаря чему и обеспечивался общественно необходимый результат. Индивидуальные же результаты в условиях высокой детской и материнской смертности, частого бесплодия и т. п. оказывались весьма различными для разных семей. Религиозным сознанием это должно было истолковываться как еще одно подтверждение тщетности целенаправленных человеческих усилий перед лицом божественного промысла.

Характерной особенностью традиционного общества было отсутствие свободы выбора в сфере демографического поведения. Традиционные нормы, как правило, не признают автономного прокреационного поведения, препятствуют установлению над ним непосредственного контроля, охраняют его слитность, «сцепленность» с матримониальным и половым поведением. Конкретное содержание этих норм могло во многом различаться у различных народов и в разные исторические эпохи, но были и общие черты, настолько существенные, что они позволяют говорить о едином типе управления демографическим поведением на протяжении огромного этапа человеческой истории.

Матримониальное поведение. Со времени возникновения института брака всем традиционным обществам при разных формах брака была свойственна брачность, обладающая многими сходными чертами. Важнейшие из них и в то же время представляющие наибольший интерес для демографа — раннее вступление в брак подавляющего большинства женщин и очень низкая доля женщин, вообще не вступающих в брак. Такой тип брачности сохранился до нашего времени у многих народов, весьма далеких друг от друга в этни-

ческом, культурном или религиозном отношениях. И сейчас в странах с традиционной брачностью уже к 25, а иногда и к 20 годам почти не остается не вступивших в брак женщин, а к 40—45 годам доля их становится совершенно ничтожной [81; 183].

Раннее и почти всеобщее вступление в брак создает возможность для подавляющего большинства женщин давать потомство сразу после достижения возраста плодовитости. Однако оно не гарантирует длительного пребывания в браке, так как в обществах, в которых господствует смертность традиционного типа, очень велика вероятность прекращения брака из-за смерти одного из супругов. Некоторое представление о роли, которую может играть этот фактор, дает статистика Индии. В 1901—1921 гг., когда в смертности населения Индии не намечалось еще принципиальных сдвигов, доля вдов среди женщин в возрасте 30—34 года составляла 22%, в возрасте 35—39 лет — 29%, в возрасте 40—44 года — 43%. Потери «прокреативного времени» в связи с овдовением составляли в это десятилетие в среднем 9,9 года на одну женщину (28,4% средней длительности периода плодовитости), [198, с. 13—14], что, конечно, должно было вести к существенному снижению рождаемости.

Демографическое влияние раннего овдовения во многих культурах в значительной степени нейтрализовалось повторными браками вдов, часто почти обязательными. У различных народов с полигамной формой брака существовал обычай левирата, по которому на вдове должен был жениться брат или другой близкий родственник умершего мужа. В других случаях, наоборот, культурные нормы закрепляли демографический эффект частого овдовения. Индуизм, конфуцианство, а иногда и ислам отрицательно относились к повторным бракам вдов, которые поэтому были очень редкими в таких странах, как Индия или Китай.

Половое поведение. Какими бы ни были нормы матримониального поведения людей в традиционных обществах, они всегда определяют такой важнейший фактор рождаемости, как среднее время пребывания в браке женщины прокреативного возраста. Однако само по себе совершение брачного обряда не ведет автоматически к фактическому браку, равно как отсутствие официальных брачных уз ему не препятст-

вует. В традиционном обществе существует тесная связь между половым поведением женщины и ее брачным состоянием, которая достаточно надежно обеспечивается средствами культурной регламентации.

С одной стороны, культурные нормы осуждают добрачные и внебрачные половые связи девушек и женщин. Нарушение этих норм рассматривается как недопустимое отклонение от общепринятой морали и в классических традиционных обществах сурово карается. Единственным основанием для «законных» отношений полов, особенно когда речь идет о представителях женского пола, служит вступление в брак. Хотя такие нормы могут, разумеется, нарушаться, причем иногда даже в социально санкционированной форме (например, узаконенная проституция), в целом они соблюдаются большинством населения. Автономного полового поведения женщины в докапиталистических обществах никогда не существовало в массовых масштабах. Половое поведение всегда было элементом брачной жизни, т. е. в конечном счете следствием матримониального поведения.

С другой стороны, культурные нормы предписывали неукоснительное выполнение «супружеских обязанностей», причем рождавшиеся в браке дети рассматривались как свидетельство соблюдения этих норм, как источник социального престижа, которого во многом лишались бездетные супруги. Нормативное регулирование полового поведения супругов не ограничивалось только общими установками, а нередко регламентировало его очень детально, поощряя или, наоборот, запрещая физическую близость супругов в зависимости от определенных, часто внешних условий (воздержание во время постов и другие подобные правила) [98, с. 146—148].

Прокреационное поведение. Не отрицая возможности разного рода отклонений от норм, различных исключений из общего правила, особенно в отношении социально привилегированной части населения, можно сказать, что в целом период половой жизни женщины и даже ее интенсивность в огромной степени зависели от принятых в данном обществе культурных норм, регулировавших матримониальное и половое поведение людей. Но влияние этих норм на рождаемость могло быть решающим только в том случае, если од-

новременно не было распространено автономное прокреационное поведение, т. е. такое поведение, которое позволяло бы добиться хотя бы некоторой независимости прокреационной активности от половой, разорвать автоматическую связь между половым поведением и рождаемостью и избежать рождения ребенка как естественного следствия полового акта.

Вероятно, во все времена были известны различные формы такого поведения, которые позволяли воспрепятствовать либо зачатию при совершении полового акта (контрацепция), либо вынашиванию плода до его естественного исхода (искусственный выкидыш, аборт). Уже в племенных обществах широко пользовались самыми различными методами контрацепции от простейших, таких, как прерванное сношение, до разного рода снадобий как внутриматочного, так и перорального применения, хотя в качестве средств демографического регулирования «более распространенные способы — аборт, детоубийство и половые табу — были, конечно, более эффективными» [231, с. 55].

Аборт и контрацепция были известны всем крупным цивилизациям древности, имеются многочисленные данные об их использовании в Египте, Иудее, Индии, Китае, Японии, в Греции и Риме, у арабов-мусульман в средневековой Европе. Но анализируя все имеющиеся данные, касающиеся практики абортов и контрацепции в прошлом, исследователи приходят к выводу, что влияние ее на рождаемость никогда не было значительным. Это относится даже к древним Греции и Риму, где знания о контрацепции действительно достигли, по-видимому, высокого уровня [202, с. 139; 231, с. 98—101].

Судя по всему, хотя аборт и контрацепция были всегда известны, как правило, к ним прибегала систематически лишь очень ограниченная часть населения, социальная верхушка, которая использовала их с достаточной эффективностью. Что же касается народных представлений о контрацепции, то они «до нового времени были в основном связаны с магией. Хотя в литературе по народной медицине отмечаются и более рациональные методы и хотя *coitus interruptus*, вероятно, существует почти столь же давно, как и групповая жизнь людей, по-настоящему эффективные методы оставались редкостью» [231, с. 184].

3.3.3 ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОЖДАЕМОСТЬЮ

Слитность всех форм демографического поведения, управление прокреационным поведением через матриониальное и половое, не оставлявшие человеку свободы выбора в вопросе о рождении детей, реализовывались в семье, освящались авторитетом этого института, вне которого человек традиционного общества, как правило, не мог существовать. «Отношения по детопроизводству», которые поддерживались таким образом, соответствовали тогдашнему состоянию общества, отвечали его жизненным интересам и, будучи закрепленными в его системе ценностей, воспринимались индивидуальным сознанием не как оковы, а как благо, как нечто справедливое, нравственное, правильное и т. д. Но это не значит, что они должны оставаться такими же в наших глазах, когда мы можем взглянуть на эти отношения, уже зная их более высокие исторические формы.

Нет никакой нужды идеализировать старую семью, традиционные нормы демографического поведения, представлять их себе как нечто гармоничное и бесконфликтное. Как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, с момента возникновения общества «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом» [1, с. 31]. Это противоречие существовало всегда, существует и сейчас и в сфере прокреации: нет никакой изначальной, «естественной» связи между уровнем рождаемости, целесообразным с точки зрения функционирования демографической системы как целого, и заинтересованностью в том или ином числе рождений каждого отдельного человека. Напротив, здесь всегда есть конфликт, который разрешается с помощью механизмов социального управления, но разрешается не безболезненно, обычно с немалыми издержками.

Различные формы конфликта между общественными и индивидуальными (семейными) прокреационными интересами в наше время постоянно привлекают внимание, о нем много пишут [27, с. 211 и сл.; 47, с. 184—185], но пишут как о чем-то принципиально новом. Авторы, которые особенно склонны подчерки-

вать существование этого конфликта на современном этапе, не замечают ни самого конфликта, ни варварских форм его преодоления, когда речь идет о прошлом. В литературе всячески подчеркивается всесторонняя заинтересованность человека прошлого в многочисленном потомстве, всеобщее единодушие в отношении к высокой рождаемости. Характерно в этом смысле утверждение В. И. Козлова, согласно которому «дети считались бесценным благом жизни, что приводило, по существу, к неограниченной потребности в них» [99, с. 118].

Исследователи, убежденные в «потоке богатства» от младших поколений к старшим, в «неограниченной потребности в детях» и других подобных факторах как основе традиционной прокреационной мотивации, как правило, не хотят видеть отрицательных сторон высокой рождаемости, объективных оснований для *противоречивого*, а не безоглядно одобрительного отношения семьи прошлого к большому числу рождений и многодетности. Между тем высказывается немало сомнений по поводу того, что многодетность (если ее удавалось достичь, что в условиях высокой смертности было далеко не просто) действительно всегда служила гарантией экономического или социального процветания. Подавляющее большинство населения во все докапиталистические эпохи было земледельческим, сельским. Экономическое и социальное расслоение деревни — явление относительно недавнего времени; на протяжении большей части истории деревня была однородна и одинаково нища. В чем же тогда могли быть выгоды многодетности?

Стоит только попытаться чуть-чуть конкретизировать представления о связи числа детей и экономического и социального положения семьи, и число неясных вопросов стремительно увеличивается. Возьмем, например, западноевропейское средневековье с его высокой рождаемостью у всех слоев населения. В чем были выгоды семьи с большим числом детей для средневековой знати в условиях общепринятого майората — единонаследия старшего сына? А если такие выгоды были, то почему именно знать первой вступила на путь ограничения рождаемости в семьях? Почему могли быть заинтересованы в многодетности городские ремесленники в условиях, когда господствовала жест-

кая всесторонняя цеховая эгалитарная регламентация и нередко ограничивалось даже число членов цеха? Чем, наконец, была «предпочтительна» многодетная крестьянская семья при неделимости наследуемого имущества и надела и неизменных размерах последнего?

Выгоды многодетности во всех этих случаях отнюдь не столь очевидны, чтобы можно было без всяких сомнений признать их объективной основой стремления семьи к высокой рождаемости. «Поток богатства» от детей к родителям, если это выражение вообще применимо к подавляющему большинству семей рабовладельческой или феодальной эпохи, был весьма неустойчивым, ненадежным, прерывистым. Вот что пишет, например, об этом «потоке» в условиях русской сельской действительности XIX в. Б. Н. Миронов: «Если... дети выживали, крестьянской семье приходилось пережить трудный период прежде, чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу. Кроме того, в условиях русской деревни парни до совершеннолетия, а девушки до замужества оставались на иждивении родителей еще и в том смысле, что на них не выделялась земля. И чем больше имелось несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материальное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем, смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным» [122 с. 99]. К этому надо добавить, что многочисленные беременности и роды постоянно отвлекали женщину от крестьянского труда и в то же время подрывали ее здоровье, рано старили ее.

Все это не могло вовсе не осознаваться крестьянской семьей. Ее отношение к высокой рождаемости, судя по всему, не было и не могло быть таким идиллическим, каким оно рисуется многим сегодняшним исследователям. Как отмечал еще Г. Успенский, «существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней — желания, чтобы «баба» в трудную рабочую

пору «страды» была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, — несомненно» [180, с. 103]. Вероятно, существовали представления и о нежелательности очень большого числа рождений. По наблюдениям О. П. Семеново-Тянь-Шанской, первого ребенка в крестьянской семье ждали еще более или менее радостно, третьим же ребенком матери обыкновенно уже начинали тяготиться. «Если баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно, не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: «Ишь ты, плодливая, обклаталась детьми, как зайчиха. Хоть бы подохли, они твои щенки-то, трясет каждый год, опять щенка ошлепетила» и т. д.» [157, с. 7—8].

Видимо, все же высокая рождаемость для семьи никогда не была безусловным экономическим благом, ее влияние на благосостояние семьи, а через него и на ее социальный статус было весьма противоречивым, находившимся к тому же в сильной зависимости от различных внешних событий (урожая или неурожая, войны или мира и т. п.). Здесь всегда была почва для конфликта между прокреационными устремлениями женщины или семьи, с одной стороны, и объективными требованиями демографической системы — с другой, всегда было живо и подспудное стремление избежать тем или иным способом слишком большого числа детей. Это стремление, видимо, нередко выходило наружу — иначе чем могло быть вызвано такое, скажем, поучение Корана: «Не убивайте ваших детей из боязни обеднения. Мы пропитаем их и вас» [104, сура 17, ст. 33]? Если указанный конфликт не разрастался и не приводил к необратимым демографическим кризисам, к вымиранию населения, то лишь потому, что существовала система социального принуждения, в основном неэкономического, которая обеспечивала выполнение необходимых требований, предъявлявшихся к индивидуальному демографическому поведению.

В силу узости области демографической свободы эти требования были жесткими, а их неуклонное выполнение могло обеспечиваться способами, адекватными примитивному состоянию общества на ранних этапах его развития. Общественная демографическая необходимость не сознавалась каждым в отдельности и реализовывалась в условиях несвободы личности. Человек подчинялся отчужденной и противостоящей ему социаль-

ной силе, и подчинение это достигалось путем прямого и грубого насилия над индивидом.

Забитость, бесправие, невежество каждого, а женщины вдвойне и втройне делали слепое следование предписанному образцу единственно возможным способом массового поведения. Механизм действия традиционных культурных норм был неразрывно связан с полным попранием прав отдельной личности, а точнее — с отсутствием представления о существовании таких прав, особенно у женщин. Всякое нарушение норм каралось дикими, варварскими методами, да и сами нормы были зачастую дикими и варварскими, в управлении демографическим поведением был очень силен элемент принуждения, насилия, «внешнего» давления.

Под таким давлением человеком усваивались в процессе социализации ценности и нормы, регулировавшие его поведение, интериоризировались и самим им воспринимались как внутреннее побуждение, как потребность и т. п. Но это были побуждения и потребности, очень сильно связанные с выполнением ролей, которые человек не вправе был выбирать. Когда А. И. Антонов говорит о «потребности в детях» как о социально-психологическом свойстве индивида, проявляющемся в том, что не имеющий или имеющий мало детей индивид испытывает затруднения как личность [27, с. 112], то он должен был бы сделать оговорку, особенно применительно к прошлому, что речь идет о свойстве не индивида вообще, а индивида в конкретной ролевой ситуации. Бездетными супругами их бездетность действительно очень часто воспринималась как бедствие, как свидетельство их неполноценности и т. п. Но для монахини или даже просто незамужней женщины гораздо большие затруднения были связаны как раз с рождением ребенка. Положение матери незаконнорожденных детей часто было крайне незавидным даже в обществах, отличавшихся своими наталистскими установками. Важно, однако, отметить, что в традиционном обществе те или иные роли не избирались человеком добровольно. Это были социальные маски, напяленные на него насильно, и если такое положение могло сохраняться столетиями и тысячелетиями, то только потому, что за этим стояла объективная общественная необходимость и никакой другой

способ реализации этой необходимости не был возможен.

Самые сильные позитивные стимулы к материнству вытекали из той системы отношений, которая господствовала в традиционной семье. Стимулы эти были если и не одинаковыми, то в основных чертах сходными в большинстве обществ. Доступные женщине общественные роли были нередко ограничены до чрезвычайности, ее социальный горизонт сужен настолько, что материнские функции подчас становились единственными, которые она могла выполнять, и если почему-либо их выполнение было невозможно, женщина оказывалась за бортом общества.

Чем принижнее было положение женщины в социальной структуре, тем большую цену обретало материнство, тем в большей степени дети служили оправданием самого существования женщины, ее единственной защитой, надеждой на будущее — надеждой, которая, впрочем, часто не сбывалась. И сейчас еще описанный механизм побуждения к материнству далеко не везде стал достоянием истории. Вот, например, как современный исследователь объясняет причины стремления к многодетности на арабском Востоке. В традиционном арабо-мусульманском мире, пишет он, женщина — лишь тень мужчины. За ней признаются только две роли: предмета наслаждения и производительницы. «В первом случае, как и во втором, мы имеем дело с женщиной-вещью» [206, с. 489]. Роль жены сводится к тому, чтобы давать мужу наслаждение, на которое сама она не вправе претендовать. Это обезценивает супружеские отношения, и единственное, что остается женщине, — это материнство. Отсюда — культ материнства, одержимость детьми. «Рожать детей, снова детей, еще детей... Ни одна традиционная арабская женщина не мечтает ни о чем другом» [206, с. 494]. «Если все мусульманские матери одержимые, объяснение надо искать лишь в такой системе, которая доходит до отрицания их самых элементарных прав» [206, с. 491].

В наше время традиционные демографические отношения перестают быть необходимыми и, к счастью, уходят в прошлое. Но на протяжении тысячелетий они не могли быть другими, без них нельзя было обеспечить выживание человечества. Жесткое социальное

давление на прокреационное поведение людей было необходимым, вынужденным ответом на не менее жесткое давление смерти, против которой люди оставались бессильными.

Табл. 17 дает представление об уровне рождаемости традиционного типа, для поддержания которого и нужны были описанные выше методы социального управления. Показатели таблицы позволяют предположить, что число детей, рождаемых в среднем одной женщиной, дожившей до конца периода плодovitости, в традиционных условиях колеблется в пределах от 4,5 до 7,5. Если же учесть, что данные таблицы относятся в основном к нынешнему столетию, когда традиционные условия жизни уже нигде не оставались совершенно нетронутыми, вследствие чего могло произойти некоторое повышение реальной плодovitости, можно принять, что у различных народов в различные исторические эпохи традиционному типу рождаемости соответствует примерно от 4 до 6 рождений в среднем на одну женщину, дожившую до конца периода плодovitости.

Таблица 17. Коэффициенты суммарной рождаемости, характерные для ее традиционного типа [58, с. 128—129]

Страна	Период	Коэффициент суммарной рождаемости	Страна	Период	Коэффициент суммарной рождаемости
Европейская Россия	1896—1897	7,06	Конго	1960—1961	5,09
в том числе Украина	1896—1897	7,50	Кувейт	1965	6,88
Алжир	1954	6,29	Марокко	1962	6,91
Болгария	1901—1905	6,57	Нигер	1960	7,20
Бенин	1961	6,86	Сенегал	1961	5,37
Верхняя Вольта	1960—1961	5,92	Сингапур	1957	6,56
Габон	1960—1961	4,15	Тунис	1965	6,99
Гвинея	1954—1955	6,98	Центрально-африканская Республика	1959—1960	4,62
Египет	1947	5,68	Чад	1963—1964	4,74
Камерун	1964—1965	5,42	Южно-Африканская Республика (цветное население)	1961	6,41

3.4. РОЖДАЕМОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ТИПА

3.4.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СВОБОДА И РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР

При сравнении современной рождаемости с традиционной в поле зрения прежде всего попадают количественные различия: уровень традиционной рождаемости высок, современной — низок. Понятно, однако, что, коль скоро эти различия не случайность, они должны иметь соответствующую качественную основу, обнаруживаться в характере прокреационного поведения, механизмах управления им, в конечном счете — в самих демографических отношениях.

Качественные различия в определенном смысле важнее количественных. Обобщая все изменения, связанные с переходом от традиционного к современному типу рождаемости, можно сказать: для разграничения обоих типов наибольшее значение имеет не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) сознательно принятого решения. Решение это не предопределяется нормативно, как прежде, а есть следствие ценностно ориентированного рационального выбора демографических целей и средств их достижения. Оно складывается в поисковом процессе, в непрерывном сопоставлении демографических целей и ценностей с другими социальными целями и ценностями, равно как и с биологическими, экономическими, нравственными и прочими возможностями. Рациональность проявляется в постоянном присутствии элементов расчета, прогнозирования, оценивания ситуации с учетом уже достигнутых целей, меняющихся возможностей и т. п., в стремлении активно воздействовать на процесс достижения целей, сделать его более эффективным и благодаря этому повысить степень реализации целей.

Возможность такого поведения в сфере прокреации возникла в результате расширения области демографической свободы, появления большого числа прокреационных исходов, между которыми можно выбирать. Однако даже и в области демографической свободы этот выбор не может быть совершенно произвольным из-за существования недемографических ограничений.

Демографическая сфера не изолирована от всех других сфер социальной жизни, и было бы наивно думать, что приносимый снижением смертности выигрыш весь остается внутри этой сферы и что он выражается просто-напросто в увеличении числа рождаемых и выживающих детей.

Истинное значение перемен, объединяемых понятием «демографическая революция», заключается как раз в обратном, в том, что их плоды — расширение демографической свободы — пожинаются во всех других сферах жизни общества, ибо социальная энергия, тысячелетиями скованная рабством непрерывного деторождения, не только высвобождается, но становится универсально применимой.

Мы видели, каким бременем для женщины, для семьи, для всего общества была необходимость непрерывного производства детей, как много сил оно отнимало, какого насилия над человеком требовало, какие оковы накладывало на всю социальную структуру, жестко зависевшую от этой неустранимой необходимости. Ее отпадение открывает огромные новые социальные возможности.

Все то, что освобождается от давления демографической необходимости, не становится областью свободы вообще, а, как уже отмечалось, попадает под давление социально-экономической необходимости, связанной с расширением человеческих потребностей. И именно это новое давление оказывает управляющее воздействие на разнообразие прокреационных исходов в зоне демографической свободы, снижая вероятность большинства из них почти до нуля.

В отличие от прежнего, внешнего для индивида давления, требующего подчинения норме, но не обязательно понимания ее скрытого смысла, новое давление на прокреационное поведение идет «изнутри», это — давление собственных потребностей человека, и потому стоящая за ним необходимость не может не осознаваться каждым с тем большей настоятельностью, чем более развиты эти потребности. Именно бесконечное разнообразие потребностей, интересов, сфер приложения сил современного человека, всегда располагающего лишь конечными ресурсами и возможностями, противостоит потенциальному разнообразию прокреационных исходов и «уничтожает» его (в том смысле, в каком об этом писал У. Эшби:

«Только разнообразие может уничтожить разнообразие» [194, с. 294]).

Чтобы такой механизм ограничения разнообразия прокреационных исходов стал реальностью, одного только расширения области демографической свободы недостаточно. Нужны глубокие социальные перемены. Прежде всего исторический процесс должен подвести к созданию такого разнообразия недемографических потребностей и такой доступности их удовлетворения, какие невозможны в традиционном обществе и появляются впервые лишь при капитализме. Пока нет никаких недемографических альтернатив различным возможным воспроизводственным исходам, нет никаких оснований для предпочтения одних исходов другим.

Но и это еще не все. Рост одних только недемографических потребностей позволяет ограничить разнообразие воспроизводственных исходов внутри области демографической свободы, однако способен подорвать заинтересованность родителей в рождении детей, заставить их «экономить» на детях во имя удовлетворения различных материальных, интеллектуальных и прочих потребностей и привести к снижению рождаемости ниже объективно необходимого уровня.

Чтобы этого не произошло, развитие потребностей должно быть лишено недемографической односторонности. Наряду с потребностями в различных материальных благах, образовании, досуге и т. п. должна получить развитие и специфическая прокреационная потребность, которая вовсе не существовала прежде или существовала в неразвитом виде. Эта потребность должна приобрести мотивационную силу, достаточную для того, чтобы сделать прокреационное поведение человека — в той мере, в какой оно диктуется сохраняющейся демографической необходимостью, — гомеостатичным, устойчивым, слабо зависящим от конкуренции других потребностей. Одновременно должен сформироваться человек, способный хорошо ориентироваться во всем многообразии своих потребностей и способов их удовлетворения, сравнивать, оценивать, рассчитывать, предвидеть последствия принимаемых им решений. Само множество потребностей должно быть определенным образом упорядочено, отношение человека к ним — социально ориентировано.

Обе названные цели — и достаточная разносторонность потребностей, и умение человека ориентироваться

в их многообразии — достигаются благодаря формированию на уровне общества как целого системы «терминальных», не обладающих свойством взаимозаменяемости ценностей, отражающих функциональную незаметность отдельных подсистем общества. Как это нередко бывает с очень общими понятиями, весьма трудно дать четкую дефиницию ценностей, но ясно, что они отражают оценку людьми окружающего мира, без чего невозможно ориентироваться в его многообразии [125, с. 31; 192, с. 52]. Ценности — «коллективный продукт, подчас формирующийся в долях процессах» [192, с. 53], отдельный человек получает свою систему ценностей, их иерархию в готовом виде от социальной среды, в которой он живет, но усвоив, воспринимает как нечто внутреннее. Рациональный выбор, как правило, не распространяется на ценности, а подчинен им, они выступают в качестве критерия правильности принятия решений. Скажем, если в иерархии ценностей человека общественное благо стоит выше личного, то рациональный выбор линии поведения приведет его к одним поступкам, если же приоритет принадлежит личному благу, то и набор рационально выбранных поступков при прочих равных условиях будет совершенно иным. Выбрать же рационально саму систему ценностей невозможно.

«Терминальные ценности» — особый вид ценностей, те из них, что «становятся самоценными, функционально незаменимыми, представляют собой объекты, которые важны сами по себе, а не потому, что удовлетворяют какую-то потребность... По отношению к ним можно говорить о потере или приобретении, но нельзя — о «замене», можно говорить об одновременном существовании, но не об иерархии» [125, с. 30]. Терминальные ценности важны, потому что они ограничивают сферу рационального выбора и стоят на страже интересов объективной социальной необходимости. В частности, рациональное прокреационное поведение, делающее возможным сознательный отказ от детей той или иной очередности рождения во имя достижения каких-то других целей, если оно не выводит воспроизводственные исходы за пределы области демографической свободы, вполне допустимо. Если бы существовала только область *свободы*, дети могли бы и не иметь абсолютной, терминальной ценности. Кто хотел, имел бы детей как средство для удовлетворения каких-то других своих потребностей, кто

не хотел — не имел бы. Но так как всегда сохраняется и демографическая *необходимость*, то в условиях, когда все поведение человека основано на рациональном выборе, само многообразие потребностей, в котором материализуется необходимость созданной природой и человеческой историей мира, должно включать и незамеченные, терминальные демографические потребности. Они и вырабатываются под влиянием терминальных демографических ценностей, порождаемых функционированием демографической подсистемы общества и необходимыми демографическими отношениями.

Разумеется, терминальные демографические ценности не появляются впервые в наше время, они существуют всегда, так как всегда существуют демографические отношения. Но система ценностей — такой же продукт истории, как и все в обществе. В ее развитии находит отражение прогрессирующее усложнение социальной жизни и социальных отношений, она и сама все время усложняется, дифференцируется, обогащается. Пока демографическая сторона жизнедеятельности человека и соответствующие социальные отношения были тесно слиты с другими сторонами и отношениями, и демографические ценности существовали в «свернутом», неразвитом виде, не могли проявиться в специфических индивидуальных потребностях. Когда же началось обособление и внутреннее расчленение демографического поведения и демографических отношений, стало возможным и относительное обособление демографических ценностей и их одновременное развитие и внутреннее обогащение, благодаря чему они приобрели непосредственную мотивационную силу и отразились в общественном и индивидуальном сознании как потребность в рождении детей.

3.4.2 ДЕТОЦЕНТРИЗМ И МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ПРОКРЕАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Становление новых демографических ценностей неразрывно связано с возникновением нового типа человеческой личности, с глубокой трансформацией семьи, отражавшей огромные исторические сдвиги в строении всего социального организма и в структуре индивидуального человеческого микрокосма.

Интересующие нас изменения заняли не одно столетие.

тие, и даже сегодня далеко не везде реализованы те возможности, которые впервые забрезжили еще на исходе европейского средневековья. Буржуазное общество так никогда и не смогло использовать их в полной мере. Тем не менее важно отдавать себе отчет в этих возможностях, ибо, возникнув в достаточно отдаленное от нас время, они не утратили своего значения и по сей день. В частности, резко возросшая дифференциация человеческой деятельности (неизвестные ранее масштабы разделения труда, временное и пространственное обособление социальных функций человека, сфер его общественного бытия), индивидуализация личности привели к обособлению и расцвету сферы интимного, которая если и существовала прежде, то лишь в зачаточных формах [102, с. 183—224]. Чувство собственного достоинства пришло на смену гордости от принадлежности к определенной сословной группе, эмоциональная привязанность к близким людям сменила прежнюю слепую верность клану, эротизм прошлого уступил место современной половой любви и т. п.

Сегодняшний человек, как никогда прежде, множеством уз связан с обществом, со всем человечеством, и в то же время он немислим без насыщенной огромным этическим и эмоциональным содержанием области интимного, в которой концентрируются глубинные, наиболее индивидуальные черты его Я. В этом одна из форм развития противоречия индивидуального и социального, которое, конечно, не устраняется развитием общества и человека, а, наоборот, сохраняется как необходимая предпосылка этого развития.

Конституирование и обособление сферы интимного требуют и ее временно-пространственной локализации. Интимная, частная жизнь человека в большей степени концентрируется и замыкается в семье, которая постепенно утрачивает значение полифункционального и все больше приобретает черты специализированного института, в рамках которого и реализуются интимные стороны человеческого Я. Велико искушение сказать, что только теперь семья начинает выполнять свои «естественные», «органически присущие ей» функции. Но следует ли смотреть на семью вообще сквозь призму новой, сегодняшней семьи? Для семьи прошлого гораздо более естественными были хозяйственные функции или функции поддержания социального порядка.

Теперь же семейное все больше ассоциируется с сугубо индивидуальным, глубоко личным в жизни человека. причем такое понимание семейного становится частью развитого гражданского самосознания и служит общепризнанной основой поведения человека в семейной сфере.

Известно, скажем, что начиная примерно с эпохи Возрождения происходили глубокие изменения в отношениях между мужчиной и женщиной, в результате чего эротизм древних, обогащенный новым социальным содержанием, трансформировался в современную половую любовь. Достаточно, вероятно, одного упоминания об истории европейской культуры нового времени, чтобы читатель представил себе хотя бы в самых общих чертах, какое место на протяжении столетий занимало осмысление и отстаивание социальной значимости любовного чувства в общем процессе становления нового человеческого и гражданского самосознания.

Теперь любовное чувство гораздо теснее, чем прежде, связывается с собственным Я. Одержимые страстью боги Олимпа могли на зависть смертным утолить свою страсть, приняв чужой облик. Но для современного человека удовлетворенная любовь — это признание его собственной личности, его неповторимой индивидуальности. Ныне любовь рассматривается (но, к сожалению, пока еще не во всем мире) как почти единственная основа всякого нравственного брака. Учет при принятии матримониальных решений разного рода внешних факторов (материальных соображений, влияния третьих лиц и т. п.) воспринимается сегодня чуть ли не как измена собственному Я, тогда как еще совсем недавно таким внешним факторам принадлежала решающая роль и это считалось совершенно естественным.

Гораздо менее известно, что и современная родительская любовь выросла на древе человеческой культуры и цивилизации совсем недавно. Это не значит, конечно, что человеку прошлого были чужды какие-либо чувства к детям, что античный грек или средневековый европеец не испытывал привязанности к своему ребенку, не оплакивал его смерти и т. п. Но эмоциональная сторона отношений родителей к детям не была развита. Тяжелые условия жизни, неспособность улучшить судьбу своих детей, подавленность личности и ее растворенность в группе, жестокость нравов — все это не позволяло воз-

никнуть глубокой эмоциональной связи между родителями и детьми, достаточно четко выделить ее среди других общественных связей, осознать как нечто внутреннее, как самоценный элемент индивидуальной человеческой судьбы. Дети были жертвой родительского деспотизма в значительно большей степени, чем объектом родительской любви, но так как и сами родители были несвободны, то даже и власть над собственными детьми не могла восприниматься ими как что-то личное. «Дети больше принадлежат государству, чем своим родителям», — писал Платон [141, с. 284].

Положение ребенка в античной, средневековой, вообще в традиционной семье рабское. Даже если оставить в стороне такие крайности, как детоубийство, отказ от детей, продажу их в рабство и т. п., и говорить только о детях, растущих в семье, то нельзя не видеть, что забота о них была сведена к минимуму, а отношения между родителями и детьми, если смотреть на них глазами современного человека, были дикими. Вот, например, как описывает историк эти отношения в домостроевской семье XVI—XVII вв.: «Между родителями и детьми господствовал дух рабства, прикрытый ложною святостью патриархальных отношений... Покорность детей была более рабская, чем детская, и власть родителей над ними переходила в слепой деспотизм без нравственной силы. Чем благочестивее был родитель, чем более проникнут был учением православия, тем суровее обращался с детьми, ибо церковные понятия предписывали ему быть как можно строже... Слова почитались недостаточными, как бы они убедительны ни были... Домострой запрещает даже смеяться и играть с ребенком» [105, с. 155].

Лишь последние столетия принесли изменения роли детей в семье и отношения к ним родителей. По словам Ф. Ариеса, к концу XVIII в. о детях, как о третьем сословии, можно было сказать словами аббата Сийеса: чем они были вчера? ничем; чем они станут завтра? всем [199, с. 322].

Казалось бы, наступление эры капитализма не давало оснований для такого прогноза. Родительский деспотизм, право родителей безраздельно распоряжаться жизнью и судьбой своих детей как нельзя лучше соответствовали духу буржуазного общества, царящему в нем меркантильному расчету, тому превращению детей в «простые предметы торговли и рабочие инструменты»

[2, с. 444], которое несла с собой крупная промышленность. Но, как писал Ф. Энгельс по поводу утверждения в обществе новой нравственной основы брака, «ирония мировой истории неисчерпаема — именно капиталистическому производству суждено было пробить здесь решающую брешь» [14, с. 81—82]. Эти слова, сказанные в другой связи, полностью применимы и к становлению новых нравственных норм в отношениях родителей и детей.

Новая этика и новый эмоциональный строй отношений родителей и детей были одним из итогов многообразных процессов, преобразовывавших европейское общество по мере того, как оно все дальше уходило от средневековья. В этом итоге отразились новые экономические и социальные условия жизни людей, сложно переплелись гуманистические идеалы Возрождения и буржуазные принципы наследования имущества, возросшая роль образования и достижения медицины, позволившие вести успешную борьбу за жизнь детей, секуляризация и рационализация мышления. Разрушив все формы личной зависимости, капитализм не мог остановиться перед «невыносимым притязанием старшего поколения распоряжаться телом, душой, имуществом, счастьем и несчастьем младшего» [14, с. 83].

И действительно, история отвергла это притязание, подорвав тем самым один из главных устоев старой семьи и сделав необходимой какую-то новую основу взаимоотношений родителей и детей. Развитие западноевропейской семьи было важным шагом на пути к созданию такой основы, хотя необходимо со всей определенностью подчеркнуть историческую ограниченность этого шага в условиях буржуазного общества.

Обычно, когда современную семью сопоставляют с семьей прошлого, обращают внимание на отпадение у нее важнейших хозяйственных функций, противопоставляют демократический, эгалитарный характер современной городской нуклеарной семьи авторитарности, патриархальности традиционной, сложной семьи. Что же касается принципиально нового отношения к детям, то оно очень часто ускользает от внимания исследователей. Между тем оно играет огромную роль в переживаемых семьей исторических изменениях, современную семью со всеми основаниями можно назвать «детоцентрической», причем ее детоцентризм — явление новое,

практически неизвестное семье прошлых эпох. «В центре старой семьи, — пишет Ф. Ариес, — находился авторитет отца и управление домом (*gestion domaniale*). Жизнь современной семьи строится в зависимости от ребенка и его будущего» [199, с. 331]. В то время как внешние скрепы, на которых держалась семья прошлого, — будь то экономическая необходимость, требование закона или религии, — ослабевают и отпадают, дети все больше приобретают значение объединяющего стержня семьи, внутреннего смысла ее существования, связанного с глубинными, интимными структурами личности современного человека.

В прошлом на детей могли смотреть как на полезный элемент в домашнем хозяйстве, как на средство, они были объектом внутрисемейной эксплуатации, «поток богатства» и в самом деле нередко был направлен от детей к родителям (хотя это и не было, по нашему мнению, ведущим мотивационным фактором прокреации). Если бы такое отношение к детям сохранилось до наших дней, то в современных условиях оно могло бы приобрести существенное мотивационное значение. Тогда и впрямь надо было бы, как советуют некоторые демографы, заботиться об укреплении экономических побуждений к деторождению, т. е. об увеличении экономической, материальной полезности детей. Но как раз теперь — и в этом можно согласиться с Дж. Колдуэллом — «поток богатств» повернул на 180 градусов, устремился от родителей к детям. Взгляд на детей как на средство достижения родительских целей становится теперь все менее возможным, их утилитарная полезность для родителей — все более безразличным обстоятельством, их ценность все лучше осознается как терминальная.

Прежде от детей требовалось беспрекословное подчинение родительской воле и максимальное участие в родительских делах. Старая семья, по существу, не знает долга родителей по отношению к детям, напротив, дети — вечные должники родителей. Им они обязаны самым дорогим, что у них есть, — своей жизнью. Ж. — Л. Фландрэн цитирует сочинение одного португальского теолога начала XVII в., который пишет, что если кто-нибудь видит отца и сына в одинаковой беде, он должен прийти на помощь отцу, ибо он получил от своих родителей большее благо (жизнь), чем от своих детей [224, с. 135]. В России подобные взгляды господ-

ствовали еще в начале нашего столетия: «В крестьянском мировоззрении, — отмечал один из авторов, — отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде. Пятая заповедь особенно любимая. «Непочетники» — самая обидная кличка для детей» [62, с. 17].

Традиционный идеал отношения детей к родителям воплощен в образе шекспировской Корделии, которая говорит Лиру: «Я люблю вас, как долг велит, — не больше и не меньше... Вы дали жизнь мне, вы меня питали, меня любили; я за все, как должно, вам повинуюсь, вас люблю и чту». Сама же история короля Лира выросла из нравоучительной пьесы о непочтительных детях в трагедию общечеловеческого звучания, потому что осветила одну из глубоких трещин, возникших под напором новых сил и уже на рубеже средневековья и Нового времени начавших раскалывать здание казавшегося незыблемым семейного и общественного порядка. Это не рассказ о династической расправе, столь обычной в истории любого государства, а анализ нравственного конфликта, неизбежно возникавшего в каждой семье, оказавшейся на переломе эпохи.

XVII—XVIII столетия в Западной Европе были периодом развития и разрешения этого конфликта — по крайней мере, в буржуазной среде. Старые отношения в семье, ценности и культурные нормы, регулировавшие эти отношения, уступили место новым. Центральная роль главы семьи, его непререкаемый авторитет ушли в прошлое, зато небывалую ценность и в глазах родителей, и в глазах общества получили дети. Два века спустя после короля Лира появляется новый социальный тип отца, который сам отдает детям то, чего Лир лишился из-за коварства своих неблагодарных дочерей. Теперь фигура отца Горио вырастает в символ нового отношения к детям, беспредельной родительской самоотверженности, становящейся нормой поведения.

В результате развития детоцентристской ориентации семьи и общества мотивированное интересами детей поведение получает всеобщее признание, становится частью этического кодекса. Теперь на первый план выступает ответственность родителей за судьбу детей — за их жизнь, здоровье, образование, будущность. Основа отношений к детям в традиционной семье не столько

эмоциональная, сколько функциональная, даже в маленьких детях видят не то, что они есть, а то, чем они станут, когда вырастут. Само детство рассматривается не как самоценный этап человеческой жизни, а как период, который надо поскорее «проскочить».

Теперь же меняется весь эмоциональный строй отношения родителей к детям. И историки, и этнографы часто обращают внимание на то, что высокая рождаемость (нередко весьма поощряемая культурными нормами) обычно сопровождается полным небрежением детьми, уже родившимися: они растут, как трава, предоставлены самим себе, детская смертность очень высока [122, с. 98—99]. Современное же отношение к детям предполагает многолетнюю неусыпную заботу родителей о каждом ребенке с момента его появления на свет. Любовь и привязанность к детям существовали, конечно, и прежде, но они во многом отличались от того, что можно наблюдать сегодня. В традиционном обществе обычно считается совершенно нормальным неодинаковое отношение к сыновьям и дочерям, нередко ничего безнравственного не видели в отказе родителей от физически или умственно неполноценных детей (Аристотель писал: «Пусть в силе будет тот закон, что ни одного калеку-ребенка кормить не следует» [29, с. 346]). Новая же семейная мораль требует любить детей вообще, в равной степени мальчиков и девочек, здоровых и больных.

Вообще дело не просто в любви к детям, а в ее социальной признанности, в социальной санкционированности ее как одного из главных мотивов поведения. При старом отношении к детям и детству родительские чувства не воспринимались как особая добродетель, их проявление зачастую считалось неприемлемым. Вот яркий пример. «В истории Спарты есть характерная деталь, приводившая в восхищение Плутарха и Руссо. Спарта потерпела поражение при Левктрах, и многие ее граждане погибли. После получения этой новости родители погибших должны были появляться на людях с выражением радости на лице. Матери, которые знали, что их сыновья избежали гибели и должны скоро вернуться, выражали скорбь и плакали. Те же, которые знали, что больше не увидят своих сыновей, выражали радость и в храмах возносили благодарность богам» [182, с. 250]. Теперь подобное поведение становится

этически неприемлемым. «Социальное возвышение» детей служит толчком к развитию родительской любви, родительского долга, к их романтизации; поведение, мотивированное привязанностью к детям, получает всеобщее признание, становится частью морального кодекса.

Эта же ориентация на детей приобретает огромное значение и в семейной жизни. Эмоциональная сфера супружества и родительства, которой прежде отводилось третьестепенное, подчиненное место, теперь выдвигается на первый план, получает самостоятельную ценность, достаточную для того, чтобы на ней зиждилась новая семья. Социальные роли счастливых супругов и родителей все больше оттесняют некогда гораздо более важные роли, вытекающие из разделения труда внутри семейного хозяйства или из социального положения в общине, рассматриваются как продолжение собственного Я человека, с ними связывается нравственно одобряемая оценка его жизненных успехов.

Обусловленное всем историческим развитием формирование и укрепление специфических социальных ценностей, семейных и общественных идеалов, всего того, что можно назвать детоцентристской ориентацией, меняя многое в жизни семьи, не могли, разумеется, оставаться без последствий и для ее прокреационных устремлений. Социальное признание и возвышение родительских чувств создали новую мотивационную основу деторождения, привели к огромному повышению ценности детей в глазах каждого человека, к стремлению их иметь, к осознанию прокреационной цели, как внутренней, глубокой, интимной и в то же время как незаменимой, терминальной. Теперь прокреационное поведение оказывается подчиненным этой цели.

Было бы неверно представлять себе прокреационную цель как нечто количественно конкретное, скажем, как число детей, которое должно родиться во всем населении или в среднем у одной женщины, вообще как какую бы то ни было определенную величину. Цель здесь — это просто «удобная характеристика поведения сложных систем, которая определенным образом упорядочивает множество состояний (или линий поведения) системы, так что одни состояния (линии поведения) более соответствуют цели, чем другие» [120, с. 622]. Несмотря на кажущуюся абстрактность и условность тако-

го определения, ему вполне соответствуют основные цели, которыми руководствуются люди в своем поведении, такие, например, как общественное благо, материальный достаток, власть, слава, престиж в глазах окружающих и т. д.

Детоцентристская ориентация как атрибут новых демографических отношений предопределяет в целом положительное отношение к рождению ребенка любой очередности. Множество прокреационных исходов оказывается упорядоченным таким образом, что исходы, соответствующие большему числу рождений, в общественном сознании выглядят лучшими, чем те, что соответствуют меньшему числу рождений. В этом и проявляется наличие социально детерминированной прокреационной цели. Однако в условиях широкой свободы выбора эта цель, как и всякая другая, может реализоваться лишь частично, с учетом многочисленных ограничений, накладываемых как существованием других социальных целей, так и ограниченностью материальных, духовных и прочих ресурсов, используемых при достижении каждой из них.

Хотя у родителей может постоянно поддерживаться ценностно мотивированная готовность к рождению очередного ребенка, реализация этой установки в поведении представляет собой результат оптимизационного процесса, в ходе которого цели, формирующиеся внутри демографической системы, увязываются с целями и возможностями всего социального целого. Поэтому в конечном счете рождаемость поддерживается на уровне, близком к минимально необходимому, а у родителей часто остается убеждение, что при более благоприятных внешних условиях они имели бы больше детей.

3.5. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БУДУЩЕЕ РОЖДАЕМОСТИ

3.5.1. ОТ ТРАДИЦИОННОГО К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ РОЖДАЕМОСТИ

Наряду с переворотом в смертности переворот в рождаемости — важнейшая составная часть современной демографической революции. Этот переворот подробно описан [58], напомним лишь его основные этапы.

Впервые современный тип рождаемости стал складываться в Западной Европе, вступившей на путь капиталистического развития. Традиционные демографические отношения здесь были частью всех общественных отношений феодализма, с ним вместе они и уходили с исторической арены.

Первоначально во многих западноевропейских странах развивались и в известном смысле соревновались между собой два нетрадиционных механизма управления рождаемостью. Оба они вели к ее снижению, но разными путями. В одном случае объектом непосредственного воздействия была брачность, снижение рождаемости было следствием нового, нетрадиционного матримониального поведения людей. В другом случае к тому же результату вело новое, нетрадиционное прокреационное поведение. История решила этот спор не в пользу первого пути, но на определенном этапе он сыграл свою роль, и становление современного типа рождаемости началось именно с него.

В средневековой Европе преобладало традиционное матримониальное поведение. Браки были очень ранними [175, с. 104; 183, с. 45], а доля женщин, вообще остающихся вне брака, крайне низкой. Лишь примерно с середины второго тысячелетия стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом «европейским» [183, с. 14]. В XVIII в. мы находим «европейский» тип брачности, для которого характерны поздние браки, растянутый во времени процесс вступления в брак каждого поколения и высокая доля женщин, остающихся вне брака, уже вполне сформировавшимся.

Воздействие на рождаемость путем отсрочки вступления в брак или даже полного воздержания от брака могло распространяться постепенно, не вступая в открытое противоречие с духом христианской традиции, которая поощряла монашеское безбрачие и вообще считала умерщвление плоти богоугодным делом. Вступление в брак всегда в гораздо большей степени признавалось делом более человеческим, нежели создание новой жизни, рассматривавшееся как сфера компетенции бога.

Не случайно Т. Р. Мальтус, призывавший к ограничению рождаемости путем откладывания браков, обосновывая этот путь (по которому и без того следовало

тогдашнее население Западной Европы), ссылаясь на священное писание [117, с. 91].

«Европейский» тип брачности вел к тому, что период плодovitости женщины использовался далеко не полностью. Женщина в среднем проводила в замужестве чуть больше половины того периода своей жизни, когда было возможно рождение детей, что, естественно, вело к уменьшению числа рождений. Поэтому на определенном этапе регулирование рождаемости через брачность в Западной Европе оказалось эффективным. Уже в XVIII в. рождаемость здесь была относительно низкой. Так, общий коэффициент рождаемости в 1796—1800 гг. составлял во Франции 34,8‰, в Швеции — 32,8, в Дании — 29,9, в Норвегии — 32,3, в Финляндии — 39,2‰, тогда как в Европейской России даже сто лет спустя (в 1896—1900 гг.) он равнялся 49,5‰. Главная причина этих различий — «европейская» брачность, которой не было в России.

XIX в. был в целом веком господства «европейской» брачности во всех странах Западной Европы и в заокеанских странах, заселенных европейцами, хотя уже в этом веке зародилась новая тенденция — к снижению возраста вступления в первый брак и сокращению безбрачия. Начиная со второй половины XIX в. в результате развития этой новой тенденции, а также в результате снижения смертности начался рост среднего числа лет, прожитых женщиной в замужестве. Уровень же рождаемости при этом не только не повысился, как можно было ожидать, а, напротив, обнаружил усиливающуюся тенденцию к снижению. Это новое для того времени явление могло иметь только одно объяснение: изменение прокреационного поведения в браке.

Признаки такого изменения в Европе можно было заметить и прежде, хотя, вероятно, все же не ранее XVII в. Именно тогда начало распространяться внутрисемейное регулирование рождаемости. Сначала оно затронуло лишь социальную верхушку европейского населения, но и у нее снижение рождаемости явственно обозначилось лишь в конце XVII — начале XVIII вв. [203, с. 5]. По крайней мере с середины XVIII в. внутрисемейное регулирование рождаемости начало захватывать все более широкие слои населения, в частности крестьянского, однако сначала только во Франции [229, с. 1001; 230, с. 916]. «Природу обманывают, и это

дошло до деревни», — восклицал французский автор Моо в 1778 г. [238, с. 102]. Тогда же выявились различия в оценке нового явления общественным мнением. Ж.-Ж. Руссо писал о нем как о проявлении падения нравов жительниц больших городов [152, с. 552]. Два года спустя Вольтер выразил иное отношение к ограничению рождаемости в браке: «Если мы не смогли еще обеспечить... счастье людям, к чему так стремиться к увеличению их числа? Не для того ли, чтобы создавать новых несчастных? Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа» [253, с. 102].

Франция, как страна массовой практики внутрисемейного регулирования рождаемости, особенно быстро распространившейся после победы буржуазной революции, долгое время оставалась единственным исключением в Западной Европе и резко выделялась среди других стран низким и все время снижавшимся уровнем брачной рождаемости. Все же остальные страны почти до самого конца прошлого столетия по показателям брачной рождаемости мало отличались одна от другой и не обнаруживали никакой тенденции к их снижению. Эта тенденция наметилась лишь в последние два-три десятилетия XIX в., причем большинству западноевропейских стран понадобилось не более 4—5 десятилетий, чтобы догнать Францию, опередившую их не менее чем на сто лет (табл. 18).

Таблица 18. Брачная рождаемость в странах Западной Европы в конце XIX — начале XX в. (На 1000 замужних женщин в возрасте 15—49 лет) [155, с. 80—81]

Страна	Число родившихся		Страна	Число родившихся	
	1876—1885	1926—1935		1876—1885	1926—1935
Австрия	246	87	Италия	248	169
Англия и Уэльс	250	98*	Нидерланды	293	160
Бельгия	264	103	Норвегия	262	134
Германия	268	100	Финляндия	259	161
Дания	244	120	Франция	167	98
Ирландия	244**	211	Швеция	240	105

* 1931—1935 гг.

** 1906—1915 гг.

Впоследствии падение брачной рождаемости в основном прекратилось, продолжалось лишь дальнейшее нивелирование ее во всех странах Западной Европы за счет снижения в тех из них, где в начале века оно шло более медленно. Только Ирландия долгое время продолжала оставаться исключением: здесь брачная рождаемость почти не снижалась.

Аналогичные изменения происходили в восточноевропейских государствах (Болгарии, Венгрии, Чехословакии и других) до установления в них социалистического строя и за океаном — в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Позднее других развитых капиталистических государств на путь снижения брачной рождаемости встала Япония. Это объясняется гораздо более поздним началом здесь капиталистических преобразований (с конца 60-х годов прошлого века) и длительным сохранением многочисленных пережитков феодализма в жизни японского общества. Лишь в конце 40-х — начале 50-х годов XX в. наступил резкий перелом, и брачная рождаемость стала быстро снижаться.

Снижение брачной рождаемости в условиях, когда время, прожитое женщиной в браке, имеет тенденцию к увеличению, указывает на огромные перемены в характере массового прокреационного поведения. Оно обособляется от полового и матримониального поведения, становится автономным, превращается в объект непосредственного социально-культурного контроля. Человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей, свое поведение в этой области он соотносит не с унаследованным от прошлого неизменным образцом, а со своими жизненными обстоятельствами.

В этом и заключается революционный переворот, который позволяет говорить о возникновении нового исторического типа рождаемости. До тех пор, пока общество, само того не сознавая, пыталось приспособиться к новым условиям, используя старые демографические методы, в частности испытанное тысячелетиями воздействие на рождаемость через брачность, традиционный тип рождаемости не был изжит. В Европе этот период длился несколько столетий и дал временное решение возникших перед обществом демографических проблем. Когда же сами эти проблемы развились и обострились,

потребовалась коренная ломка, полная замена старых методов управления. Эта ломка совершилась очень быстро. В большинстве капиталистических стран в считанные десятилетия сложился новый механизм социального управления рождаемостью, который сделал ненужным не только традиционные методы такого управления, но и нетрадиционную «европейскую» брачность. Постепенно она перестала существовать (табл. 19).

Таблица 19. Доля женщин, никогда не состоявших в браке в некоторых возрастах в середине XIX в. и в 1970 г., % [226, с. 83; 251: 1975]

Страна	Год	Возрастные группы			Год	Возрастные группы		
		20—24	25—29	45—49		20—24	25—29	45—49
Великобритания	1851	70	41	14	1970	41	14	8
Дания	1840	70		9	1970	45	14	7
Ирландия	1861*	76	49	14	1971	69	31	18
Нидерланды	1849	87	57	17	1970	46	14	8
Норвегия	1875	67		17	1970	46	16	8
Франция	1881	60	32	13	1970	51	18	8
Швейцария	1860	83	55	20	1970	55	22	12
Швеция	1850	84	51	12	1970	60	23	8

* Включая Северную Ирландию.

Относительный вклад брачной структуры населения и внутрисемейного регулирования рождаемости, а также их изменении в определение уровня и динамики рождаемости может быть описан с помощью системы индексов, предложенных Э. Коулом [215; 58, с. 164—166]. Индекс общей рождаемости (I_f) измеряет фактический ее уровень по отношению к гипотетическому максимуму (12,4 рождения на 1 женщину, прожившую в браке весь плодотворный период своей жизни). Индекс брачной рождаемости (I_g) показывает, какую долю гипотетического максимума составляла бы фактическая рождаемость, если бы она отличалась от гипотетической только за счет брачной рождаемости при максимальной доле состоящих в браке, а индекс доли женщин, состоящих в браке (I_m), — если бы она отличалась от гипотетической только за счет доли женщин, состоящих в браке, при максимальной брачной рождаемости.

Индексы, приведенные в табл. 20, говорят о том, что еще в 1870 г. и даже в 1900 г. во всех странах, кроме Франции, меньшим из двух сомножителей, определявших снижение рождаемости по сравнению с ее гипотетическим максимумом, был индекс доли состоящих в браке (I_m), и только после 1900 г. положение стало быстро меняться. Этот индекс обнаружил тенденцию к повышению, зато индекс брачной рождаемости стремительно падал, увлекая за собой и индекс общей рождаемости. Именно в это время происходила перестройка прокреационного поведения населения капиталистических стран и быстрое снижение показателей рождаемости, которые до этого хотя и не были особенно высокими, на протяжении долгого времени не изменялись или изменялись незначительно.

Если в капиталистической Западной Европе становление нового типа рождаемости шло полным ходом на рубеже XIX и XX вв., то в нашей стране в этот период оно делало лишь первые робкие шаги. Вплоть до Октябрьской революции рождаемость в России была намного выше, чем в передовых капиталистических странах того времени. Индексы рождаемости, подобные приведенным в табл. 20, для Европейской России в 1896—1897 гг. составляли: $I_f=0,54$; $I_g=0,76$; $I_m=0,69$.

Хотя индекс общей рождаемости в Европейской России был примерно вдвое выше, чем в ряде европейских стран, он в свою очередь был почти вдвое ниже гипотетического максимума, что, по-видимому, свидетельствовало о каких-то процессах, оказывавших понижающее влияние на уровень рождаемости в стране.

Эти процессы, вероятно, пока почти не затронули уровня брачной рождаемости — ее индекс оставался самым высоким в Европе, выше, чем в католической Ирландии, славившейся неприятием ограничения рождаемости в браке. Даже у городского населения Европейской России индекс брачной рождаемости был выше, чем у всего населения большинства европейских государств [59, с. 131].

Иначе обстояло дело с влиянием доли женщин, состоящих в браке. Индекс доли состоящих в браке в Европейской России конца прошлого века был довольно высоким, но все же не самым высоким в Европе. В целом по Европейской России за счет того, что не все женщины плодovитого возраста были замужем, рождае-

Таблица 20. Индексы рождаемости и доли женщин, состоящих [215, с. 209; 246, приложение 2, с. 110]

Страна	Индекс общей рождаемости, I_f			
	1870	1930	1930	1960
Австралия	—	0,29	0,19	0,28
Англия и Уэльс	0,37	0,27	0,15	0,22
Ирландия	0,29	0,23	0,24	0,29
Португалия	0,34*	0,35	0,30	0,26
США	0,37	0,29	0,20	0,28
Франция	0,28	0,24	0,19	0,22
Швеция	0,33	0,30	0,15	0,17
Япония	—	—	0,37	0,17
Гуттериты (стандарт)	0,70			

* 1878.

мость составляла 69% гипотетического максимума, однако у городского населения и у населения промышленно развитых районов понижающее влияние этого фактора на рождаемость было гораздо более значительным. У этих групп населения наметились некоторые признаки перехода к «европейской» брачности: повышение возраста вступления в первый брак, доли женщин старших возрастов, никогда не состоявших в браке, и т. п. [59, с. 115—120].

Изменения в матримониальном поведении и соответственно в брачной структуре населения России в прошлом веке, вероятно, и привели к начавшемуся тогда некоторому снижению рождаемости. Однако они были все же не очень большими, недостаточными для того, чтобы сохранить демографическое равновесие в условиях становившегося возможным в это время снижения смертности. Эта коллизия все лучше осознавалась общественным мнением. Все более частые упоминания в литературе о прямом контроле над прокреационным поведением, жаркие споры вокруг связанных с этим проблем говорили о том, что незыблемость традиционной системы управления рождаемостью была нарушена и переживала острый кризис. В царской России разрешение этого кризиса должно было затянуться на многие десятилетия, порождая промежуточные, налливативные формы такого управления. Изживание традиционного типа рож-

в браке, по Э. Коулу для некоторых капиталистических стран

Индекс брачной рождаемости, I_g				Индекс доли женщин, состоящих в браке, I_m			
1870	1900	1930	1960	1870	1900	1930	1930
—	0,58	0,33	0,38	—	0,47	0,54	0,71
0,68	0,54	0,29	0,29	0,51	0,48	0,50	0,71
0,67	0,74	0,66	0,60	0,42	0,31	0,35	0,47
0,64	0,68	0,54	0,41	0,45*	0,46	0,47	0,56
—	0,49	0,31	0,36	—	0,58	0,63	0,75
0,48	0,38	0,30	0,31	0,54	0,57	0,58	0,67
0,71	0,64	0,30	0,24	0,42	0,41	0,42	0,63
—	—	0,51	0,29	—	—	0,68	0,58
1,00				0,70			

даемости шло бы мучительно медленно и долго, проходя через многочисленные компромиссы между патриархальной культурой Домостроя и культурой российского капитализма, не способного решительно порвать с феодальным прошлым.

Октябрьская революция и последовавшие за ней социалистические преобразования коренным образом изменили условия демографического развития страны. Прежние формы управления рождаемостью, предполагавшие всеобщую раннюю брачность женщин, их бесправное положение, отсутствие свободы индивидуального выбора в сфере брачности и рождаемости и многие другие столь же архаичные черты жизненного уклада, были несовместимы с новым социалистическим строем жизни и должны были исчезнуть. «В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции», — предсказывал В. И. Ленин в 1920 г. [188, с. 482—483]. Эта революция обрекала на слом и старый механизм управления рождаемостью.

Отход от традиционных форм такого управления, едва наметившийся в дореволюционной России, заметно ускорился уже в 20-е годы. Наиболее быстро изменения охватили население европейской части страны, в особенности городское — здесь сказалась «подготовка», произведенная капитализмом в эпоху его интенсивного развития в пореформенной России. В азиатской части стра-

ны, в Закавказье к 1917 г. значительную прочность сохраняли еще докапиталистические — феодальные, а кое-где и дофеодальные порядки, поэтому и перестройка демографических отношений здесь шла медленнее.

Исследователи уже в 20-е годы пришли к выводу, что население СССР постепенно переходило к прямому контролю над своим прокреационным поведением. Вначале основным путем такого контроля был аборт. Аборт был легализован в 1920 г. и стал быстро входить в массовую практику семьи. Правда, опыт показал, что распространение аборта может сдерживаться не только законодательными запретами, но и консерватизмом общественного мнения. Об этом говорит хотя бы тот факт, что, несмотря на легализацию аборта, в 20-е годы сохранялась очень высокая доля нелегальных (т. е. скрываемых от посторонних глаз) абортотворений [153, с. 27].

Но все же число абортотворений заметно росло, особенно в городах. Распространенность аборта среди сельского населения была в то время значительно меньшей [258, с. 15]. Анализируя влияние аборта на рождаемость в Ленинграде, В. В. Паевский писал в конце 20-х годов, что в то время как за границей аборты играли второстепенную роль в ограничении рождаемости по сравнению с противозачаточными средствами, в Ленинграде, по-видимому, преобладающая роль принадлежала аборту, а противозачаточные средства не получили широкого развития [138, с. 340]. Можно думать, что подобная ситуация тем более была характерна для других городов и районов страны, в которых развивалось внутрисемейное ограничение рождаемости.

Тем не менее и контрацепция должна была уже и тогда получить некоторое развитие. Легализация и широкое распространение аборта означали снятие традиционного запрета с внутрисемейного контроля над прокреационным поведением и давали толчок к использованию различных доступных методов такого контроля. Вопрос этот изучен слабо, но имеются некоторые указания на то, что уже в 20-е годы значительная часть женщин, в том числе и крестьянок, применяла различные методы предотвращения зачатия, чаще всего *coitus interruptus* [172, с. 196, 220].

Дальнейшее развитие событий не было абсолютно последовательным. В течение почти 20 летнего периода (с 1936 по 1955 г.) аборт был снова запрещен законом,

а производство современных средств контрацепции и до сих пор отстает от потребности в них и от возможностей, которые создает наука. В этом смысле переход к прямому контролю над прокреационным поведением внутри семьи до известной степени сдерживался. Однако гораздо более важные процессы, происходившие в социально-экономической области, непрерывно создавали объективные предпосылки для все более полного преодоления традиционного механизма управления рождаемостью, ускоренного повсеместного распространения ее внутрисемейного регулирования и снижения ее уровня.

Изменения в брачности также оказали некоторое влияние на динамику рождаемости, но, как показали специальные исследования, оно было небольшим [45, с. 40—47; 62, с. 177; 159, с. 64]. Об этом же свидетельствуют и данные табл. 21.

Индексы рождаемости указывают на то, что вклад изменений брачной структуры в снижение рождаемости никогда не был в СССР большим, а между 1958—1959 и 1969—1970 гг. даже уменьшался. Главным фактором было падение брачной рождаемости, индекс которой (I_g) в послевоенный период был очень низким и продолжал снижаться, с неоспоримостью свидетельствуя об очень широком распространении внутрисемейного регулирования рождаемости.

Это распространение шло одновременно и во времени, и в пространстве, что хорошо показал с помощью серии географических карт, отражающих «пространственно-временную диффузию демографического перехода» в СССР за 1920—1975 гг., В. В. Гуджабидзе [70, с. 96—101]. Сейчас в СССР остается небольшое число районов, в которых внутрисемейное регулирование рождаемости развито еще слабо — в основном это республики Средней Азии и Азербайджан, в меньшей степени — Казахстан и Армения. На это указывают, в частности, показатели, характеризующие брачную рождаемость, рассчитанные В. А. Борисовым для городского, сель-

Таблица 21. Индексы рождаемости населения СССР

Период	I_f	I_g	I_m
1896—1897*	0,54	0,76	0,69
1926—1927	0,42	0,63	0,67
1938—1939	0,40	0,53	0,75
1958—1959	0,24	0,39	0,61
1969—1970	0,19	0,28	0,67

* Европейская Россия

ского и всего населения союзных республик [47, с. 66, 107, 108; 61, с. 32]. Большая же часть населения СССР — свыше 80% — живет в районах с низкими показателями брачной рождаемости, что свидетельствует о преобладании в этих районах ее нового исторического типа.

К середине XX в. новый тип рождаемости прочно утвердился в экономически развитых странах. Но развивающиеся страны к этому времени оказались не подготовленными к установлению нового типа управления рождаемостью ни с демографической, ни, что особенно важно, с социально-экономической и культурной точек зрения. Тем не менее подспудные изменения и в демографических, и в экономических, и в социальных условиях жизни населения и здесь совершались уже давно, а в последние два-три десятилетия резко ускорились. В частности, как мы видели, повсеместно начался переход населения к новому типу смертности, который и представляет собой демографическую подготовку перехода к новому типу рождаемости.

Оказалось, однако, что распространение новых методов управления смертностью в развивающихся странах было делом более простым, чем распространение новых методов управления рождаемостью, ибо последнее требовало гораздо более глубоких изменений во всем строе жизни населения, нежели первое. Эти изменения — следствие кардинальных экономических и социальных перемен, через которые не прошло еще и до сих пор население большинства освободившихся стран, не готовое поэтому к восприятию новых демографических отношений, в частности к воздействию на рождаемость ни через брачность, ни непосредственно — путем индивидуального контроля над прокреационным поведением.

Правда, и здесь в течение последних десятилетий наблюдались некоторые изменения в брачности, но они не дают оснований говорить об изменении самого ее типа, как это было в свое время в Западной Европе. Появление здесь чего-то, похожего на «европейский» тип брачности, маловероятно. Скорее можно предположить, что развивающиеся страны учтут исторический опыт и пойдут по более простому и эффективному пути, повторят путь СССР или Японии, которые миновали этап «европейской» брачности, и сразу воспримут практику внутрисемейного регулирования рождаемости. Но пока

такая практика не получила здесь широкого распространения. Если в экономически развитых странах различными методами предотвращения беременности в 70-е годы пользовалось 60—70% замужних женщин, то в развивающихся странах, как правило, не более 20—22% [243, с. 11—13].

Статистика рождаемости указывает на то, что новые демографические отношения в освободившихся странах пока развиты слабо. Снижение рождаемости началось во многих из них, но пока оно, как правило, невелико. В табл. 22 приведены обобщенные данные об уровнях рождаемости и его изменениях в 1960—1975 гг. в 49 развивающихся странах (свыше 55% всех развивающихся стран), в которых в этот период проводились специальные обследования рождаемости. Страны сгруппированы по величине брутто-коэффициента воспроизводства населения в момент последнего обследования и по величине среднегодовых темпов изменений брутто-коэффициента за время между первым и последним обследованием.

Таблица 22. Распределение 49 развивающихся стран по величине брутто-коэффициента воспроизводства населения и темпов его изменений в 1960—1975 гг. [256, с. 175—176]

	Общее число стран	в том числе		
		в Азии	в Африке	в Латинской Америке
Брутто-коэффициент воспроизводства:				
более 3,0	21	5	9	7
2,0—3,0	17	6	4	7
2,0 и менее	11	4	1	6
Среднегодовые темпы изменения брутто-коэффициента:				
—0,01 и более (включая положительные величины, т. е. рост брутто-коэффициента)	23	5	10	8
от —0,01 до —0,065	15	6	3	6
менее —0,065	11	4	1	6

Данные табл. 22 говорят о том, что относительно низкий уровень рождаемости и относительно быстрое его снижение наблюдаются пока лишь в меньшинстве развивающихся стран.

Задержка с переходом к новому типу рождаемости в развивающихся странах чревата очень серьезными экономическими и социальными последствиями; это все лучше осознают и государственные деятели, и ученые, и общественное мнение во всем мире. Но пока не достигнут некоторый минимальный уровень социально-экономического развития, невозможен и переход к новым демографическим отношениям. Конечно, развивающиеся страны не стоят на месте. Патриархальная замкнутость, невежество народных масс, власть религии, бесправное положение женщины, архаичные обычаи, допотопный быт — все это понемногу отступает под воздействием экономических и социальных преобразований. И хотя сами эти преобразования в силу многих причин совершаются относительно медленно, развитие национальной экономики, индустриализация, урбанизация, борьба за всеобщую грамотность, постепенное ослабление влияния религии и т. п. мало-помалу подготавливают все более широкие слои населения к новым демографическим отношениям, к восприятию новых форм прокреационного поведения, к сознательному регулированию супругами числа рождаемых ими детей.

3.5.2. НЕГАТИВНАЯ ЗАДАЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ

В ходе демографической революции происходит полное обновление механизмов социального управления рождаемостью. При этом решаются две объективные, порожденные самим историческим развитием задачи (или группы задач): негативная и позитивная.

Первая из этих задач — негативная — заключается в том, чтобы разрушить старую систему управления прокреационным поведением, основанную на жесткой регламентации каждого шага человека, освободить его от вековых запретов и предписаний старой морали, сделать способным по собственному разумению решать вопрос о том, скольким детям он хочет дать жизнь. До тех пор, пока эта задача не решена, прокреационное поведение не может измениться, а рождаемость снизиться даже тогда, когда перестают существовать объективные условия, предопределявшие в прошлом ориентацию на высокую рождаемость.

Яркий пример того, к чему приводит нерешенность объективно назревшей негативной задачи демографической революции в области рождаемости, дает только что описанная современная ситуация в развивающихся странах. Переход к новым демографическим отношениям тормозится здесь именно тем, что все еще не утратила силы старая традиционная система управления прокреационным поведением. Нормы демографического поведения здесь — часть традиционной культурной системы, все еще сохраняющей огромное влияние. Более того, тесно связанное с борьбой за экономическую и политическую независимость стремление отстоять национальные культурные ценности от бесцеремонного вторжения «западной цивилизации» до известной степени затрудняет изживание тех элементов традиционной культуры, которые утрачивают свою объективную основу и превращаются в анахронизм.

Конечно, под влиянием экономического развития, политической борьбы и других процессов «рабские цепи традиционных правил» ослабевают, происходит эрозия традиционной системы культурных норм, в том числе и норм демографического поведения. Но пока еще прежние методы социального управления рождаемостью занимают сильные позиции в развивающемся мире, что и определяет в основном современную динамику ее показателей.

Таблица 23. Общий коэффициент рождаемости в менее развитых регионах мира в 1950—2000 гг., ‰ [255, с. 20; 257, с. 10]

Регион	1951— 1955	1960— 1965	1970— 1975	1980— 1985	1990— 1995	1995— 2000
Менее развитые регионы в целом	42,1	39,9	37,5	32,1	28,3	26,2
в том числе:						
Восточная Азия (без Китая и Японии)	36,8	38,5	30,2	23,1	22,4	20,3
Китай	37,3	29,5	25,9	23,1	18,0	17,4
Южная Азия	44,0	44,8	41,9	36,9	31,0	27,8
Карибская Америка	36,9	37,5	32,8	27,6	25,8	24,5
Тропическая Южная Америка	43,1	40,9	38,3	35,2	31,4	29,4
Центральная Америка	47,3	45,3	42,2	40,4	36,6	18,3
Африка	48,1	47,7	46,3	45,0	40,1	36,9
Меланезия	44,0	43,7	40,7	40,2	35,0	30,7
Микронезия и Полинезия	44,6	41,9	32,9	31,9	26,8	23,9

Имеются различные попытки оценить скорость раз-
вертывания демографической революции в развивающих-
ся странах, предполагаемые сроки решения здесь ее не-
гативной задачи, а стало быть, и темпы снижения уровня
рождаемости. Такие попытки содержатся, в частности,
в прогнозах ООН, которые основываются на изучении
наблюдаемых на протяжении последних десятилетий
тенденций динамики рождаемости и детерминирующих
ее факторов и постоянно уточняются. В табл. 23 приве-
дены выполненные демографами ООН прогнозные оцен-
ки до 2000 г., уточненные в 1978 г.

Таким образом, даже в конце века рождаемость во
многих густонаселенных регионах мира будет оставать-
ся еще очень высокой (для сравнения укажем, что в «бо-
лее развитых регионах», по оценке ООН, общий коэф-
фициент рождаемости в 1975—1980 гг. равнялся 15,6‰,
а к концу столетия предполагается его уменьшение до
14,9‰ [257, с. 13]). Рост численности населения здесь
замедлится, но не прекратится. Чтобы произошла ста-
билизация численности населения развивающихся стран
с учетом предстоящего здесь снижения смертности, не-
обходимо значительно большее снижение рождаемости.
Мы уже упоминали о прогнозных предположениях ООН,
касающихся будущей стабилизации численности насе-
ления. Согласно этим предположениям для прекраще-
ния роста численности населения в условиях низкой
смертности число детей, рождаемых в среднем одной
женщиной, должно опуститься до 2,08. Сейчас же оно
в развивающихся странах превышает указанную вели-
чину нередко в 2,5—3 раза, а то и более. В табл. 24 при-

Таблица 24. Предполагаемые изменения среднего числа детей,
рождаемых одной женщиной, в развивающихся странах [107, с. 66]

Регион	Среднее число детей		Год, к которому ожидается умень- шение числа детей до 2,08
	1970—1975	1995—2000	
Латинская Америка	5,27	3,90	2035
Восточная Азия	3,59	2,26	2020
Южная Азия	6,13	4,23	2060
Африка	6,38	5,43	2070
Австралия и Океания	3,44	2,95	2020

ведена динамика среднего числа рождений на одну женщину по «среднему» варианту прогнозных предположений ООН.

Подобные оценки будущих изменений рождаемости нельзя рассматривать как очень точные, но они дают в целом верное представление о том, насколько сложным и длительным оказывается решение негативной задачи демографической революции в странах, в которых эта революция не подготовлена всем социально-экономическим развитием. Не исключено, что острота демографических проблем в развивающихся странах сама окажется одним из факторов, способствующих ускорению этого развития, что и приведет в конечном счете к полному решению негативной задачи демографической революции. Однако пока о таком ходе событий можно говорить только как о желаемом будущем.

Негативная задача демографической революции в области рождаемости сохраняет известное значение и для СССР. В целом по стране в 70-е годы брачная рождаемость находилась на таком уровне, который совершенно несовместим с сохранением традиционных демографических отношений, исключающих ограничение деторождения в браке по желанию супругов. Это само по себе служит доказательством того, что у большей части населения старая система детерминации прокреационного поведения в основном разрушена. Однако на фоне в общем однородных показателей заметно выделяются высокой брачной рождаемостью некоторые группы населения (сельское население республик Средней Азии и Азербайджана, Армении и Казахстана, а также городское население Среднеазиатских республик и Азербайджана). У этих групп (на их долю в 1979 г. приходилось 15% населения страны) решение негативной задачи демографической революции либо почти совсем не началось, либо продвинулось недостаточно далеко.

В литературе неизбежность разрушения традиционных демографических отношений в области рождаемости, а стало быть, и объективная необходимость решения негативной задачи демографической революции иногда ставится под сомнение. Утверждается, например, что условия социализма «создают для среднеазиатских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиции многодетности» [31, с. 29—30], и что «многодетная женщина как «социально-

демографический стереотип» здесь сохранится и в будущем» [31, с. 37]. Некоторые авторы полагают, что даже если уровень рождаемости в Средней Азии и снизится, то все же до уровня более высокого, чем в европейских и восточных районах страны.

Ни теоретический анализ, ни изучение всемирного и отечественного опыта, ни конкретные исследования демографических тенденций в Средней Азии и других регионах с высокой рождаемостью не дают оснований для подобного взгляда на будущее рождаемости в этих регионах. Высокая рождаемость — не национальная особенность, в мире нет народа, у которого в прошлом не было бы традиций высокой рождаемости. Но когда историческое развитие лишает эти традиции объективной основы, они могут сохраняться некоторое время лишь в силу инерции. Как долго будет действовать такая инерция, зависит от многих конкретных особенностей места и времени, но все же зависит не настолько, чтобы инерция прошлого оказалась сильнее требований настоящего.

По мнению большинства демографов, уже сейчас имеются явные признаки приближающегося перелома в рождаемости коренных народов Средней Азии и Казахстана. Как справедливо отмечает В. А. Борисов, в среднеазиатских республиках «внешняя стабильность общего коэффициента рождаемости обманчива: она складывается из двух противоположных по направлению тенденций. ...Увеличиваются коэффициенты первой и второй очередности рождений, в то время как коэффициенты пятой и более высоких очередностей уменьшаются. Следовательно, и в этих республиках сокращение рождаемости уже началось» [124, с. 73]. К сходному выводу приходит Л. Е. Дарский, основываясь на изучении прокреационных намерений женщин. «Статистика еще не зафиксировала снижение рождаемости у народов Средней Азии, но специальные обследования показывают изменение репродуктивных намерений брачных когорт, находящихся в репродуктивном периоде, а это всегда предшествует изменению уровня рождаемости» [80, с. 11—12].

На признаки перемен указывает и прямое изучение прокреационного поведения коренного населения Средней Азии. Оно позволяет утверждать, что практика внутрисемейного регулирования рождаемости почти пол-

ностью отсутствует в чисто крестьянской среде, но другим слоям населения даже и в сельской местности эта практика уже знакома, хотя ее распространение пока не очень велико. Так, согласно одному из исследований, выполненному в середине 70-х годов, число женщин, сделавших аборт при первой беременности, было совершенно ничтожным: 1,6% всех женщин с первой беременностью в городах и 0,7% в сельской местности. С каждой последующей беременностью доля заканчивающихся абортом увеличивается, но у разных групп населения по-разному. При второй беременности к аборту прибегает всего 0,7% колхозниц, но даже при шестой беременности доля абортующих у них остается крайне низкой — 1,4%. У женщин-работниц, живущих в сельской местности, соответствующие показатели изменяются от 4 до 26%, а у женщин-учителей (тоже сельских жительниц) — от 2,7 до 33,4% [23, с. 25]. Имеются данные и о росте применения противозачаточных средств [49, с. 101—102].

Конечно, пока в Средней Азии традиционное прокреационное поведение остается преобладающим, однако едва ли так будет продолжаться долго. Опыт Армении, а в последние годы и Азербайджана говорит о том, что перелом в массовом демографическом поведении происходит почти внезапно, а затем начинается столь стремительное снижение рождаемости, что оно очень быстро заставляет забыть о недавно еще высоком ее уровне. Падает рождаемость и у казахов. М. Б. Татимов отмечает, что казахи первыми в регионе стали входить в фазу снижения рождаемости в процессе демографической революции, причем это снижение у казахского населения идет намного быстрее, чем когда-то у русских на соответствующей стадии перехода к новому типу рождаемости [166, с. 131]. Он же высказывает интересное соображение по поводу того, в какой последовательности будут вступать в этот переход народы Средней Азии. По его мнению, за казахами последуют киргизы, затем туркмены, далее узбеки и, наконец, таджики. «В такой последовательности есть... своя логика, связанная с положением женщины в обществе. У бывших кочевых народов (казахов, киргизов, туркмен) женщина и прежде пользовалась большей свободой в быту, чем у оседлых народов (узбеков, таджиков и уйгуров)» [166, с. 133].

3.5.3. ПОЗИТИВНАЯ ЗАДАЧА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ОБЛАСТИ РОЖДАЕМОСТИ

Если для большей части населения мира пока наиболее актуальна задача разрушения старых механизмов управления рождаемостью, проблема ограничения ее уровня сверху, то для стран, в которых демографическая революция в основном завершена, выходит на первый план и приобретает большую остроту проблема иного рода. Здесь под вопросом оказывается способность современных механизмов социального управления рождаемостью эффективно ограничивать ее уровень снизу, не допускать слишком сильного падения рождаемости.

Впервые эта проблема была осознана во Франции еще в прошлом веке, но позднее стало ясно, что с ней сталкиваются все страны, в которых устанавливается современный тип рождаемости. Ее уровень все чаще и чаще оказывается недостаточным даже для того, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения. Характерна в этом отношении ситуация, отраженная на рис. 4 (с. 51), где значительная группа экономически развитых стран оказалась ниже линии простого воспроизводства. Наличие потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре, пока удерживает большинство из них от прямой убыли населения, но в некоторых странах, в том числе таких, как Великобритания и ФРГ, позади уже и этот рубеж, здесь зарегистрированы отрицательные величины естественного прироста населения.

Все эти явления и породили неверие в способность новых механизмов социального управления рождаемостью поддерживать ее объективно необходимый уровень, обеспечивать устойчивое сохранение демографического равновесия. Об этом писал еще А. Ландри [236, с. 53], об этом же свидетельствует, и уже упоминавшаяся теория «пятой фазы» демографической революции — фазы «регресса» населения.

Факты неблагоприятных тенденций в динамике рождаемости, выхода ее режимов за пределы области демографической свободы отрицать невозможно. Но весь вопрос в том, как толковать причины этих нарушений объективных демографических ограничений. Свидетельствуют ли наблюдаемые факты о коренных пороках са-

мого современного типа социального управления рождаемостью, его принципиальной неспособности обеспечить ограничение ее уровня снизу? Или речь должна идти о недостаточной пока еще развитости этого нового типа, новых демографических отношений, о болезнях роста, которые со временем будут преодолены? Нельзя ли, наконец, предположить, что новые демографические отношения вообще могут достичь зрелости и надежно обеспечить объективно необходимый уровень рождаемости только тогда, когда все общественные отношения поднимутся на более высокую историческую ступень, чем та, на которой они находятся сейчас?

Не претендуя на исчерпывающие ответы на эти весьма сложные и недостаточно изученные вопросы, выскажем лишь некоторые соображения, которые вытекают из развиваемых в этой книге представлений о социальном управлении рождаемостью и, может быть, создадут определенные концептуальные рамки для последующего обсуждения демографами проблем рождаемости современного типа.

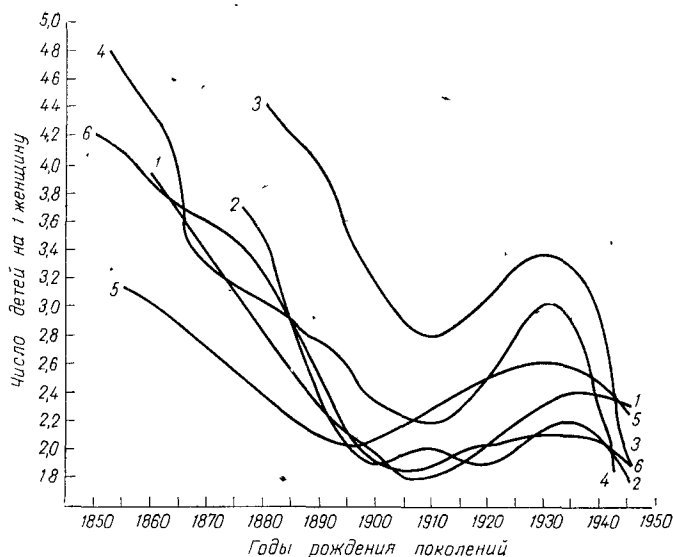

Рис. 15. Среднее число детей, рожденных женщиной в различных реальных поколениях в некоторых капиталистических странах

1 — Великобритания (Англия и Уэльс); 2 — Германия (ФРГ); 3 — Канада; 4 — США; 5 — Франция; 6 — Швеция

Обратимся вначале к анализу современных тенденций и перспектив рождаемости в капиталистических странах. Они раньше других вступили на путь перехода к современному типу рождаемости, здесь раньше обнаружили и порожаемые этим переходом проблемы. На рис. 15 представлена динамика наиболее точного показателя рождаемости — среднего числа детей, рожденных женщинами, принадлежащими к различным реальным поколениям. График указывает, что, хотя период очень быстрого падения рождаемости от ее высокого традиционного уровня к современному низкому миновал, этот новый уровень оказался недостаточно устойчивым. Число детей, рождаемых женщинами разных поколений, обнаружило тенденцию к значительным колебаниям. Обращает на себя внимание синхронность этих колебаний в разных странах, связанная, вероятно, со сходством в развитии в них экономической и социально-политической обстановки.

Нам кажется неверным, рассматривая тенденции рождаемости в капиталистических странах в XX в., подчеркивать, как это иногда делается, только моменты ее снижения. Она знала и периоды роста, а это как раз и указывает на наличие стимулов к рождению детей, которые способны обеспечить функционирование современных механизмов социального управления рождаемостью при капитализме. Другое дело, что эти стимулы оказываются недостаточно сильными, чтобы обеспечить гомеостаз процесса рождаемости, его независимость от внешней конъюнктуры, предотвратить постоянные значительные колебания режимов рождаемости (настораживает именно большой размах колебаний, а не сами колебания, которые как раз свидетельствуют о наличии гомеостаза).

О том же, по существу, говорит и динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения (рис. 16). Во Франции он впервые опустился ниже единицы еще в конце 40-х годов прошлого века, и если бы с тех пор действовали только факторы, ослабляющие «потребность в детях», то нетто-коэффициент воспроизводства населения Франции должен был бы сегодня находиться на крайне низком уровне. Между тем более чем столетняя динамика этого показателя после достижения им в ходе демографической революции уровня простого воспроизводства говорит о наличии сил, противодействующих его

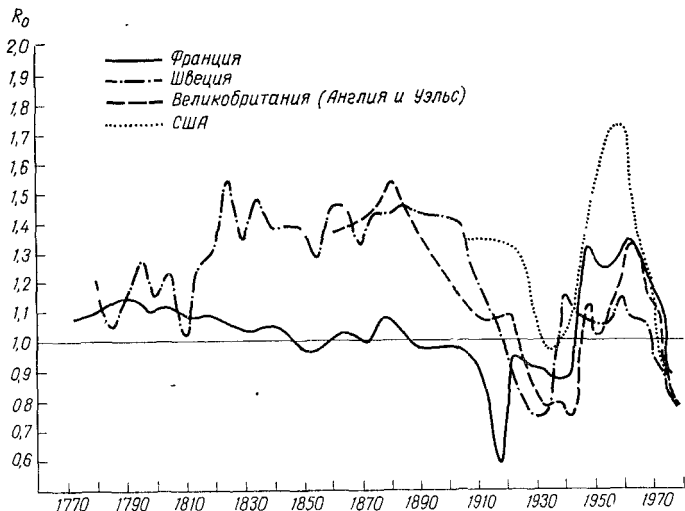

Рис. 16. Динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения в некоторых капиталистических странах

дальнейшему снижению и в целом удерживающих его вблизи этого уровня. Колеблется вокруг линии простого воспроизводства, а не постоянно снижается нетто-коэффициент воспроизводства населения и в других капиталистических странах.

В целом тенденции рождаемости в капиталистических странах свидетельствуют о серьезных проблемах, с которыми сталкивается функционирование новой системы социального управления рождаемостью при капитализме. В этих проблемах соединяются как неизбежные трудности, всегда порождаемые крупными историческими переменами в любом обществе, так и специфические трудности, обусловленные тем, что эти перемены совершаются в условиях антагонистического общественного строя. Современные демографические отношения в своем развитии вступают в противоречие с производственными отношениями капитализма, и это противоречие препятствует достижению ими необходимой зрелости.

Общие трудности роста вытекают из одновременности решения негативной (разрушения старых механизмов социального управления рождаемостью) и позитивной (создания новых механизмов такого управления)

задач демографической революции. Исторический опыт говорит о том, что решение этих задач идет хотя и параллельно, но не синхронно. Обычно решение позитивной задачи несколько запаздывает, и на протяжении какого-то времени (когда старые стимулы к рождению детей уже ослабели, а новые еще неполностью созрели) рождаемость может падать ниже объективно необходимого уровня.

Это, однако, не означает, что с началом демографической революции позитивная задача вообще не решается какое-то время. Напротив, в основном она решается одновременно с негативной задачей, так что динамика уровня рождаемости, в особенности на более поздних стадиях демографической революции, складывается под противоречивым воздействием двух систем социального управления прокреационным поведением: сходящей на нет старой и набирающей силу новой. По мере того, как соотношение сил все больше меняется в пользу новой системы, тенденция к падению рождаемости уступает место тенденции к ее стабилизации, а позднее, возможно, даже и к некоторому повышению. Подобное положение и наблюдалось, по-видимому, в первой половине нашего столетия во многих западных странах. Демографическая революция развернулась в них в XIX в., и к началу XX в. ее негативная задача была в общих чертах решена. В ряде стран у поколений, родившихся на рубеже веков, рождаемость была настолько низкой, что они не воспроизводили себя. Новые стимулы к деторождению приобрели достаточную силу, вероятно, несколько позднее — рождаемость у более молодых поколений женщин была существенно выше.

Не следует забывать, однако, о специфических трудностях, свойственных капиталистическому обществу, которому вообще доступно лишь неполное и непоследовательное решение как негативной, так и позитивной задач демографической революции, в силу чего о поддержании рождаемости на объективно необходимом уровне можно говорить только как о тенденции, которая реализуется через постоянные отклонения, через значительные колебания вокруг этого уровня. Вслед за подъемом рождаемости здесь следует ее новое падение.

Главное непреодолимое препятствие, которое стоит на пути решения проблем рождаемости при капитализме, заключается в неприемлемости для этого общества

в целом тех конечных целей и ценностей, без которых новая система социального управления рождаемостью остается незавершенной и противоречивой.

Капитализм сделал много для развития демографических потребностей. Но, создав «общество потребления», он не смог обеспечить необходимую разносторонность потребностей, не сумел развить систему терминальных ценностей, которая обеспечила бы гармоничное функционирование общественного организма. В частности, применительно к буржуазному обществу можно говорить лишь о более или менее сильной тенденции к развитию детоцентристской ориентации, которая, однако, никогда не может получить достаточно полного и последовательного воплощения. Нельзя отрицать, конечно, что именно в культуре этого общества впервые сложилось новое отношение к детям и детству. В период становления и развития капитализма ребенок был впервые по-настоящему замечен и опозитизирован в литературе и изобразительном искусстве, на него обратили внимание мыслители и идеологи (напомним хотя бы педагогические идеи Руссо или острый интерес к личности ребенка в романах Диккенса и Достоевского). Изменяются временные и пространственные рамки детства, весь уклад детской жизни, появляется материальное и духовное производство, ориентированное специально на детей (для них производится все больше товаров, возникает детская литература и т. п.). Семья в буржуазном обществе — исторически первая форма семьи, в которой начинает складываться новое отношение к детям, новые нравственные критерии такого отношения.

Но здесь уместно вспомнить высказывания Ф. Энгельса о новых критериях оценки отношений между мужчиной и женщиной. Важно уже то, что эти критерии есть, хотя на практике, как отмечал Ф. Энгельс, с ними не считаются, в буржуазном обществе они существуют только в теории, на бумаге. «А большего и требовать пока нельзя» [14, с. 80]. Подобным же образом может быть оценено и отношение к детям в буржуазной теории и практике. В теории — «буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми» [2, с. 443], на практике же — сплошь и рядом нещадная эксплуатация детского труда и «ледяная вода эгоистического расчета» [2, с. 426].

Детоцентризм буржуазной семьи в высшей степени противоречив, ибо в условиях капиталистического общества личность и будущее ребенка могут получить общественное признание лишь в той ограниченной мере, в какой это совместимо с экономическими и социальными интересами эксплуататорских классов. Большинство семей постоянно сталкивается с невозможностью обеспечить своим детям твердое будущее, уберечь их от бедности, эксплуатации, войн и т. п. В этих условиях единство интересов семьи и общества в отношении детей приобретает иллюзорный характер, разрывается и в обыденном сознании, и в его отражении идеологией и наукой. В зависимости от того, какой из двух полюсов указанного единства оказывается в поле зрения, отношение к детям получает разные концептуальные объяснения.

С одной стороны, детоцентризм буржуазной семьи гипертрофируется, рассматривается внеисторически, выводится из «вечных интересов» индивида или семьи и противопоставляется безразличию, незаинтересованности или даже враждебности общества к детям. Дети нужны только родителям, только семье, они — одна из главных опор буржуазного индивидуализма; борясь против всех, буржуазная семья отстаивает свое «естественное», «святое» право заботиться о своих детях.

С другой стороны, сталкиваясь с бесконечными трудностями при воспитании детей, теряя веру в возможность счастливого будущего для них, мелкобуржуазное сознание нередко эволюционирует в сторону чуть ли не полного отрицания нужности детей для семьи: дети нужны не семье, а «им» — капиталистам, их государству, их армии и т. п. В отказе от детей обывателю видится протест против буржуазного общества, но это протест представителя «класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа» [18, с. 256].

Каждая из указанных точек зрения вытекает из абсолютизации одной из противоположностей, в действительности формирующих отношение к детям в буржуазной семье и в буржуазном обществе и отражающихся в их системе ценностей. Недостижимость единства демографических интересов семьи и общества в этих усло-

виях препятствует последовательному развитию терминальных демографических ценностей и их гармоничному включению в единую систему ценностей. Несмотря на то, что переход к современному типу управления прокреационным поведением в капиталистических странах длится уже не менее двух столетий, и сегодня мотивационная основа этого поведения недостаточно развита, несовершенна и, как свидетельствуют наблюдаемые демографические тенденции, слишком слаба, чтобы исключить или сделать маловероятными прокреационные исходы, недопустимые с точки зрения демографических ограничений. Поэтому на протяжении многих десятилетий режим рождаемости в различных капиталистических странах весьма часто и оказывается таким, при котором не обеспечивается простое воспроизводство населения.

Тенденции рождаемости иногда оказываются настолько неблагоприятными, что у сторонников социокультурного объяснения этих тенденций, связывающих их с историческими изменениями в отношении к детям, появляются сомнения в способности детоцентристских установок обеспечить необходимый уровень прокреационной мотивации. Даже Ф. Ариес, так много сделавший для того, чтобы показать, как эти установки укреплялись в европейском обществе на протяжении столетий, готов признать, что они снова начинают ослабевать. В нынешней волне снижения рождаемости в капиталистических странах он отказывается видеть простое повторение ситуации 30-х годов. Тогда, по его мнению, падение рождаемости было связано с ростом ценности детей в глазах родителей и с огромными эмоциональными и материальными вложениями в их воспитание. Теперь же причины падения рождаемости прямо противоположны. Время «ребенка-короля» прошло, и его роль в жизни семьи стала падать [201, с. 649—650].

Здесь мы сталкиваемся с вариантом гипотезы об этапе демографического регресса, наступающем после завершения демографической революции, о ее «пятой фазе». Мы же ставим под сомнение само завершение демографической революции, более того, принципиальную возможность полного решения ее позитивной задачи при капитализме. Время покажет, какой характер приобретет динамика рождаемости в капиталистических странах в дальнейшем. Мы не исключаем и нового цик-

ла колебаний, при котором падение рождаемости сменится ее временным подъемом. За ним, вероятно, можно будет увидеть и новое повышение роли детей, их ценности. Но противоречивый и непоследовательный характер детоцентризма буржуазной семьи и буржуазного общества при этом едва ли исчезнет, а прокреационное поведение едва ли получит твердую и надежную мотивационную основу.

Если капиталистические страны столкнулись с проблемой чрезмерно низкой рождаемости уже довольно давно, то для СССР и некоторых других социалистических стран это относительно новая проблема. Хотя быстрое снижение рождаемости в СССР шло со второй половины 20-х годов нынешнего столетия, ее уровень в масштабах всей страны стал по-настоящему «низким» лишь в 60-е годы, и только тогда обнаружилось приближение нетто-коэффициента воспроизводства населения к опасной черте простого воспроизводства.

Таблица 25. Коэффициенты воспроизводства населения СССР

Годы	Коэффициенты]		Годы	Коэффициенты	
	брутто	нетто		брутто	нетто
1926—1927	2,610	1,680	1967—1968	1,171	1,114
1938—1939	2,148	1,438	1968—1969	1,166	1,110
1958—1959	1,365	1,262	1969—1970	1,181	1,126
1960—1961	1,304	1,206	1970—1971	1,200	1,147
1962—1963	1,270	1,175	1971—1972	1,202	1,143
1963—1964	1,227	1,135	1972—1973	1,182	1,128
1964—1965	1,196	1,134	1973—1974	1,178	1,118
1965—1966	1,195	1,134	1974—1975	1,178	1,114
1966—1967	1,187	1,128	1975—1976	1,170	1,104

Нетто-коэффициент воспроизводства населения СССР в целом пока превышает единицу, но в ряде республик, в том числе в таких крупных, как РСФСР и Украинская ССР, такое превышение уже не обеспечивается, уровень рождаемости здесь недостаточен даже для того, чтобы поддерживать простое возобновление поколений. Правда, быстрое падение рождаемости здесь, видимо, прекратилось, наметилась тенденция к стабилизации рождаемости у тех групп населения, у которых она достигла наиболее низкого уровня, но сам этот уро-

вень неудовлетворителен, слишком низок. Эта ситуация вызывает беспокойство советских демографов и заставляет их все чаще и чаще обращаться к проблеме будущего рождаемости в СССР.

Существуют различные подходы к пониманию причин современных неблагоприятных тенденций рождаемости и к оценке ее перспектив. Некоторые авторы в самом снижении рождаемости видят доказательство того, что в современных условиях семья не обладает достаточными внутренними стимулами для сохранения рождаемости на объективно необходимом уровне и что такой уровень рождаемости может поддерживаться только «искусственно, с помощью мероприятий демографической политики» [47, с. 186]. Иначе говоря, они полагают, что прежняя система социального управления рождаемостью функционировала «естественно», без всякой демографической политики, теперь же в силу многообразных исторических перемен она не справляется более со своими задачами.

Мы пытаемся подойти к этому же вопросу с несколько иных позиций. Спору нет, старая система управления рождаемостью действительно утрачивает силу. Но на ее место приходит новая, не менее «естественная», чем предыдущая. Прежние стимулы к деторождению уступают место новым, обусловленным формированием и укреплением специфических терминальных ценностей, семейных и общественных идеалов, всего того, что мы назвали детоцентристской ориентацией. Эти новые стимулы в принципе могут быть достаточно сильными, чтобы обеспечить объективно необходимый уровень рождаемости, но при условии, что новые демографические отношения и соответствующая им система ценностей в должной мере развиты, зрелы. Историческая тенденция, как мы полагаем, действует в направлении все большего укрепления новых демографических отношений, новой «естественной» основы прокреационного поведения, его достаточно сильных наталистских установок. При этом в условиях социализма нет того антагонизма демографических и производственных отношений, который препятствует гармоничному развитию системы ценностей капиталистического общества, а тем самым и полному решению позитивной задачи демографической революции. Это не значит, однако, что такая

задача в условиях социализма решается мгновенно и без всяких трудностей.

В частности, в нашей стране, как мы видели, переход к современному типу рождаемости начался еще в конце прошлого века, но в массовых масштабах развернулся только с 30-х годов нынешнего столетия. Полное преодоление традиционных демографических установок и завершение формирования новых демографических отношений не могло произойти за столь короткий срок. Только более молодые поколения, выросшие в новых условиях, способны были сделать и сделали решающий шаг к новой системе ценностей. Завершение же ее формирования даже в идеальных условиях — дело последующих поколений, детей и внуков. А ведь условия не были идеальными. Историческая обстановка далеко не всегда благоприятствовала осознанию детоцентристских ценностей, важности лично-семейных аспектов жизни человека, их неразрывной связи с другими сторонами его гражданского существования. Так что если новые демографические отношения и сформировались у большей части населения СССР, то пока лишь в основных чертах, так сказать вчерне. Движение на этом не остановилось, идет непрерывный (и, видимо, тоже не лишенный противоречий) процесс совершенствования новых демографических отношений, повышения их зрелости. На разных этапах этого процесса прокреационная мотивация старого и нового типов имеет разный вес, по-разному сочетается между собой, и вполне возможна ситуация, при которой старая мотивация *уже* не имеет, а новая *еще* не имеет должной силы, прокреационное поведение оказывается недостаточно управляемым, в силу чего рождаемость и падает ниже объективно необходимого уровня. Чем скорее демографические отношения нового типа достигнут зрелости, тем скорее окрепнет новая мотивационная основа рождаемости и будет обеспечено устойчивое соответствие уровня рождаемости объективным требованиям демографического равновесия.

Часть 4

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

4.1. СУЩНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

По мере того как расширяются знания демографов о наблюдаемых ими процессах и становится более ясной острота связанных с этими процессами проблем, усилия исследователей все более определенно группируются вокруг одной центральной задачи — поисков путей активного воздействия на демографическое развитие, разработки научных основ проведения демографической политики. Важность этой задачи для советской демографической науки была подчеркнута в решениях XXV и XXVI съездов КПСС [21, с. 73; 22, с. 54, 136—137].

Представляется совершенно естественным рассмотрение теоретических проблем демографической политики в общем контексте проблематики социального управления демографическими процессами, которым посвящена эта книга. Подчеркнем, что мы не отождествляем демографическую политику с социальным управлением демографическими процессами, как это нередко делается [40, с. 21; 92, с. 141—142; 174, с. 6], а рассматриваем ее как особый, частный случай такого управления. На протяжении всей книги мы неоднократно отмечали, что общество всегда оказывает управляющее, упорядочивающее воздействие на процессы воспроизводства населения; о демографической же политике в строгом смысле этого термина можно говорить, пожалуй, только при одновременном наличии по меньшей мере трех признаков: *институциональности, осознанности целей* и их «*демографичности*».

Институциональность означает, что нет политики, если нет проводящего ее субъекта, социального инсти-

тута, способного оказать эффективное организующее воздействие на демографические отношения и процессы.

Второй признак — *осознанность целей*. Одна лишь институциональная организованность воздействий еще не позволяет говорить о демографической политике. Объективные требования, порождаемые функционированием демографической системы, глубоко укореняются в общественном поведении и общественном сознании и находят отражение в деятельности субъекта управления, но могут не осознаваться им в явной форме. Так, вероятно, чаще всего и было в прошлом. Например, церковь, проводившая политику, направленную на стабилизацию сложившейся общественной системы, способствовала и упрочению объективно необходимых демографических отношений. Но истинный смысл этих отношений, нередко унаследованных от далекого прошлого, мог совершенно не осознаваться, они могли казаться естественными, единственно возможными, даже и не нуждавшимися в каких-либо специальных усилиях, направленных на их поддержание. Нам кажется, что, когда речь идет о подобных неосознанных воздействиях, говорить о демографической политике нет оснований.

Но даже и осознанное воздействие институтов на демографические отношения — не всегда демографическая политика, ибо собственно демографические результаты и при таком воздействии могут быть лишь побочным, непланировавшимся следствием движения к каким-то другим, далеким от демографических целям. Когда Ватикан отказывается допустить применение католиками современных методов контрацепции, он заботится прежде всего о неизблемости догм католицизма. В собственно демографических результатах такой политики (например, в сохранении очень высокой рождаемости в Латинской Америке) Ватикан скорее всего не заинтересован, хотя он им, конечно, содействует.

Только третий из названных признаков, объединившись с первыми двумя, позволяет выделить демографическую политику в строгом смысле этого слова, рассмотреть ее как особый род институциональной деятельности, направленной на достижение сознательно поставленной *демографической* цели, получение планируемого демографического результата. С позиций такого подхода можно дать и определение демографической политики как *системы мер, проводимых социальными институ-*

тами, чаще всего государством, в отношении достаточно крупных человеческих общностей и направленных на достижение сознательно поставленных демографических целей.

Так как именно «демографичность» целей оказывается тем решающим компонентом, который, присоединяясь к двум другим чертам воздействия на массовое демографическое поведение, придает этому воздействию характер демографической политики, следует задуматься над вопросом, в чем же, собственно, заключается эта «демографичность», какие цели надо считать демографическими в отличие от социальных, экономических, вообще недемографических.

Сейчас всякое воздействие на демографические процессы практически рассматривается как демографическая политика, различие между демографическими и недемографическими целями политики, как правило, не проводится. Демографическим целям часто вообще отказывают в праве на самостоятельное существование, в собственной природе, видя их лишь в отраженном свете чего-то, находящегося за пределами демографической сферы. Многие авторы относят их к числу подчиненных, промежуточных, таких, которые важны не сами по себе, а лишь как средство для достижения каких-то других, более важных, главных целей.

«Политика народонаселения (population policy) — политика средств, а не целей, — утверждает Б. Берельсон. — Показатели движения населения не есть конечные величины... Это ориентиры, варьируя которыми можно добиваться определенных целей» [39, с. 29]. Сходную позицию занимают и многие советские демографы; автор также отдал дань такому подходу [57, с. 69—70]. При этом иногда главная цель формулируется в самом общем виде, например как все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей всего населения [174, с. 6]. В других же случаях она получает более конкретное определение, и тогда особенно ясно выступает отношение к населению как к средству, а к демографическим целям как к подчиненным: «Целью демографической политики... должно быть обеспечение таких темпов роста населения, которые достаточны для решения обществом стоящих перед ним задач, таких темпов, которые не вызывали бы противоречий между численностью населения и энергетиче-

скими, минерально-сырьевыми, продовольственными и водными ресурсами» [52, с. 10]. Иногда прямо пишут о необходимости «приспособления развития народонаселения к потребностям производства» [85, с. 11].

Существует и иная точка зрения на место демографических целей среди других целей общества. «Если социалистическое общество имеет своей целью всестороннее развитие человеческой личности, то во главу угла экономической и социальной политики будут поставлены действия, направленные на приближение общества к этой цели. Вопрос о том, каким должно быть количественное развитие населения, дабы ускорить это приближение, следует рассматривать как второстепенный. Мы исходим... из того неоднократно обговоренного принципа, что экономическое развитие необходимо приспособлять к изменениям в режиме воспроизводства населения, а не наоборот» [136, с. 37—38]. Однако эта точка зрения высказывается реже и, кажется, менее развита.

Последовательное развертывание каждой из намеченных в приведенных высказываниях точек зрения приводит к формулированию двух различных подходов к определению специфически демографических целей. Первый из них можно условно назвать *инструментальным*, второй — *ценностным*. И тот, и другой обладают своей системой посылок и своей внутренней логикой, к рассмотрению которых мы обратимся несколько ниже.

7 Отдельные примеры демографической политики, в которой присутствуют все три названные нами признака, можно отыскать в прошлом, скажем, в Древнем Риме времен Октавиана Августа или во Франции времен Кольбера [179], но как широко распространенное, массовое явление она — феномен XX в. Характерный пример такой демографической политики — меры, направленные специально на снижение рождаемости в ряде развивающихся стран.

Особое значение, которое приобретает демографическая политика в наше время, объясняется, по меньшей мере, двумя обстоятельствами.

Во-первых, возникновение современного типа воспроизводства населения связано со значительным *обособлением демографической сферы от других социальных сфер*. Впервые в истории преодолевается нерасчлененность деятельности, форм поведения, регулирующих его норм, институтов и т. п., демографические аспекты жиз-

ни общества и человека становятся все более самостоятельными объективно, а стало быть, доступными вычлениению в сознании. Все это создает предпосылки для появления демографического самосознания общества и отдельной семьи или отдельного человека, а значит, и для сознательного целеполагания в демографической области, без чего демографическая политика невозможна.

Во-вторых, возникновение современного типа воспроизводства населения неотделимо от *внутренней дифференциации демографической сферы*, огромного роста ее сложности, а потому и разнообразия управляющих воздействий на демографические решения людей, которое *само должно быть упорядочено*. Рост разнообразия управляющих воздействий — ответ на расширение разнообразия демографических возможностей, поля выбора демографических исходов, реально доступных человеку. Прежде вся управляющая социальная информация, касавшаяся поведения человека в демографической сфере, была сконцентрирована в небольшом числе простых, стабильных и общеобязательных норм и правил, с детства знакомых каждому человеку. Теперь на человека постоянно обрушивается мощный многослойный поток самых различных воздействий, к тому же непрерывно меняющихся вслед за изменением демографической, социально-экономической и прочей ситуации. Все эти воздействия несут определенную управляющую информацию, многообразную, нередко противоречивую, даже взаимоисключающую.

Человек получает свободу демографического выбора, но этот выбор оказывается зависящим от стихийно формирующегося потока управляющих воздействий и потому случайным с точки зрения функционирования демографической системы. Упорядочить этот поток в соответствии с какими-либо критериями, ограничить разнообразие управляющих воздействий и уменьшить элемент случайности в процессе выбора демографических решений — значит управлять социальным управлением демографическими процессами. Демографическая политика и есть такое «управление управлением», метауправление.

Таким образом, необходимость в демографической политике в наше время вытекает прежде всего не из каких-то сбоев и нарушений в ходе воспроизводства населения, а из самой возросшей внутренней сложности

функционирования демографической системы. Но важность и актуальность такой политики, конечно, намного увеличиваются в связи с особым, переходным характером современного этапа демографической истории — этапа демографической революции.

В период демографической революции рядом со старым механизмом социального управления демографическими процессами, который функционирует все менее эффективно, появляется новый, постепенно набирающий силу, старые демографические отношения сосуществуют с новыми, между ними разворачивается борьба, тесно связанная со всей борьбой между старым и новым, между стоящими за тем и другим социальными силами. Общий исход такой борьбы в пользу нового исторически предрешен, но для целых поколений людей весьма важно, как скоро и в каких конкретных формах разрешится конфликт старого и нового.

Демографическая революция бесшумна, бескровна, но это все-таки революция: крутая ломка отношений, имеющих тысячелетние устои, переход к чему-то новому, неизведанному, становящемуся. Избежать этого этапа развития нельзя, так же как нельзя сделать его абсолютно безболезненным, лишенным каких бы то ни было отрицательных последствий. «Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития ... — писал К. Маркс, — не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [9, с. 10]. В сокращении и смягчении «мук родов» новых демографических отношений и состоит главная задача демографической политики в эпоху демографической революции.

Во время демографической революции такая политика приобретает особенно большое значение, ее задачи и возможности в этот период, видимо, особенно велики. Отнюдь не случайно замечание З. Павлика по поводу того, что «мотивы демографической политики в любой стране необходимо оценивать прежде всего с точки зрения того, находится ли данное общество накануне демографической революции, после нее или же в процессе ее осуществления» [136, с. 39—40].

Однако и в период демографической революции, а тем более в обычной, «нормальной» ситуации демографическая политика может далеко не все, ее возможнос-

ти ограничены объективными закономерностями функционирования демографической системы. Это приходится подчеркивать, потому что сейчас в демографической литературе объективное нередко смешивается со стихийным, а сознательное воздействие противопоставляется и тому, и другому. Например, В. А. Борисов видит задачу демографической политики как раз в том, чтобы воздействовать на объективно обусловленные процессы, и говорит, что она должна «сознательно использовать одни закономерности для изменения других закономерностей» [47, с. 223]. Что чему здесь противопоставляется: сознательное стихийному или субъективное объективному? Первое было бы оправданно, но здесь, скорее, имеет место второе. Само объективное нередко понимается слишком узко, просто как некоторые внешние «объективные факторы». Мы же, говоря об объективном, имеем в виду прежде всего закономерности самодвижения системы, ее необходимые внутренние связи и отношения.

Некоторым демографам «представляется неправомерной точка зрения о том, что демографические процессы являются саморегулирующейся системой и потому «все само собой образуется» в ходе развития общества» [174, с. 9]. Здесь — то же отождествление объективного со стихийным. Почему из признания саморегулирования демографической системы должен обязательно следовать вывод о том, что все само собой образуется? Ведь это же не физическая система, а социальная, состоящая из людей. Разве проводимая людьми политика не может быть проявлением сил саморегулирования демографической системы? Разве она может быть чем-то иным? Процессы саморегулирования могут быть стихийными и сознательными. Во втором случае люди используют для ускорения и облегчения развития свое понимание объективных тенденций этого развития, но не более того. Они не могут ни изменить этих тенденций, ни добиться успеха, противодействуя им.

Признание способности демографической системы к саморегулированию, самоуправлению очень важно для нашего понимания демографической политики. Нет никаких оснований истолковывать его как синоним ненужности такой политики, как упование на стихийные механизмы управления демографическими процессами и т. п. Речь идет совершенно о другом. Если признается, что

система обладает устойчивыми внутренними связями и отношениями, «внутренней средой», обеспечивающей относительную независимость состояний системы от внешних воздействий, то и влиять на поведение системы методами демографической политики можно только «изнутри», «встраиваясь» во внутренние механизмы управления системой (стало быть, ее самоуправления). Если же такой «внутренней среды» нет, то поведение системы есть сумма простых реакций на изменения внешних условий, тогда и политика должна заключаться в как можно более эффективном контроле этих изменений.

Согласно нашей концепции главное — это то, что находится «внутри» системы: устойчивые демографические отношения и защищающая их социокультурная надстройка. Эта надстройка, включающая в себя соответствующие ценности, институты, нормы поведения и т. п., образует «заградительный барьер», «информационное кольцо, сито, ограждение», благодаря чему «система корректирует свое поведение, избегая непосредственного контакта с опасными факторами среды, пропуская во внутрь себя только те воздействия, которые способствуют сохранению качественной определенности системы, достижению поставленной (лучше бы сказать «стоящей». — А. В.) перед ней цели» [33, с. 38—39]. Поэтому демографическая политика, сводящаяся к воздействию на общие условия жизни людей, например на уровень благосостояния, формы труда и отдыха и т. п., но не затрагивающая собственно демографические ценности, как правило, не может быть эффективной. Успех — и то лишь в определенных, исторически очерченных границах — могут принести только более специализированные, специфические воздействия непосредственно на систему ценностей, на социокультурную сферу, окружающую демографические отношения, а через нее и на сами эти отношения.

Демографические отношения — материальное ядро «внутренней среды» демографической системы. Не влияя на них, нельзя воздействовать и на массовое демографическое поведение, которое возможно только в рамках этих особых социальных отношений. Стало быть, именно демографические отношения — главный объект демографической политики, и важно понять, можно ли вообще на них воздействовать, и если да, то какими методами и в каких пределах. Но прежде надо разобраться в том,

для чего вообще может понадобиться такое воздействие, рассмотреть вопрос о целях демографической политики.

4.2. ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ (КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ) ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Как уже отмечалось, возможны два подхода к определению целей демографической политики: инструментальный и ценностный. Мы начнем с первого, который можно также назвать *количественным* или *ресурсным*. Ни одно из этих названий не нуждается в специальных разъяснениях, смысл их ясен из дальнейшего.

К определению целей демографической политики проще всего подойти с чисто количественных позиций. Количественные меры демографических процессов и состояний — уровни рождаемости и смертности, численность населения, темпы ее роста, половозрастная структура — важны с точки зрения самых разных сторон функционирования общества. Экономика любой страны, ее оборона, организация систем просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, многообразные социальные процессы чувствительны к величине и структуре различных возрастных контингентов, к количеству и скорости обновления трудовых ресурсов, соотношению молодежи и стариков, среднему размеру семьи и т. д. Кажется совершенно естественным попытаться воздействовать на все эти характеристики таким образом, чтобы они стали наиболее благоприятными с точки зрения тех аспектов жизнедеятельности общества, на которые они влияют, иначе говоря, взглянуть на них главным образом в контексте поиска инструментов для решения разного рода недемографических задач.

Теоретическим выражением такого подхода служит получившая очень широкое распространение концепция демографического оптимума. Считается, что в современном виде эту концепцию впервые сформулировал английский экономист Э. Кэннан (1888 г.), хотя у него было много отдаленных предшественников, среди которых называют Платона, Т. Мора, Д. Ботеро, Н. Макиавелли, ряд авторов XVIII—XIX вв [162, т. 1, с. 99] Термин «оптимум населения» впервые встречается у К. Висселля (1910 г.). В советской литературе концепция де-

мографического оптимума рассматривалась в работах А. Я. Боярского, А. Я. Кваши, некоторых других демографов [48, с. 47—63; 55; 57; 90; 92, с. 93—133].

В основе концепции демографического оптимума лежат простые послышки. Отдельные демографические характеристики оказывают самостоятельное влияние на различные стороны развития общества. При этом с точки зрения разных аспектов общественного развития одна и та же демографическая тенденция может приводить к различным, иногда даже противоположным по смыслу последствиям. Высокие темпы роста населения могут в целом положительно оцениваться с военной точки зрения и отрицательно с экономической, положительно с экономической и отрицательно с экологической и т. п. Даже с точки зрения какого-либо одного аспекта жизни общества, например экономического, оценка демографических тенденций может быть противоречивой. Различные следствия одних и тех же демографических тенденций не раз обсуждались в литературе [50; 55; 162, т. 1 и др.], здесь нет нужды подробно останавливаться на них снова. Важно только подчеркнуть, что эти следствия могут быть как положительными, так и отрицательными одновременно, в силу чего возникает задача выяснить, какая из групп следствий — положительных или отрицательных — перевешивает, найти общий эффект, суммарный социальный результат действия демографического фактора. Концепция демографического оптимума как раз и связана с представлением о таких демографических показателях, при которых этот результат становится наилучшим.

Пусть имеются некоторые социальные результаты (социальный результат понимается здесь в широком смысле как результат любого вида социальной деятельности, отличной от демографической), которые при прочих равных условиях можно рассматривать в качестве функции независимой демографической переменной. Сколь бы ни было условно допущение «прочих равных условий», нельзя отрицать, что демографический фактор оказывает самостоятельное влияние на различные стороны развития общества, и поэтому правомерна попытка хотя бы теоретически выделить это влияние в чистом виде. Если демографическая переменная изменяется в определенном направлении, то соответственно изменяется и ее функция, и мы получаем кривую эффекта, описы-

вающую изменение социального результата в зависимости от динамики демографической переменной. Назовем ее *кривой недемографического эффекта*.

Эта кривая может вести себя различным образом. О демографическом оптимуме есть основания говорить только в том случае, если функция эффекта имеет участок возрастания, на котором приращение демографической переменной увеличивает получаемый эффект, участок убывания, на котором приращение аргумента влечет за собой уменьшение эффекта, а также точку или область, в которой получаемый эффект достигает максимума. Обычно считается (хотя едва ли это когда-либо было строго доказано), что функция недемографического эффекта ведет себя именно таким образом. Значение демографической переменной, при котором значение функции достигает максимума, оптимально. Разумеется, точно так же можно рассмотреть вопрос о динамике отрицательного эффекта, и тогда оптимум будет соответствовать не максимуму, а минимуму функции. В любом случае нужно брать достаточно широкий интервал изменений демографической переменной, чтобы не оказаться по одну сторону от оптимума.

В качестве независимой демографической переменной, равно как и измерителя эффекта, могут применяться статические характеристики, которые приводят к понятию статического демографического оптимума. Можно, скажем, рассматривать величину национального дохода на душу населения в качестве функции численности населения страны (подобно тому, как можно рассматривать производительность труда на предприятиях в зависимости от величины предприятия). Соответственно можно говорить об оптимальной численности населения.

Такой статической постановке вопроса можно противопоставить динамическую, при которой сопоставляются не сами величины, а темпы их изменения. В нашем примере это означало бы рассмотрение темпа роста национального дохода на душу населения в качестве функции темпа роста населения. Подобный подход приводит к понятию динамического демографического оптимума, к представлению не об оптимальной численности, а об оптимальном режиме воспроизводства населения.

Выбор показателей для характеристики как демографического фактора, так и получаемого эффекта пред-

ставляет собой самостоятельную задачу и далеко не простую. Но если показатели уже выбраны, всегда можно указать оптимальное значение демографического показателя.

Анализ кривой недемографического эффекта, как она понималась до сих пор, еще не может быть использован непосредственно для определения целей демографической политики. Он, в лучшем случае, позволяет судить о демографическом идеале, но ничего не говорит ни об осуществимости такого идеала, ни о той цене, которую общество должно заплатить за его осуществление. Реальная же цель политики должна отражать представления не только о желаемом, но и о возможном, достижимом — без этого нельзя рассчитывать на то, что политика будет эффективной.

Указанный недостаток преодолевается, если оптимум, найденный путем анализа кривой недемографического эффекта, трактовать как частный, *локальный*, имея в виду, что мы получили его, рассматривая демографическую систему как изолированную, а экзогенные характеристики режима воспроизводства населения — как независимые переменные. Но сама постановка вопроса об оптимизации этих характеристик с помощью средств демографической политики исключает их трактовку как независимых переменных. Обычно они понимаются как зависящие от целенаправленных усилий, от доступных для использования на демографические нужды материальных и прочих ресурсов. Стало быть, при определении реальных целей демографической политики необходимо учитывать ограниченность этих ресурсов.

В каждый данный момент дополнительные ресурсы для проведения демографической политики могут быть получены только за счет какой-либо другой области человеческой деятельности, где вследствие этого произойдет снижение получаемого эффекта. Естественно, что такую перегруппировку ресурсов имеет смысл производить только в том случае, если получаемый выигрыш перекроет снижение эффекта в тех областях, откуда изымаются ресурсы, и если нет никакой другой области, перераспределяя ресурсы в пользу которой, можно получить еще большее приращение эффекта. Если все компоненты суммарного социального эффекта всех видов человеческой деятельности взаимозаменяемы, то тео-

ретически возможно найти распределение ресурсов, оптимальное с точки зрения функционирования всего общества (*глобальный оптимум*), которое и укажет оптимальный объем и состав ресурсов, подлежащих выделению на демографические нужды. Эти ресурсы могут очень сильно отличаться от оптимальных в смысле локального демографического оптимума, но именно на них следовало бы ориентироваться при определении реальных целей демографической политики [57, с. 74—80].

Подход к определению целей демографической политики с использованием концепции демографического оптимума выглядит убедительным. Моделирование влияния демографической сферы на другие области социальной жизни и исследование функции недемографического эффекта позволяют дать ясное и лаконичное описание пусть гипотетической, но правдоподобной схемы такого влияния и понять структуру и вероятные результаты взаимодействия различных факторов, когда, как это часто бывает в действительности, и то, и другое не очевидно. Они дают возможность свести воедино различные соображения (а при наличии соответствующей статистики то же можно было бы сделать и со статистическими данными), касающиеся зависимостей, возникающих при сложном взаимодействии демографической системы с другими подсистемами общества, внутренней структуры этого взаимодействия.

Возможность такого формального синтеза и его довольно широкая распространенность во многом способствуют упрочению позиций инструментального подхода к определению демографических целей, поскольку позволяя перевести общие представления о влиянии тех или иных демографических показателей на экономические, социальные и прочие процессы на строгий математический язык. Создается впечатление, что взгляд на цели демографической политики как на подчиненные другим, более важным целям зиждется на строгом научном основании, а выгоды от проведения такой политики можно измерить чуть ли не рублем. А если это так, то нет ничего более разумного, нежели, подсчитав соответствующие выгоды, направить необходимые средства на достижение демографических показателей, наиболее благоприятных для решения стоящих перед обществом экономических, социальных и прочих задач. В этом и будет заключаться демографическая политика.

Однако такое понимание целей демографической политики вступает в противоречие с общим взглядом на функционирование демографической системы, развиваемым в этой книге, вызывает критику, которая позволяет вскрыть узость инструментального подхода, его недостаточную «общесоциальность»¹.

Хотя теоретически можно говорить о нахождении «глобального» демографического оптимума, на практике учесть все вероятные последствия демографических изменений едва ли возможно — они слишком многочисленны и разносторонни. Не случайно попытки количественного определения демографического оптимума для конкретных населений не оставили сколько-нибудь заметного следа в истории демографической или экономической мысли [53, с. 51]. Конкретность рассуждений о выгодах тех или иных демографических показателей оборачивается опасностью недооценки синтетического, всепроникающего влияния демографической сферы на все другие области социальной жизни.

В то же время «инструментальное» понимание целей демографической политики грешит явной недооценкой специфичности функций демографической системы. Демографическая политика трактуется, по сути, как некая разновидность экономической деятельности, которая в свою очередь здесь «как будто выступает уже не как отдельная эмпирически данная область человеческой деятельности, а как способ связи, способ рассмотрения, парадигма самой этой деятельности» [113, с. 79]. Мы снова мыслим «демографического человека», более того, «социального человека» как «экономического человека», живущего в мире всеобщей взаимозаменяемости и способного двигаться только по рельсам эквивалентного обмена.

Инструментальный подход тесно связан с представлением, что всегда можно получить демографические результаты в обмен на экономические усилия, в частности, всегда можно направить демографические процессы в желаемое русло, воздействуя с достаточной силой на конкретные условия жизни людей: уровень жизни, потребление и т. п.

¹ Критикуя инструментальный подход к определению целей демографической политики, автор помнит, что он и сам был прежде его сторонником.

Никто не считает эту задачу простой, но сложность ее обычно явно или неявно отождествляется прежде всего с ресурсоемкостью демографической политики. Во всяком случае надежды на считающиеся благоприятными изменения демографических тенденций большинство специалистов связывает, как правило, с перераспределением ресурсов в пользу демографической сферы. Например, среди мер, направленных на повышение рождаемости, в первую очередь называют увеличение ресурсов, поступающих в распоряжение семьи либо непосредственно (семейные пособия), либо через общественные фонды потребления, предлагают уменьшить производственную занятость женщины, что тоже рассматривается как переброска ресурсов (труда) из производственной в демографическую сферу и т. п. [174, с. 160—165; 177, с. 291—306]. При этом иногда прямо приходят к выводу, что имеющиеся источники ресурсов «сейчас еще не могут быть достаточны для действенных изменений сложившихся процессов» [40, с. 31]. Было бы больше ресурсов — положение можно было бы изменить — такова присутствующая здесь логика.

Воздействовать на демографическое поведение при таком подходе — значит воздействовать на ресурсы, направляемые на демографические цели, а ограниченность возможностей такого воздействия определяется естественной лимитированностью ресурсов. Подобная логика пронизывает и все рассуждения, связанные с концепцией демографического оптимума. Ведь применение этой концепции для определения целей демографической политики имеет смысл только в том случае, если существует достаточно широкая зона изменений демографических показателей, среди которых можно выбирать желаемые и добиваться их достижения с помощью маневра ресурсами.

Правда, и сторонники определения целей демографической политики на основе нахождения демографического оптимума не сводят все только к ресурсам, вводят ограничения, отражающие качественное своеобразие демографической системы, скажем недопустимость суженного воспроизводства [92, с. 104, 109]. Но в этом-то как раз и проявляется невозможность последовательного проведения инструментально-ресурсной логики, ее ограниченность, которая и толкает на поиски других подходов. Исходя из нашей общей концепции социаль-

ного управления демографическими процессами, ресурсному пониманию механизма такого управления (а именно такое понимание просматривается за инструментальным подходом к определению целей демографической политики) естественно противопоставить его ценностное понимание.

4.3. ЦЕННОСТНЫЙ (КАЧЕСТВЕННЫЙ) ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Управление поведением людей через управление ресурсами предполагает широкую взаимозаменяемость компонентов эффекта различного использования ресурсов. Такая взаимозаменяемость может быть очень велика внутри экономической сферы, но за ее пределами дело обстоит иначе. Границы возможного эффекта функционирования различных подсистем общества достаточно жестко обусловлены как объективной целью функционирования каждой из таких подсистем, необходимостью ее выживания, сохранения ее целостности и качественной специфики, так и взаимодействием между собой всех подсистем, их конкуренцией. В результате такого взаимодействия складываются — независимо от воли людей — реальные демографические отношения и соответствующие им терминальные, незаменимые демографические ценности. Они вырастают, встраиваются в общую систему ценностей и служат главным социальным ориентиром демографического поведения людей и одновременно главным барьером, защищающим это поведение от любых воздействий извне.

Ценностная обусловленность демографического поведения как раз и делает несостоятельным инструментальный подход к определению целей демографической политики и одновременно объясняет название, которое мы дали противостоящему ему *ценностному* подходу. При таком подходе истолкование демографических тенденций и способы воздействия на них надо искать не в сфере распределения ресурсов, а в ценностной сфере, в системе ценностей данного общества, которая, определяя постановку и ранжирование его целей, управляет тем самым и распределением ресурсов.

Ценностный подход к определению целей демографической политики с не меньшим основанием можно назвать *качественным*, ибо он ориентирован прежде всего на охрану качественной специфики демографической системы и в этом смысле противостоит количественной ориентации инструментального подхода. Инструментальный подход направляет демографическую политику на цели, лежащие за пределами демографической системы, предполагает большее или меньшее приспособление количественных характеристик воспроизводства населения к интересам и целям других подсистем общества (например, экономической). Ценностный же подход выводит цели демографической политики из внутренних закономерностей функционирования самой демографической системы, требует отстаивания ее собственных интересов и целей, их законного места среди многочисленных и разнообразных интересов и целей общества.

Очевидно, что слово «цель» употреблено выше в двух разных смыслах. Одно дело — объективная цель системы, существующая независимо от сознания людей, другое — цель политики, т. е. отраженная в сознании, правильно или неправильно понятая цель системы. В задачи науки как раз и входит выработка путей верного понимания объективной цели системы, отсеивания поверхностных, основанных на «здравом смысле», упрощенных представлений о целеполагании в демографической области. Сторонники инструментального подхода к определению целей демографической политики могут увидеть в такой постановке вопроса недооценку субъективного фактора в проведении демографической политики, стеснение свободы целеполагания. Но эта свобода и в самом деле не очень велика. Как писал В. И. Ленин, «на деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его... как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)» [19, с. 170—171].

Подчеркивая первостепенность качественных целей демографической политики, мы должны в то же время избежать абсолютного противопоставления качественных и количественных аспектов воспроизводства населения, напротив, попытаться понять их как неразрывные стороны одного и того же процесса функционирования демографической системы.

Конечная цель такого функционирования — поддержание демографического равновесия, и коль скоро такое равновесие обеспечивается, качественную цель можно считать достигнутой. Но этот качественный итог ничего не говорит о весьма важных для политики «количественных» вопросах, связанных с движением к цели, об эффективности самого этого движения. Какую цену общество платит за получение необходимого демографического результата? К демографическому равновесию могут вести разные пути — это видно и при широком историческом взгляде на демографические процессы, и при анализе локальных демографических ситуаций.

На протяжении всей книги мы стремились показать, что, так как условия демографического равновесия в ходе истории не остаются неизменными, вместе с ними должны меняться и механизмы управления протекающими в системе процессами, и сам характер этих процессов. Уместно поставить вопрос, в каком случае эти процессы «лучше», а в каком «хуже», попытаться оценить эффективность, *качество функционирования* демографической системы как при различных исторических типах управления, так и в рамках одного и того же типа.

Качество функционирования демографической системы, в нашем понимании, — это мера, отражающая единство качественной и количественной сторон воспроизводства населения и дающая основание для аксиологического рассуждения. Вся демографическая история может рассматриваться как движение вдоль «узловой линии» этой меры, как процесс восхождения, который в каждой узловой точке (т. е. при переходе от одного исторического типа воспроизводства населения к другому) несет с собой более эффективное управление демографическими исходами, а потому и новое, более высокое качество функционирования демографической системы, всегда означает шаг на более высокую ступень развития.

Хотя эффективность управления, а значит, и функционирования системы обычно связываются с ограничением разнообразия (широко известны слова У. Эшби о том, что из ограничения разнообразия обычно можно извлечь пользу [194, с. 185]), это не значит, что всякое разнообразие — зло. Напротив, «польза» от ограничения *данного* разнообразия нередко заключается именно

в том, что при этом расширяется иное, полезное разнообразие. Скажем, ограничение разнообразия необходимости всегда расширяет разнообразие свободы. Этот эффект хорошо прослеживается в истории вообще и в демографической истории в частности. При архетипе и традиционном типе воспроизводства населения общество не владеет способами ограничения разнообразия факторов смертности, потому очень невелико и допустимое разнообразие прокреационных исходов. Когда же разнообразие факторов смертности оказывается ограниченным, увеличивается разнообразие возможностей в сфере прокреации, но при этом увеличивается разнообразие не только демографического, но и общесоциального выбора, у общества появляются новые пути, новые возможности использования ранее скованных требованиями демографической необходимости сил, времени, средств для достижения многообразных недемографических целей. Здесь на примере демографической системы мы видим, как ограничение разнообразия на одном иерархическом уровне ведет к его росту на другом, более высоком, и как при этом увеличивается разнообразие в надсистеме (в данном случае в обществе в целом), как нарастает ее сложность, универсальность, полифункциональность.

Такого рода изменения и могут трактоваться как повышение качества функционирования демографической (а вместе с тем и всей социальной) системы. Они сопровождаются существенными изменениями отдельных сторон воспроизводственного процесса (интенсивностей рождаемости и смертности, возрастной структуры). Но качественная определенность демографической системы при этом сохраняется, и те количественные параметры, которые характеризуют ее как динамическое целое, не изменяются. В частности, демографическое равновесие может поддерживаться и такие важнейшие параметры на выходе системы, как нетто-коэффициент воспроизводства населения или темпы роста его численности, могут быть практически одинаковыми как при высоких, так и при низких уровнях рождаемости и смертности. Об этом свидетельствует, в частности, график на рис. 3 (с. 50), где переход от одного исторического типа воспроизводства к другому сопровождается смещением области наиболее вероятных режимов воспроизводства населения справа налево вдоль линии

простого воспроизводства. Различия, стало быть, не столько в результатах воспроизводственного процесса, сколько в том, какой ценой достигаются эти результаты и что выигрывается (или проигрывается) при переходе от одного типа социального управления демографическими процессами к другому.

О качестве функционирования демографической системы можно говорить не только при сравнении различных исторических типов воспроизводства населения, но и применительно к какому-либо одному из них. Хотя здесь не может быть столь значительных различий в качестве функционирования, какие существуют между типами, общие закономерности, свойственные каждому типу воспроизводства населения, могут реализовываться по-разному в зависимости от общественного строя, конкретных исторических условий и множества других факторов, демографическая система может функционировать «лучше» и «хуже». И здесь высокое качество означает поддержание демографического равновесия как можно более низкой ценой для общества.

Суммируя изложенное, можно сказать: если демографическое равновесие надежно поддерживается и цена, которую платит за это общество, относительно мала, качество демографического функционирования высокое. Если же демографическое равновесие не поддерживается, поддерживается ненадежно или даже поддерживается надежно, но общество платит за это цену большую, чем требуется в данных исторических условиях, то качество демографического функционирования низкое.

В целом, таким образом, представление о качестве функционирования демографической системы связывается с местом, занимаемым этим функционированием во всей жизнедеятельности социального организма. Чем более локализовано демографическое функционирование и чем вследствие этого шире универсальные (а не специализированные!) возможности общества — разумеется, при условии обеспечения демографического равновесия, — тем выше качество демографических процессов. Совершенно естественно поэтому стремление общества к повышению этого качества.

Такое стремление может получить разное выражение, быть стихийным и сознательным. В первом случае имеет место длительный, иногда растянутый на века процесс интуитивного учета в отдельных частных реше-

ниях выгод, которые несет с собой повышение качества демографического функционирования (ведь его эффект пронизывает абсолютно все стороны человеческой жизни). Во втором же случае выгоды от более высокого качества демографического функционирования (или потери из-за его более низкого качества) ясно осознаются, и общество в лице его институтов реализует те или иные меры, направленные на повышение этого качества.

И в первом, и во втором случае речь идет о действиях, направленных на совершенствование функционирования демографической системы хотя и в интересах всего общества, но безотносительно к каким-либо конкретным, специфическим его целям. Ввиду универсальности эффекта такой деятельности она не может быть заменена никакой другой, она также качественно специфична, как и сама демографическая система.

Таким образом, какие бы цели ни стояли перед обществом и как бы они ни были важны, всегда рядом с ними существует и особая, самостоятельная, незаменимая цель обеспечения должного, исторически обусловленного качества функционирования демографической системы. Именно такую цель в отличие от всех целей общества логично считать демографической, а сознательные, институционально организованные усилия, направленные на достижение этой цели, трактовать как собственно демографическую политику.

Для того чтобы такая цель могла быть операционализована, приобрела конкретность и количественную определенность, необходимо представление о *критериях* качества функционирования демографической системы. Не претендуя на исчерпывающий перечень, выделим четыре важные характеристики, которые могут служить подобными критериями; *результативность, устойчивость, экономичность и управляемость*. Они отражают разные стороны функционирования системы и лишь взятые вместе позволяют с достаточной обоснованностью судить о его качестве.

Результативность. Под результативностью будем понимать способность процесса привести к необходимому конечному результату, обеспечить самосохранение системы и выполнение ею своих основных функций. Понятно, что функционирование можно считать высококачественным, только если оно с достаточной сте-

пенью надежности ведет к достижению этого результата, в нашем случае — к поддержанию демографического равновесия, соблюдению объективных демографических и недемографических ограничений. Если же эти ограничения систематически нарушаются, воспроизводственные исходы, как правило, выходят за границы области допустимых режимов, то мы имеем дело с низким качеством функционирования демографической системы. Следствием такого низкокачественного, несовершенного функционирования может быть либо постепенная деградация системы, вымирание населения, либо, напротив, демографическая экспансия, ведущая к нарушению равновесия между демографическими и другими социальными процессами.

Результативность может быть описана как усредненное за тот или иной период отклонение таких показателей, как R_0 или r , от уровня простого воспроизводства. Отсутствие отклонения или небольшое положительное отклонение — свидетельство высокого качества функционирования. Отрицательное или очень большое положительное отклонение — признак низкого качества.

Высокая результативность функционирования — одна из наиболее важных его характеристик, она непосредственно связана с сохранением качественной специфики системы во все исторические эпохи, и демографическая политика наиболее очевидным образом связывается именно с этой характеристикой. Однако она не должна заслонять другие критерии качества функционирования, о которых речь пойдет ниже.

Применительно к результативности едва ли можно говорить о какой-либо исторической тенденции ее динамики, о ее повышении или понижении, скажем, со времен античности до наших дней. И тогда, как и теперь, возможны были и более высокая, и более низкая результативность — в зависимости от конкретных условий, в которых протекало воспроизводство населения. Что же касается устойчивости, экономичности, управляемости, которые в отличие от результативности характеризуют не сам результат воспроизводства, а способы движения к нему, то их изменения говорят о существовании исторической тенденции к повышению качества функционирования демографической системы.

Устойчивость. Замечание о необходимости при оценке результативности воспроизводственного процес-

са учитывать усредненное значение отклонений не случайно. Воспроизводство населения — вероятностный процесс, его режимы постоянно меняются. В переходные периоды эти изменения возможны в одном определенном направлении, что связано с необратимым смещением влево зоны допустимых режимов (см. рис. 3). Но более обычна ситуация, когда параметры режима колеблются вокруг некоторых неизменных уровней, соответствующих более или менее постоянным условиям демографического равновесия. Частоту и размах таких колебаний естественно рассматривать в качестве характеристики устойчивости функционирования демографической системы.

Колебания режимов воспроизводства у людей, разумеется, не столь велики, как подобные колебания у животных, но все же они могут быть очень значительными. Однако по мере перехода от одного исторического типа воспроизводства к другому устойчивость режимов возрастает. До современной демографической революции воспроизводственный процесс всегда сопровождался частыми резкими кратковременными колебаниями, «демографическими кризисами», катастрофически нарушавшими его течение, а также и более мелкими, но тоже достаточно существенными отклонениями от положения равновесия.

Рис. 17⁷ дает представление (в силу несовершенства используемых показателей — общих коэффициентов — лишь приблизительное) об изменении в колеблемости параметров режима воспроизводства населения при переходе от традиционного к современному его типу. Колебания есть и сейчас, но они имеют совершенно иной характер, нежели в прошлом, лишены резкости, внезапности и частоты, которые делали столь лихорадочным течение процесса воспроизводства населения традиционного типа.

Экономичность воспроизводства населения — еще одна важнейшая характеристика качества функционирования демографической системы, а значит, и качества управления протекающими в ней процессами. Под экономичностью здесь, как и во всех других случаях, понимается соотношение затрат и результатов. Пользуясь обычными демографическими мерами, «затраты» можно измерять брутто-коэффициентом, «результаты» — нетто-коэффициентом воспроизводства населения, а их

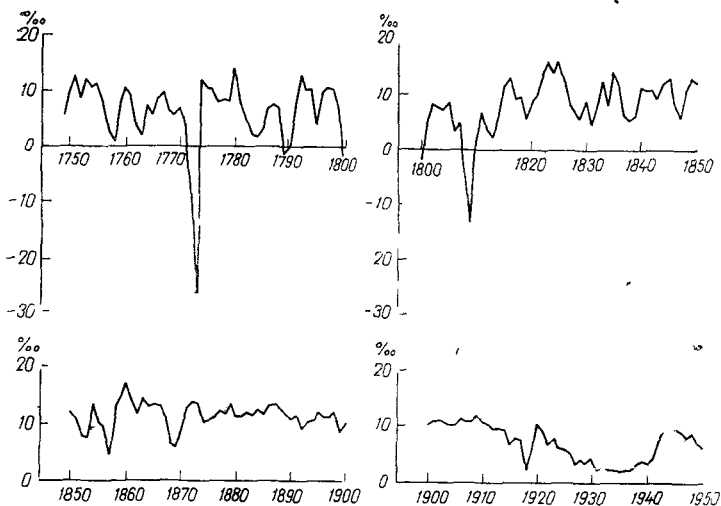

Рис 17. Уменьшение колебаний коэффициента естественного прироста населения Швеции с 1750 по 1950 г.

соотношение — ценой простого воспроизводства: числом девочек, которое необходимо родить в среднем каждой женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения

$$\rho = \frac{R}{R_0} \cdot$$

На графике, изображающем поле возможных режимов воспроизводства населения (см. рис. 1), величине ρ соответствует абсцисса точки пересечения линии простого воспроизводства с наклонными прямыми, отвечающими той или иной средней продолжительности жизни.

Высокая цена простого воспроизводства — свидетельство низкой экономичности функционирования демографической системы. Именно такой она и была на протяжении большей части истории, хотя и в прошлом можно обнаружить слабую тенденцию к повышению экономичности. При типичной для традиционных условий средней продолжительности жизни (от 20 до 30 лет) цена простого воспроизводства превышает 2 и даже 3. Но и когда средняя продолжительность жизни несколько повышается (до 35—40 лет), цена простого воспроизводства остается выше 1,5.

Лишь с переходом к современному типу воспроизводства населения произошло резкое снижение цены простого воспроизводства, которое говорит о подлинном перевороте в экономичности функционирования демографической системы. Процесс этот начался в некоторых западноевропейских странах в конце XVIII в., и теперь во всех странах, в которых установился современный тип воспроизводства населения, цена простого воспроизводства близка к 1, т. е. в 2—3 раза ниже, чем во времена господства традиционного типа воспроизводства населения в его классическом виде.

Рост устойчивости и экономичности воспроизводства населения во время демографической революции — в основном результат снижения смертности. Выигрыш, который получает при этом общество, настолько очевиден, что сами названные характеристики могут стать — и, по существу, становятся — целями демографической политики. Есть много побуждений, заставляющих все современные государства с большей или меньшей определенностью проводить политику, направленную на снижение смертности. За ними не всегда можно разглядеть важнейшее материальное основание — небывалую рационализацию производства самого человека, рост качества функционирования демографической системы и вытекающие отсюда огромные — и универсальные, охватывающие все стороны человеческой жизни — выгоды для общества. Во всяком случае, среди мотивов борьбы со смертью ему не всегда отводится должное место. Но даже если бы существовало только это основание, разве не было бы его достаточно, чтобы такое повышение качества функционирования демографической системы превратилось в одну из главнейших целей общества и его политики?

Управляемость. В росте устойчивости и экономичности воспроизводства населения находит выражение обусловленное снижением смертности расширение области демографической свободы и резкое ослабление зависимости функционирования демографической системы от внешних факторов. Но одновременно увеличивается роль внутренних регуляторных процессов, становится возможным и необходимым значительное развитие механизмов саморегулирования, самоуправления системы. И чем более эффективны эти механизмы, тем выше способность обществ использовать увеличившуюся

демографическую свободу в своих целях. Управляемость демографической системы, в нашем понимании, это и есть ее способность к наиболее полному использованию достигнутой обществом демографической свободы за счет воздействия на поведение системы сил ее саморегулирования.

Если устойчивость и экономичность связаны в основном с тем, насколько успешно воздействие общества на смертность, то управляемость воспроизводства населения отражает степень совершенства механизмов воздействия на рождаемость, ибо по мере расширения области демографической свободы функции главного регулятора воспроизводственного процесса все более переходят к рождаемости.

При анализе проблем управления рождаемостью мы видели, что развитие механизмов саморегулирования демографической системы, ведущее к повышению качества ее функционирования в условиях возрастающей демографической свободы, оказывается тесно связанным со способностью населения учитывать в своем прокреационном поведении объективные недемографические ограничения. В то же время развитие такой способности приводит к перестройке всей системы социального управления этим поведением и требует формирования новых механизмов учета демографических ограничений. Одновременно становятся необходимыми как рост разносторонности, универсальности человеческих потребностей, так и укрепление специфических демографических потребностей, что само по себе указывает на достаточную противоречивость поставленной историей задачи. Но без ее решения нет настоящей управляемости воспроизводства населения.

Опыт XX в. указывает на различные трудности в решении этой задачи. В одних случаях долгое время сохраняется незрелость механизмов учета недемографических ограничений, в результате чего увеличить область демографической свободы оказывается проще, чем научиться ее использовать (ситуация развивающихся стран). В других случаях, напротив, проблема заключается в том, чтобы преодолеть незрелость механизмов учета демографических ограничений, без чего нельзя предотвратить выход воспроизводственных исходов за границы области демографической свободы (таково положение во многих экономически развитых

странах). В обеих ситуациях демографическая политика (в сочетании с прогрессивной экономической и социальной политикой) может эффективно способствовать повышению зрелости, совершенства соответствующих механизмов, а тем самым и управляемости демографической системы, стало быть, и всего качества ее функционирования.

Мы лишь кратко затронули вопрос о критериях качества функционирования демографической системы, нуждающийся, вероятно, в гораздо более тщательной разработке. Но даже из сказанного ясно, что названные критерии дают некоторые основания для достаточно конкретной постановки целей демографической политики. Важно подчеркнуть, что все эти критерии — *внутренние*. Их формулирование не требует выхода за рамки демографической системы и обращения к экономическим, политическим или каким-либо другим особым недемографическим соображениям (хотя общее представление о месте демографической подсистемы среди других частей социального целого, конечно, требуется). Более того, само существование этих внутренних критериев указывает на неприменимость при определении целей демографической политики каких-либо внешних критериев. В противном случае следовало бы признать, что общество может получить общесоциальный выигрыш ценой целенаправленного ухудшения качества функционирования демографической системы.

Здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали этот раздел, — к отсутствию взаимозаменяемости функций различных подсистем общества, из чего вытекает и нецелесообразность, и невозможность проводить политику, направленную на приспособление демографических процессов к экономическим или каким-либо другим подобным нуждам. Спору нет, всегда можно найти множество экономических и других доводов, скажем, в пользу более быстрого (или более медленного — не в этом суть) роста численности того или иного населения. Но при постановке целей демографической политики нельзя ограничиваться одним только обозначением желаемого результата, надо также оценить возможности его достижения, ясно представить себе пути следования к этому результату. В противном случае поставленная цель рискует остаться не более чем благим пожеланием. Поэтому, формулируя цель политики, и приходится связы-

вать ее с общим представлением о механизме функционирования демографической системы и двигаться к постановке цели, отражая в логике теоретического рассуждения действительную логику формирования результата функционирования демографической системы.

Если главные ориентиры демографического поведения — специфические демографические ценности, то и воздействовать на результаты поведения можно, только используя эти ориентиры, а не игнорируя их, — этим определяются контуры области приемлемых целей демографической политики. Она может быть успешной только в той мере, в какой позволяет воздействовать на ценности, а через них и на реальное поведение людей. Если такое воздействие направлено на повышение качества функционирования демографической системы, оно соответствует природе демографических ценностей, их объективному назначению, самому смыслу их существования и потому может быть эффективным. Если же пытаться воздействовать на них во имя каких-то иных целей, это будет использованием демографических ценностей не по назначению, что едва ли принесет ожидаемые результаты.

4.4. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

После всего изложенного можно уточнить данное ранее определение демографической политики. Теперь мы определим ее как *институционально организованное воздействие на демографические отношения, направленное на изменение или сохранение качества функционирования демографической системы.*

Нет ли противоречия в самой этой формулировке? Возможно ли в принципе такое воздействие? Ведь ранее мы неоднократно подчеркивали прочность демографических отношений и надстроенных над ними ценностей, их устойчивость по отношению к разного рода внешним воздействиям, теперь же сами собираемся на них воздействовать.

Что касается *возможности* повлиять на демографические отношения, то она может быть создана самим развитием демографической системы, вытекающим из этого развития нарушением непроницаемости окружаю-

щего систему защитного барьера. Меры демографической политики, содействуя или препятствуя протекающим внутри системы процессам, сами играют роль уже не внешних, а внутренних воздействий, а потому оказываются намного более эффективными, способными приводить к заметным изменениям в демографических отношениях, в системе демографических ценностей и т. п. К такому же результату могут, конечно, привести и прямые внешние воздействия, но они должны быть очень сильными (например, острые кризисы, угрожающие самому существованию данного общества).

Но возможность воздействовать на демографические отношения таит в себе немалую опасность. Непродуманная политика может привести к таким изменениям в системе ценностей, что окажется подорванным устойчивое воспроизводство демографических отношений, а тогда нельзя рассчитывать и на высококачественное, эффективное функционирование демографической системы, во имя которого и должна проводиться демографическая политика.

Не сознавая подобной опасности, нетрудно оказаться в классической ситуации героев С. Лема: исследователи Соляриса пытаются воздействовать на поведение непонятного, живущего по своим собственным законам мира, но их усилия приводят лишь к тому, что этот мир начинает мстить им столь же непонятным, сколь и жестоким образом. В XX в. сила людей не раз оказывалась больше их предусмотрительности. Экологическая ситуация, например, очень часто свидетельствует о том, что «победить» природу легче, чем ее сохранить. Об этом следует помнить и когда речь идет о демографической политике, т. е. о вторжении в святая святых социального организма, в ту область его жизнедеятельности, где обеспечивается поддержание самой непрерывности человеческого рода. Демографическая политика, воздействие на демографические отношения — мы снова подчеркиваем это — могут быть успешными и целесообразными, только если они не противоречат основным историческим тенденциям развития этих отношений, объективным закономерностям функционирования демографической системы. Как при постановке целей демографической политики, так и при выборе ее средств допустимо далеко не все, здесь не должно быть места волюнтаризму.

Как уже отмечалось, демографическая политика приобретает особое значение в период демографической революции. В это время она способна внести значительный вклад в решение поставленных самим историческим развитием задач разрушения старых и создания новых демографических отношений. На разных этапах перехода от старых демографических отношений к новым — по-разному на каждом этапе — сосуществуют, переплетаются, оказывают взаимное влияние, а иногда и яростно противостоят элементы жизни, быта, идеологии, культуры, органически связанные как со старыми, так и с новыми демографическими отношениями. Со временем первые вытесняются вторыми, но это вытеснение может происходить быстрее и медленнее, последовательно и непоследовательно. Демографическая политика может и существенно ускорить, и существенно замедлить исторически обусловленное движение (например, способствуя разрушению старых ценностей или, напротив, их консервированию).

Научно обоснованная демографическая политика всегда должна быть ориентирована на повышение качества функционирования демографической системы, которое несет с собой демографическая революция, всегда выступать на стороне движения от старого к новому, способствовать устранению промежуточных, нежизнеспособных форм (хотя, заметим, существует и опасность не оправданного реальным развитием забегания вперед). Но для того, чтобы проводить такую политику, надо ясно представлять себе направление исторического развития, видеть все движение, а не его отдельные, сменяющие друг друга этапы. Сейчас же, к сожалению, нередко необоснованная абсолютизация наблюдаемой в данную минуту демографической ситуации, недооценка подтверждаемых историческим опытом общих закономерностей ее формирования и развития, чрезмерное подчеркивание того особенного, что, конечно, всегда содержится в демографической истории каждого народа.

В разделе 3.5.2 уже упоминалось о том, что иногда ставится под сомнение объективная необходимость решения негативной задачи демографической революции в области рождаемости в Средней Азии и некоторых других районах СССР. В других случаях саму по себе эту необходимость признают, но отрицают допустимость проведения демографической политики, направленной

на решение этой задачи, как якобы противоречащей сути нашей социальной и национальной политики [92, с. 110]. Но разве переход к новым демографическим отношениям не в интересах прежде всего самих народов Средней Азии, Казахстана и других подобных районов? Ведь это — в высшей степени прогрессивный процесс, несущий с собой не просто повышение качества демографического функционирования, но и такие важнейшие положительные социальные сдвиги, как рост мобильности населения, изменение положения женщины и многое другое. Почему же тогда не способствовать ускорению этого уже начавшегося процесса с помощью мер демографической политики, дополняющей экономическую и социальную политику, проводящуюся в этих районах?

Нельзя проводить демографическую политику, направленную на снижение рождаемости, *вместо* социально-экономической политики. Снижение рождаемости в ходе демографической революции требует полного обновления демографических отношений, это, стало быть, проблема не техническая, не медицинская, а социальная, и потому она не может быть решена средствами одной только демографической политики. Но *вместе* с социально-экономической политикой, направленной на изменение всех отживших социальных отношений, демографическая политика может сделать многое. Она должна начинаться с отказа от идеализации привычных, освященных тысячелетиями, но безнадежно устаревших сегодня демографических отношений и ориентироваться в конечном счете на их полное устранение. Нам представляется, что такая политика не только теоретически допустима, но и на практике всегда проводилась и проводится в нашей стране, хотя не исключено, что лучшее осознание ее целей и методов способствовало бы и повышению ее эффективности.

По мере того как старые демографические отношения все более утрачивают свою силу, цели демографической политики изменяются, и на первый план выдвигается иная задача: всемерно способствовать становлению и укреплению новых демографических отношений, достижению ими зрелости. Но для того, чтобы проводить такую политику, надо знать, какое именно их развитие ведет к зрелости, в чем заключается эта зрелость. Здесь мы подходим к одному из узловых вопросов современной демографической науки, в котором отражаются в

концентрированном виде ведущиеся среди специалистов споры. В частности, именно в связи с вопросом о демографической политике большую актуальность приобретает дискуссия о механизмах социального управления рождаемостью, которой мы уделили так много внимания в третьей части нашей книги.

Если сторонники разных объяснений причин падения рождаемости, как правило (из которого, впрочем, есть и некоторые исключения), сходятся на том, что демографическая политика, направленная на ее повышение, нужна, то не все ли равно, как понимают они эти причины? Думается, что не все равно. Содержание демографической политики, ее методы или, во всяком случае, границы их применения в очень большой мере зависят от общей концепции происходящих с рождаемостью изменений.

Демографы, акцентирующие внимание на той стороне исторических перемен, которые приводят к разрушению старых демографических отношений, вынуждены конструировать меры воздействия на рождаемость как нечто «искусственное», не имеющее прообраза в современной действительности, иногда как некие суррогаты того, что существовало в прошлом. Отсюда уже упоминавшееся представление о том, что необходимая для простого воспроизводства «среднедетная» семья может поддерживаться только «искусственно, с помощью мероприятий демографической политики» [47, с. 186], и конкретные направления этих мер: «Только усиление экономических и социальных побуждений к рождению детей (не происходящее автоматически по мере социально-экономического прогресса) в рамках демографической политики способно остановить наблюдающееся сокращение рождаемости» [26, с. 17].

Если в только что цитированных словах слышится своеобразная ностальгия по прошлому (раньше экономические и социальные побуждения к деторождению существовали без всякой политики, а теперь без нее не обойтись), то есть и другая крайность, связанная с полным отрывом от прошлого и надеждами на совершенно иные, чем прежде, формы взаимодействия родителей и детей. Скажем, многие демографы видят один из главных инструментов демографической политики в области рождаемости в как можно большем развитии внесемейного воспитания детей.

Хотя и та, и другая точки зрения отражают определенные стороны реальных исторических изменений, нам кажется, что их сторонники склонны абсолютизировать эти отдельные стороны, недооценивая, с одной стороны, их «вписанность» в общий контекст переживаемых обществом и человеком перемен (все, а не только демографическое поведение людей становится управляемым по-иному, но не становится вовсе неуправляемым), с другой — сохраняющуюся специфичность демографического поведения, в частности его принципиальное отличие от экономического поведения.

Согласно нашей гипотезе зрелость новых демографических отношений связана с исторически обусловленным ростом разнообразия человеческих потребностей, уходящих своими корнями в тоже развивающуюся систему социальных ценностей. Внутри этой системы ценностей кристаллизуется «детоцентристское ядро», благодаря чему обеспечивается необходимая сбалансированность потребностей, в частности устойчивое место прокреационной потребности, как правило, способной выдерживать конкуренцию любых других потребностей. Подобная система ценностей на социальном и потребностей на индивидуальном уровнях означает, что и сами демографические отношения занимают среди других общественных отношений то место, которое соответствует их предназначению, задаче поддержания демографического равновесия.

Таков *идеал* зрелых демографических отношений современного типа. Но сегодня говорить об осуществлении этого идеала даже в странах, где в основном изжиты старые демографические отношения, в том числе и в нашей стране, пожалуй, рано. Как отмечалось, мы рассматриваем современный этап демографического развития СССР как период укрепления возникших сравнительно недавно демографических отношений, их совершенствования, движения к зрелости. Это движение, видимо, еще достаточно далекое от завершения, составляет главное содержание демографического развития СССР на современном этапе. Его ускорению во многом может способствовать демографическая политика.

Такая политика может быть по-настоящему успешной только в том случае, если она направлена непосредственно на достижение не количественных, а качественных целей, скажем, не того или иного уровня рождае-

мости, а определенной системы ценностей, которая в конечном счете обеспечивает длительную устойчивость объективно необходимого уровня рождаемости. Казалось бы, в этом согласны все демографы, в том числе и те, кто придерживается отличной от нашей точки зрения на механизмы детерминации рождаемости, сторонники «полезностной модели» и т. п. Они пишут о необходимости «добиться того, чтобы перестройка функций семьи не вела к усилению внесемейных ориентаций личности» [27, с. 268], о важности «оптимального сочетания воспитания детей в дошкольных детских учреждениях и в семье» [163, с. 206] и т. д., и мы готовы подписаться под каждым таким тезисом. Но когда дело доходит до более конкретных мер, предлагаемых этими же авторами, нам порой бывает трудно с ними согласиться.

«При прочих равных условиях уровень жизни в семье с тремя детьми не должен быть ниже, чем в двухдетной, а в двухдетной — не ниже, чем в однойдетной. Этим целям может послужить введение семейных надбавок или пособий при рождении второго, третьего и четвертого ребенка», — пишет А. И. Антонов [27, с. 268]. Вообще говоря, мы тоже хотели бы, чтобы пожелание А. И. Антонова насчет уровня жизни сбылось. Но сама идея эквивалентного обмена: мы вам (государству) ребенка, вы нам (семье) уровень жизни, не кажется нам слишком уж заманчивой. Будущее рождаемости внушало бы меньше беспокойства, если бы «при прочих равных условиях» родители были готовы пожертвовать — пусть до известного предела — уровнем жизни во имя рождения еще одного ребенка, считая самого этого ребенка и даже свою ответственность за него более важными жизненными ценностями, чем многие другие блага, вытекающие из более высокого жизненного уровня. Идея «дарового», полностью оплаченного государством ребенка доводит до абсурда требование социального равенства и в то же время противоречит исторической тенденции к повышению ответственности родителей за своих детей, заполненности их жизни детьми, всему тому, что мы называем детоцентризмом современной семьи.

Примерно то же самое можно сказать и по поводу энтузиазма, который вызывает у некоторых демографов ожидающийся ими расцвет внесемейного воспитания детей.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений важность детских учреждений, школьных и дошкольных как средства облегчения родителям, особенно матери, совмещения семейных ролей с внесемейными. Если исходить из того, что дети нужны семье все меньше и меньше и что в этом заключается историческая тенденция, то можно ориентировать демографическую политику на беспредельное расширение внесемейного воспитания, на почти полное изъятие ребенка из семьи вскоре после его рождения. Такие предложения, восходящие к старым идеям Платона или Кампанеллы (которые вопрос о деторождении решали более чем просто), встречаются и сейчас (когда сложность этого вопроса, казалось бы, достаточно осознана). Б. Ц. Урланис справедливо возражал С. Г. Струмилину, видевшему идеал в том, что каждый человек прямо из родильного дома направляется в детские ясли, за которыми следуют детский сад с круглосуточным пребыванием и школа-интернат — вплоть до начала самостоятельной жизни [177, с. 299—302]. Но мысль о том, что «решение демографических проблем развитого социалистического общества лежит на путях дальнейшего обобществления труда в сфере содержания и воспитания подрастающего поколения» [163, с. 206], жива и разделяется некоторыми авторами.

При значительном уровне богатства общества предложения сторонников неограниченного внесемейного воспитания экономически осуществимы. Но на демографическую эффективность такого пути, с нашей точки зрения, нельзя рассчитывать. Он способен только подорвать детоцентризм современной семьи и тем самым лишить прокреационную мотивацию ее главной основы. Он был бы уместен скорее в прошлом, до того переворота в положении детей в семье, о котором говорилось в разделе 3.4.2 (вспомним закрытые пансионы, в которых воспитывались дети зажиточных родителей). Сейчас же совершенствование демографических отношений требует развития и укрепления детоцентристской ориентации семьи, более полного осознания семейных ценностей, расширения внутрисемейного общения, возрастания роли семьи в жизни детей и роли детей в жизни семьи.

Предположим теперь, что демографическая революция завершена, утвердились новые демографические отношения, новая система управления рождаемостью пол-

ностью созрела, стала всеохватывающей и сохраняет длительную устойчивость. В этих условиях роль демографической политики становится совершенно иной: из инструмента, содействовавшего становлению новых демографических отношений, она превращается в средство поддержания их устойчивости.

Ранее мы высказали предположение, что развитие детоцентристской ориентации общества и семьи в принципе способно создать мотивационную основу для того, чтобы люди, оптимизируя свое поведение в условиях множества разнообразных потребностей и ограниченности ресурсов, обеспечивали в среднем объективно необходимые при низкой смертности прокреационные исходы. Казалось бы, коль скоро такая основа создана, демографическая система должна функционировать автоматически, и поддержание нужного уровня рождаемости не нуждается ни в каких специальных мерах, ни в какой особой политике.

Однако расчет на стихийный автоматизм едва ли может быть оправдан. Он характерен для капитализма и представляет собой следствие борьбы за ресурсы между различными сферами социальной жизни. Такой автоматизм неразрывно связан с движением по пути проб и ошибок, а значит, и с большими потерями. Ошибки осознаются задним числом и при капитализме далеко не всегда могут быть исправлены, ибо для этого требуется перераспределение приоритетов не в пользу тех сфер (экономической, политической, военной), за которыми стоят наиболее могущественные силы капиталистического общества. В любом случае стихийный автоматизм ведет к неустойчивости уровня рождаемости, его колебаниям, которые дают себя знать в дальнейшем на протяжении десятков лет, неблагоприятно влияя на самые различные стороны социальной жизни.

В обществе, где все пропорции складываются стихийно, и демографическая стихийность не оказывается чем-то из ряда вон выходящим, а связанные с ней потери могут рассматриваться как одна из разновидностей потерь, неизбежных при функционировании капиталистической социальной системы. Но планомерность развития социалистического общества не может мириться с преобладанием элементов стихийности в социальном управлении рождаемостью и с порождаемыми этой стихийностью потерями. При социализме значение демографи-

ческой политики после завершения демографической революции связано прежде всего с необходимостью ограничить роль стихийности в социальном управлении рождаемостью. Демографические последствия тех или иных экономических или социальных шагов и мероприятий необходимо знать наперед и учитывать при планировании и прогнозировании всего общественного развития, причем такой учет должен быть активным, включающим не только регистрацию того, что можно ожидать в демографической области, но и воздействие на эту область в нужном направлении. Обеспечение того, что можно было бы назвать «демографической грамотностью плана», становится в этих условиях главным звеном демографической политики. При этом имеется в виду не использование плановых рычагов для «приспособления развития народонаселения к потребностям производства» [85, с. 11], как иногда полагают, а нечто прямо противоположное. Планирование экономического и социального развития должно учитывать внутренние закономерности функционирования демографической системы, обеспечивать ее необходимыми ресурсами, ограждать от чрезмерного давления со стороны других социальных подсистем, особенно в тех случаях, когда такое давление создает угрозу подрыва или деформации сложившихся демографических отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальное управление воспроизводством населения — тема нашей книги и в то же время главная область интересов особой науки — демографии. Закljučая книгу, скажем несколько слов об этой науке и о нашем понимании ее задач.

Воспроизводство населения — сфера социальной реальности, играющая огромную роль в жизни каждого человека и всего общества. До поры до времени люди могут не осознавать сложной социальной организованности этой сферы, не видеть скрытых пружин, движущих человеческим поведением в ее пределах, даже не подозревать об их существовании. Но наступает момент, когда под влиянием разного рода исторических изменений приходит конец такому неведению. Знание принципа действия «скрытых пружин» приобретает практическое значение, общественная практика настоятельно требует умения ответить на постоянно возникающие вопросы. В чем причина тех или иных тенденций воспроизводства населения? Как предвидеть их будущее? Как на них воздействовать?

В поисках ответов на эти и подобные им вопросы — смысл существования демографической науки, ее предназначение. В этом сходятся все демографы. Но при конкретизации общих задач, определении центрального круга проблем, выборе направлений главных усилий возникает немало споров. В какой-то мере такие споры закономерны. Ведь понимание конкретных задач науки отражает представление о ее объекте, а эти представления могут быть разными у разных ученых. Да и общепринятые представления могут меняться по мере развития самой науки.

Новые подходы к определению задач демографической науки содержит и эта книга. Они вытекают из самой трактовки воспроизводства населения, из включения в его определение воспроизводства демографических отношений, на которое смещается центр тяжести

всего *демографического* понимания воспроизводственного процесса.

Не будет большим преувеличением сказать, что сейчас закономерности развития демографических отношений, их роль в социальном управлении воспроизводством населения все еще остаются *terra incognita* для общественных наук вообще и для демографии в частности. Это не только очень сильно ограничивает возможности общества активно воздействовать на демографические процессы, но серьезно обедняет всю систему представлений о функционировании и развитии социального организма. Среди множества социальных процессов, в своем сложнейшем переплетении образующих жизнь общества, вероятно, нет таких, которые не заслуживали бы внимания и изучения. Но в данном случае речь идет все же не о рядовом процессе, каких много, а об одном из самых важных, фундаментальном, основополагающем. Сложилось поистине парадоксальное для материалистического обществоведения положение: почти не уделяется внимания одному из двух видов материального производства человеческой жизни, на которых зиждется человеческое общество, и связанным с ним социальным отношениям и притом в период, когда в этом производстве и в этих отношениях совершаются небывалые в истории перемены.

Как ни странно, но в явной недооценке сферы «производства самого человека» в значительной мере повинны те, кто как раз и должен ее изучать, — сами демографы. Эта сфера кажется им слишком узкой, чтобы посвятить себя ей целиком. Демография должна, конечно, изучать размножение людей, воспроизводство населения «в узком смысле», соглашаются некоторые авторы, но это не составляет ее центральной задачи [158, с. 191]. Видимо, стремясь сделать свой вклад в науку более весомым, различные исследователи, будто соревнуясь между собой, трактуют сферу демографических процессов все более и более широко. В частности, имеется тенденция относить к этой сфере территориальные перемещения людей, более того, все «социальное движение», «совокупность всех изменений социальных признаков людей, переходы людей из одной социальной группы в другую» [158, с. 185—186]. Утверждается, что понятие «демографический процесс» значительно шире

понятия «социализация» [65, с. 21], что «демография захватывает в круг своего специфического интереса проблемы, которые... изучаются... социологией и педагогикой» [65, с. 20] и даже что именно демография («наука о самовоспроизведении населения») «явится действительной политической экономией коммунистического способа производства» [163, с. 189—190].

Чем длиннее ряд процессов, которыми хотят заниматься сторонники расширительного понимания задач демографии, тем более скромное место среди них отводится продолжению человеческого рода и обусловленным им демографическим отношениям. Поэтому при кажущемся быстром развитии демографии (практически за счет формального включения в нее научных направлений, сложившихся в рамках других наук) углубления знаний о демографических отношениях не происходит. Нам же кажется, что идти надо не вширь, а вглубь — по пути *превращения демографии в науку, изучающую демографические отношения* и не между делом, а в основном, с серьезностью, ответственностью и размахом, отвечающими их истинному месту во всей системе социальных отношений.

Не секрет, что классическая демография понимала свои задачи несколько иначе. На протяжении трехсот лет ее интересовала преимущественно лишь одна из сторон воспроизводства населения — физическое возобновление поколений, то, что и следовало бы назвать воспроизводством «в узком смысле», причем интересовала главным образом под углом зрения выявления количественных закономерностей этого процесса. Но у воспроизводства населения есть и другая важнейшая сторона — воспроизводство демографических отношений. Сейчас все более ясной становится задача создания «неклассической» демографии, изучающей обе стороны воспроизводства населения, т. е. его воспроизводство «в широком смысле».

Эта задача поставлена самой жизнью. Бурные перемены, которые происходят в сфере воспроизводства населения, но затрагивают все стороны развития общества и его жизнедеятельности, суть прежде всего перемены в демографических отношениях. Нельзя понять эти перемены, научиться учитывать их в общественной практике, активно воздействовать на демографические процессы, не развив должным образом теорию демографиче-

ских отношений, не исследовав их исторически определенных форм. Сейчас в движении к этой цели делаются лишь первые шаги. Успешность же всего движения зависит от того, как скоро демография перестанет «разбрасываться», претендуя на то, что ей заведомо не принадлежит, и сумеет сконцентрировать свои усилия на главном направлении.

Наша книга представляет собой попытку внести вклад в развитие демографической науки, понимаемой именно таким образом, — науки, изучающей обе стороны воспроизводства населения и проявляющей гораздо больший, чем прежде, интерес к анализу его качественной специфики, его глубинного социального содержания. Демографические отношения, их исторические, сменяющие друг друга типы, сам процесс их смены заняли центральное место в нашем исследовании проблем социального управления воспроизводством населения и сделали возможным то концептуальное истолкование реальных демографических явлений и тенденций, какое проводится в этой книге.

Автор стремился дать читателю представление о возможностях практического применения предложенного концептуального подхода для демографического анализа, демографического прогнозирования, определения основных направлений демографической политики. Но ни составление конкретных прогнозов, ни разработка конкретной программы действий, направленных на изменение демографической ситуации, разумеется, не входили в непосредственную задачу данного исследования. Оценивая практическое значение его результатов, не следует понимать эту «практичность» в узкоприкладном смысле. Именно потому, что сейчас происходит резкое расширение сферы практического применения демографических знаний, столь же резко повышаются требования к их глубине и фундаментальности, а демографы все лучше осознали, что и в их области нет ничего практичнее хорошей теории. На развитие такой теории и были направлены главные усилия автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4.
3. *Маркс К.* Нищета философии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4.
4. *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9.
5. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9.
6. *Маркс К.* Из экономических рукописей 1857—1858 годов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12.
7. *Маркс К.* К критике политической экономии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12.
8. *Маркс К.* наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19.
9. *Маркс К.* Капитал, т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
10. *Маркс К.* Капитал, т. 3.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II.
11. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I.
12. *Маркс К.* Вынужденная эмиграция.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8.
13. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.
14. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21.
15. *Энгельс Ф.* Письмо к Каутскому 1 февраля 1881 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35.
16. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?— Полн. собр. соч., т. 1.
17. *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3.
18. *Ленин В. И.* Рабочий класс и неомальтузианство.— Полн. собр. соч., т. 23.
19. *Ленин В. И.* Конспект книги Гегеля «Наука логики».— Полн. собр. соч., т. 29.
20. *Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма.— Полн. собр. соч., т. 45.
21. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
22. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
23. *Алиакберова Н. М.* Анализ современных тенденций рождаемости в Средней Азии.— В кн.: Региональные демографические исследования. Сб. научных трудов ТашГУ, № 548. Ташкент, 1978.

24. Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семей. — В кн.: Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974.
- 25. Антонов А. И. Потребность семьи в детях. — В кн.: Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
- ✓ 26. Антонов А. И. Изменение структуры и жизнедеятельности семьи. — В кн.: Молодая семья. М., 1977 (Народонаселение, вып. 18).
27. Антонов А. И. Социология рождаемости. М., 1980.
28. Араб-Оглы Э. А. Демографические и экологические прогнозы. М., 1978.
29. Аристотель. Политика. М., 1911.
30. Арутюнян Л. Н. Социалистический закон народонаселения. М., 1975.
31. Ата-Мирзаев О. Многодетная женщина. Социально-демографический анализ. — В кн.: Женщины на работе и дома. М., 1978 (Народонаселение, вып. 21).
32. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973.
33. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975.
34. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.
35. Бароян О. В. Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1962.
36. Бароян О. В. Судьба конвенционных болезней. М., 1971.
37. Бедный М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.
38. Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975.
39. Берельсон Б. Некоторые заметки о регулировании процессов народонаселения. — В кн.: Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
40. Бжилянский Ю. Некоторые экономические проблемы управления развитием народонаселения. — В кн.: Управление демографическими процессами. М., 1980 (Народонаселение, вып. 29).
41. Бирюков В. А. Сердечно-сосудистые заболевания и продолжительность жизни. — В кн.: Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979.
42. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
43. Бойко В. В. Малодетная семья: Социально-психологическое исследование. М., 1980.
44. Бондарская Г. А. Рождаемость в СССР: Этнографический аспект. М., 1979.
45. Борисов В. А. Использование коэффициента ГМЕР для характеристики уровня рождаемости — В кн.: Население и народное благосостояние. М., 1972 (Труды МЭСИ).
46. Борисов В. А. Возможность и границы социального контроля репродуктивного поведения семей. — В кн.: Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
47. Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976.
48. Боярский А. Я. Население и методы его изучения. М., 1975.
49. Буриева М. Формирование семьи в сельской местности Узбекской ССР. — В кн.: Люди в городе и на селе. М., 1978 (Народонаселение, вып. 24).
50. Валентей Д. И. Политика народонаселения и ее составляющие. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974.

51. *Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Социально-экономические проблемы народонаселения СССР в долгосрочной перспективе. — В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976 (Народонаселение).
52. *Валентей Д. И.* Проблемы управления процессами развития народонаселения. — Вопросы философии, 1978, № 2.
53. *Валкович Э.* О некоторых методологических аспектах определения целей политики народонаселения. — В кн.: Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. М., 1977.
54. *Винер Н.* Кибернетика и общество, М., 1958.
55. *Вишневский А. Г.* Население и производство. — В кн.: Модели демографических связей. М., 1972, с. 66—128.
- ✓ 56. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. — Вопросы философии, 1973, № 2.
57. *Вишневский А. Г.* Демографическая политика и демографический оптимум. — В кн.: Демографическая политика. М., 1974, с. 69—80.
58. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976, с. 240.
59. *Вишневский А. Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977, с. 105—134.
60. *Вишневский А. Г.* О мотивационной основе рождаемости. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979, с. 126—150.
61. *Вишневский А. Г.* Демографическая революция и будущее рождаемости и смертности в СССР. — В кн.: Наше будущее глазами демографа. М., 1979 (Народонаселение, вып. 26).
62. *Внуков Р. Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929.
63. *Волков А. Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
64. *Волков А. Г.* О необходимости воздействия на рождаемость. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976.
65. Воспроизводство населения в условиях развитого социализма, 1978.
66. *Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С.* Исследование кинетических закономерностей смерти людей в историческом аспекте. — ДАН СССР, 1979, т. 245, № 4.
67. *Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С.* Определение видовой продолжительности жизни. — ДАН СССР, 1979, т. 246, № 2.
68. *Гвишиани Д. М.* Организация и управление. М., 1972.
69. *Герасимов И. П.* Новые пути в геоморфологии и палеогеографии. М., 1976.
70. *Гуджабидзе В.* Пространственно-временная диффузия демографического перехода и прогнозирование естественного движения населения. — В кн.: Проблемы регионального демографического прогнозирования в системе народнохозяйственного планирования. Душанбе, 1979.
71. *Гузеватый Я. Н.* Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
72. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

73. Данилова И. Е. О категории времени в живописи средних веков и раннего Возрождения. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
74. Дарвин Ч. Соч. М., 1939, т. 3.
75. Дарвин Ч. Соч. М., 1953, т. 5.
76. Дажо Р. Основы экологии. М., 1974.
77. Дарский Л. Е. Детерминанты и факторы репродуктивного поведения. — В кн.: Демографическое поведение семей. Ереван, 1975.
78. Дарский Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости. — В кн.: Рождаемость (Проблемы изучения). М., 1976.
79. Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979.
80. Дарский Л. Е. Социально-демографические исследования проблем рождаемости. — Социологические исследования, 1979, № 3.
81. Диксон Р. Колебания возраста вступления в брак и доли никогда не состоявших в браке в странах разных культур. — В кн.: Брак и семья: Демографический аспект. М., 1975.
82. Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
83. Дубинин Н. П. Философские и социологические аспекты генетики человека. — Вопросы философии, 1971, № 1.
84. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.
85. Зверева Н. Объективная необходимость планомерного управления развитием народонаселения при социализме. — В кн.: Управление демографическими процессами. М., 1980 (Народонаселение, вып. 29).
86. Искусственное — увеличение видовой продолжительности жизни. I симпозиум. Тезисы докладов. М., 1978.
87. Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. М., 1978.
88. Каутский К. Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков, 1923.
- ✓ 89. Кваша А. Я. Этапы демографического развития СССР. — В кн.: Факторы рождаемости М., 1971.
90. Кваша А. Я. Проблемы демографического оптимума. Курс лекций, изд. МГУ. М., 1974.
91. Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М., 1974.
92. Кваша А. Я. Демографическая политика в СССР. М., 1981.
93. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981.
94. Кенз Ф. Избранные экономические сочинения. М., 1960.
95. Китагава Э. Социально-экономические различия в смертности в США и их значение для демографической политики. — В кн.: Изучение продолжительности жизни. М., 1977.
96. Княжинская Л. А. Рост населения и продовольственная проблема в развивающихся странах. М., 1980.
- ✓ 97. Козинцев А. Г. Переход к земледелию и экология человека. — В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980.
- ✓ 98. Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
99. Козлов В. И. Этническая демография. М., 1977.
100. Коли Г. Анализ популяции позвоночных. М., 1979.

101. *Комфорт А.* Биология старения. М., 1967.
102. *Кон И. С.* Открытие «Я». М., 1978.
103. *Кондорсэ Ж.-А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
104. *Коран М.*, 1963.
105. *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — Исторические монографии и исследования. Спб., 1887, т. 19.
- ✓ 106. *Коул Э. Дж.* Снижение рождаемости в Европе со времени французской революции до второй мировой войны — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
107. Краткий доклад о мировом демографическом положении в 1970—1975 годах и его долгосрочных последствиях. Демографические исследования № 56. ООН. Нью-Йорк, 1975.
108. *Кузьмин В. П.* Принцип систематичности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.
109. *Кулишер И. Н.* История экономического быта Западной Европы. М.-Л., 1931, т. II.
110. *Курман М. В.* Динамика среднего числа детей в семье в СССР. — В кн.: Подрастающее поколение: Демографический аспект. М., 1981 (Народонаселение, вып. 33).
111. *Лапин Н. И.* Социальные проблемы — ядро специализированной концепции глобального моделирования. — В кн.: Социологические аспекты глобального моделирования. М., 1979 (Сб. трудов ВНИИСИ, вып. 6).
112. *Лармин О. В.* Методологические проблемы изучения народонаселения. М., 1974.
113. *Левада Ю. А.* Социальные рамки экономического действия. — В кн.: Мотивация экономической деятельности М., 1980 (Сб. трудов ВНИИСИ, вып. 11).
114. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность. М, 1977.
115. *Лэк Д.* Численность животных и ее регуляция в природе. М., 1957.
116. *Макфедьен Э.* Экология животных. М., 1965.
- ✓ 117. *Мальтус Т.-Р.* Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
118. *Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
119. Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974.
120. Математика и кибернетика в экономике: Словарь-справочник. М., 1975.
121. *Мересте У. И.* Предмет и структура демографической науки и место исторической демографии. — В кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Таллин. 1977.
- ✓ 122. *Миронов Б. Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX—начале XX в. — В кн.: Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977.
123. *Муир К. С.* Доказательства эпидемиологии рака. — В кн.: Здоровье и окружающая среда. М., 1979.
124. Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1978.
125. *Наумова Н. Ф.* О системном подходе к исследованию целенаправленного поведения человека. — В кн.: Методология системного анализа, ч. I. М., 1978 (Сб. трудов ВНИИСИ, вып. 6).
126. *Наумова Н. Ф.* О системном описании целенаправленного поведения человека. — В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник, 1979. М., 1980.

127. *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955.
128. *Новик И. Б.* Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963.
129. *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
130. *Новосельцев В. Н.* Теория управления и биосистемы. М., 1978.
131. О видовой продолжительности жизни людей. — Вестник АН СССР, 1976, № 12.
132. *Овчаров В. К., Быстрова В. А.* Основные черты медико-биологических процессов в СССР и за рубежом. — Советское здравоохранение, 1981, № 2.
133. *Одум Ю.* Основы экологии. М., 1975.
134. *Омран О. Р.* Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения. — В кн.: Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
135. Основы теории народонаселения. М., 1973.
136. *Павлик З.* Некоторые теоретические вопросы политики народонаселения и их решение в Чехословакии. — В кн.: Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. М., 1977.
- ✓ 137. *Павлик З.* Проблемы демографической революции. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
138. *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
- ✓ 139. *Палли Х.* Некоторые характеристики развития семьи в странах Западной Европы XVII—XIX веков (по материалам зарубежных исследований). — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
140. *Пискунов В. П.* Некоторые гипотезы о связи рождаемости с уровнем благосостояния семей. — В кн.: Демографические тетради. Киев, 1969, вып. 1.
141. *Платон.* Соч. в 3-х томах. М., 1972, т. 3, ч. 2.
142. *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. М., 1889, кн. XXXVII.
143. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
144. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
145. *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение. М., 1966.
146. *Престон С.* Международное сопоставление чрезмерно высокой смертности взрослых. — В кн.: Изучение продолжительности жизни. М., 1977.
147. *Птуха М. В.* Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945.
148. *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.
- ✓ 149. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
150. *Риклефс Р.* Основы общей экологии. М., 1979.
151. *Рубичек В.* Использование моделей жизненного цикла для изучения структуры потребительских расходов семьи. — В кн.: Демографические проблемы семьи. М., 1978.
152. *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения в 3-х томах. М., 1961, т. 1.
153. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.

154. *Сакамото-Момияма М.* Сезонность и смертность человека. М., 1980.
155. Санитарно-демографические материалы зарубежных стран / Под ред. А. М. Меркова. М., 1959, вып. 1.
156. *Семенов Ю. И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974.
157. *Семенова-Тянь-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». — Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Спб., 1914, т. 39.
158. Система знаний о народонаселении. М., 1976.
159. *Сифман Р. И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.
160. *Сифман Р. И.* Детность по данным семейной переписи 1926 г. — В кн.: Демографическое развитие семьи. М., 1979.
161. Сколько детей будет в советской семье (Результаты обследования). М., 1977.
162. *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977, т. 1 и 2.
163. *Стещенко В. С.* Демография в современном мире. М., 1978.
164. *Стрелер Б. Л.* Время, клетки, старение. М., 1964.
165. *Таба Л.* Взаимосвязи между возрастной структурой, плодovitостью, смертностью и миграцией. Воспроизводство и обновление населения. — В кн.: Демографические модели. М., 1977.
166. *Татимов М. Б.* Развитие народонаселения и демографическая политика. Алма-Ата, 1978.
167. *Тацит К.* *Анналы*. Соч. в 2-х томах. Л., 1969, т. 1.
168. *Текше К.* Особенности рождаемости в Центральной и Южной Европе до первой мировой войны. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
169. *Токин Б. П.* О сопряженной эволюции явлений размножения, старения и смерти. — В кн.: 9-й международный конгресс геронтологов. Киев, 1972, т. 2.
170. *Токин Б. П.* О сопряженной эволюции явлений размножения, старения и смерти организмов. — В кн.: Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. Л., 1974, вып. 1, т. 83.
171. *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать? — Полн. собр. соч. М., 1937, т. 25.
172. *Томлин С. А.* Демография и социальная гигиена. М., 1973.
173. *Уатт К.* Экология и управление природными ресурсами. Количественный подход. М., 1971.
174. Управление развитием народонаселения в СССР. М., 1977.
175. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
176. *Урланис Б. Ц.* Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976.
177. *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.
178. *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М., 1978.
179. *Урланис Е. Б.* Демографическая политика в рабовладельческом и феодальном обществах. — В кн.: Вопросы демографии. М., 1970.
180. *Успенский Г. И.* Власть земли. — Полн. собр. соч. М., 1949, т. VIII.
181. *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1979.
182. *Фюстель де Куланж Н.* Гражданская община древнего мира. Спб., 1906.

- ✓ 183. *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе. — В кн.: Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979.
184. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В.* Биология человека. М., 1979.
185. *Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979.
186. *Хлопин Г. В.* Гигиена и санитария с исторической точки зрения. Спб., 1897.
187. *Хоменко А. П.* Семья и воспроизводство населения. М., 1980.
188. *Цеткин К.* Из записной книжки. — В кн.: Воспоминания о Ленине. М., 1957, т. 2.
189. *Шмальгаузен И. И.* Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968.
190. *Шукайло В. Ф.* К демоэкономической теории смертности. — Экономика и математические методы, 1978, № 2.
191. *Шукайло В. Ф.* О принципах математического отображения сущности процессов смертности. — В кн.: Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М., 1979.
192. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М., 1969.
193. Эпидемиология рака в СССР и США. М., 1979.
194. *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959.
195. *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
196. *Acsádi Gy., Nemeskéri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
197. *Agarwala Sh. N.* Mean ages of marriage and widowhood in India. — Proceedings of the International population conference. N. Y., 1961.
198. *Agarwala Sh. N.* Widowhood age and length of fertile union in India. — In: World views of population problems. Budapest, 1968.
199. *Ariès Ph.* Histoire de populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIIIe siècle. Paris, 1971.
200. *Ariès Ph.* L'homme devant la mort. Paris, 1977.
201. *Ariès Ph.* Two successive motivations for the declining birth rate in the West. — Population and Development Review, 1980, v. 6, № 4.
202. *Bergues H. e. a.* La prévention des naissances dans la famille. Paris, 1960.
203. *Biraben J.-N.* Sur l'évolution de la fécondité en Europe occidentale. — Conférence Démographique Européenne, Strasbourg, 1966, с. 1.
204. *Biraben J.-N.* Essai sur l'évolution du nombre des hommes. — Population, 1979, № 1.
205. *Birdsell J. B.* Some predictions for the pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers. — In: Man the hunter. Chicago, 1968.
206. *Bouchdiba A.* Islam et sexualité. Lille, 1973.
207. *Bourgeois-Pichat J.* Essai sur la mortalité «biologique» de l'homme. — Population, 1952, № 3.
208. *Bourgeois-Pichat J.* Future outlook for mortality decline in the world. — In: Population Bulletin of the United Nations, № 11, 1978.

209. *Caldwell J. C.* Toward a restatement of demographic transition theory. — *Population and Development Review*, 1976, v. 2, № 3—4.
210. *Carr-Saunders A. M.* The population problem. Oxford, 1922.
211. *Castellon R. H.* El comienzo de la revolucion demografica en Cuba. Habana, 1980.
212. *Chesnais J.-C.* L'effet multiplicatif de la transition démographique. — *Population*, 1979, № 6.
213. *Child G.* Man makes himself. London, 1941.
214. *Cipolla C. M.* The economic history of world population. Harmondsworth (Middlesex), 1962.
215. *Coale A. J.* Factors associated with the development of low fertility; an historic summary. — In: UN World Conference, Belgrade, 1965, N. Y., 1967, v. 2.
216. *Coale A. J.* The history of the human population. — *Scientific American*, 1974, v. 213, № 3.
217. *Deevey E. S.* The human population. — *Scientific American*, 1960, v. 203, № 3.
218. Determinants (the) and consequences of population trends, UN. N. Y., 1973, v. 1.
219. *Dublin L., Lotka A., Spiegelman M.* Length of life. N. Y., 1949.
220. *Dunn F. L.* Epidemiological factors: health and disease in hunter — gatherers. — In: *Man the hunter*. Chicago, 1968.
221. *Dupâquier J. et Demonet M.* Ce qui fait les familles nombreuses. — *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, 1972, № 4—5.
222. Family planning in Japan. Tokyo, 1970.
223. *Flandrin J.-L.* L'attitude à l'égard du petit enfant et les conduites sexuelles dans la civilisation occidentale. Structure ancienne et évolution. — In: *Annales de démographie historique*. Paris, 1973.
224. *Flandrin J.-L.* Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. Paris, 1976.
225. *Goubert P.* Cent mille provinciaux au XVIIe siècle. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. Paris, 1968.
226. *Hajnal J.* The marriage boom. — *Population index*, 1953, № 2.
227. *Hawthorn G.* The sociology of fertility. London, 1970.
228. *Henry L.* La fécondité naturelle. Observation, théorie, résultats. — *Population*, 1961, № 4.
229. *Henry L.* Fécondité des mariages dans le quart Sud-Ouest de la France de 1720 à 1829. — *Annales. Economies, Sociétés. Civilisations*, 1972, № 4—5.
230. *Henry L. Houdaille J.* Fécondité des mariages dans le quart Nord-Ouest de la France de 1670 à 1829. — *Population*, 1973, № 4—5.
231. *Himes N.* Medical history of contraception. N. Y., 1963.
232. *Keyfitz N., Flieger W.* World population. An analysis of vital date. Chicago-London, 1968.
233. *Khalatbari P.* Bevölkerungsdynamik und Gesellschaft. Berlin, 1977.
234. *Khalatbari P.* Zu einigen methodologischen und theoretischen Problemen der demographischen Transition. — *Wirtschaftswissenschaft*, 1978, 28, H. 6.
235. *Kitagawa E. M.* On mortality. — *Demography*, 1972, v: 14, № 4.
236. *Landry A.* La révolution démographique. Paris, 1934.

237. *Laslett P.* Introduction: The history of family. — In: Household and family in past time. Cambridge, 1972.
238. *Moheau.* Recherches et considérations sur la population de la France. Paris, 1778, t. 2.
239. *Morin E.* L'homme et la mort. Paris, 1976.
240. *Notestein F. W.* Population: The long view. — In: Food for the world. Chicago, 1945.
241. *Notestein F. W.* The population of the world in the year 2 000. — Journal of the American Statistical Association, 1950, v. 45, № 251.
242. *Pavlik Z.* Nástin populačního vývoje světa. Praha, 1964.
243. Population bulletin, 1977, № 3.
244. *Preston S. H., Keyfitz N., Shoen R.* Causes of death. Life tables for national populations. N. Y.—London, 1972.
245. *Preston S. N. Nelson V. E.* Structure and change in causes of death: an international summary. — Population Studies, 1974, v. 28, № 1.
246. Recent population trends and future prospects. UN World Population Conference, Bucharest, 1974, E/Conf. 60/3.
247. *Rosset E.* Eksplozja demograficzna. Warszawa, 1978.
248. *Rosset E.* Piąta faza przejścia demograficznego: regress ludności. — Studia demograficzne, 1980, № 3—4 (61—62).
249. *Thompson W. S.* Population. — The American Journal of Sociology, 1929, v. 34, № 6.
250. *Trebici V.* Typen der demographischen Transition in den Entwicklungsländern. — In: Demoökonomische Probleme der Entwicklungsländer. Berlin, 1979.
251. UN Demographic Yearbook. UN, N. Y.
252. *Višnevskij A. G.* Die Theorie der demographischen Revolution. — In: Bevölkerungstheorie und Bevölkerungspolitik. Berlin, 1981.
253. *Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1879, t. 25.
254. World Health Statistics Annual.
255. World population prospects as assessed in 1973. UN. N. Y., 1977.
256. World population trends and policies. 1979 Monitoring report, v. I, UN, N. Y., 1980.
257. World population trends and prospects by country, 1950—2000. Summary report of the 1978 assesment. UN. N. Y., 1979, ST/ESA/SER. R/33.

Именной указатель

- Август (Augustus)** 230
Агарвала Ш. Н. (Agarwala Sh. N.) 275
Алиакберова Н. М. 268
Андреев Е. М. 85, 269
Анри Л. (Henry L.) 276
Антонов А. И. 157, 158, 181, 260, 269
Араб-Оглы Э. А. 76, 80, 269
Ариес Ф. (Ariès Ph.) 100, 103, 191, 193, 223, 275
Аристотель 195, 269
Арутюнян Л. Н. 269
Ата-Мирзаев О. 269
Афанасьев В. Г. 269
Ачади Д. (Acsádi Gy.) 92, 95, 96, 275
Бароян О. В. 269
Барникот Н. (Barnicot N. A.) 275
Бедный М. С. 269
Белова В. А. 269
Берг Э. (Bergues H.) 275
Берельсон Б. (Berelson V.) 229, 269
Беринг Э. (Behring E.) 110
Бернар К. (Bernard C.) 18
Бирабен Ж.-Н. (Biraben J.-N.) 67, 275
Бирюков В. А. 269
Блауберг И. В. 269
Бойко В. В. 164, 269
Боккаччо Д. (Boccaccio G.) 98
Бондарская Г. А. 269
Борисов В. А. 157, 161, 207, 214, 233, 269
Ботеро Д. (Botero G.) 235
Боярский А. Я. 236, 269
Буржуа-Пиша Ж. (Bourgeois-Pichat J.) 83, 140, 141, 275
Буриева М. 142, 269
Бухдиба А. (Bouchdiba A.) 275
Быстрова В. А. 132
Бёрдселл Дж. (Birdsell J. V.) 53, 54, 275
Валентей Д. И. 269, 270
Валкович Э. (Valkovics E.) 270
Варгентин П.-В. (Wargentín P. W.) 166, 167
Виксель К. (Wicksell K.) 235
Винер Н. (Wiener N.) 160, 270
Вишневецкий А. Г. (Višnevskij A. G.) 270, 277
Внуков Р. Я. 270
Волков А. Г. 270
Вольтер (Voltaire) 200, 277
Гаврилов Л. А. 140, 270
Гаврилова Н. С. 140, 270
Гвишиани Д. М. 270
Герасимов И. П. 270
Гомперц Б. (Gompertz B.) 85, 120
Губер П. (Goubert P.) 107, 225
Гуджабидзе В. В. 207, 270
Гузеватый Я. Н. 270
Гуревич А. Я. 270
Даблдей Т. (Doubleday T.) 149
Данилова И. Е. 271
Данте (Dante Alighieri) 99
Дарвин Ч. (Darwin C.) 22, 271
Дажо Р. (Dajoz R.) 271
Дан Ф. Л. (Dann F. L.) 276
Дарский Л. Е. 156, 158, 214, 271
Деблин Л. (Dublin L.) 276
Демонэ М. (Demonet M.) 166, 167, 276
Дженнер Э. (Jenner E.) 109
Диви Э. (Deevey E. S.) 276
Диккенс Ч. (Dickens C.) 221
Диксон Р. (Dixon R. V.) 271
Дмитринева Р. М. 271
Достоевский Ф. М. 221
Дубинин Н. П. 143, 271
Дюпакье Ж. (Dupâquier J.) 166, 167, 276
Зверева Н. В. 271
Земмельвейс И. (Semmelweis I. F.) 110
Калатбари П. (Khalatbari P.) 5, 276
Кампанелла Т. (Campanella T.) 261
Карсаевская Т. В. 271

- Кастельон Р. (Castellon R. N.) 276
 Кастро (де) Ж. (Castro (de) J.) 149
 Каутский К. (Kautsky K.) 35, 36, 271
 Кваша А. Я. 45, 236, 270, 271
 Кейфиц Н. (Keyfitz N.) 276
 Келле В. Ж. 271
 Кеннон У. (Cannon W. B.) 19
 Кенэ Ф. (Quesnay F.) 167, 271
 Китагава Э. (Kitagawa E. M.) 133, 271, 276
 Княжинская Л. А. 271
 Ковальзон М. Я. 271
 Козинцев А. Г. 70, 271
 Козлов В. И. 178, 271
 Колдуэлл Дж. (Caldwell J. C.) 155, 193, 276
 Коли Г. (Caughley G.) 29, 271
 Кольбер Ж.-Б. (Colbert J.-B.) 230
 Комфорт А. (Comfort A.) 143, 272
 Кон И. С. 272
 Кондорсэ Ж. А. (Condorcet J. A.) 138, 139, 272
 Корнат Т. 108
 Костомаров Н. И. 272
 Коул Э. Дж. (Coale A. J.) 148, 202, 204—205, 272, 276
 Кох Р. (Koch R.) 110
 Кузьмин В. П. 272
 Кулишер И. Н. 272
 Курман М. В. 272
 Кэннан Э. (Cannan E.) 235
 Кэпп-Саундерс Э. (Carr-Saunders A. M.) 53, 276

 Ландри А. (Landry A.) 45, 46, 65, 216, 276
 Лапин Н. И. 272
 Лармин О. В. 5, 272
 Ласлетт П. (Laslett P.) 277
 Левада Ю. А. 272
 Лем С. (Lem S.) 255
 Ленин В. И. 36, 205, 243, 268
 Леонтьев А. Н. 272
 Листер Дж. (Lister J.) 110

 Лотка А. (Lotka A. J.) 23
 Лэкс Д. (Lack D.) 272

 Макиавелли Н. (Machiavelli N.) 235
 Макфедьен Э. (Macfadyen A.) 272
 Мальтус Т.-Р. (Malthus T.-R.) 198, 272
 Маркарян Э. С. 272
 Маркс К. 4, 5, 16, 36, 41, 48, 59, 60, 76, 161, 162, 164, 169, 177, 268
 Мейкхем У. (Makeham W. M.) 85, 120
 Мересте У. И. 8, 272
 Мессанс М. (Messance M.) 167
 Мечников И. И. 110
 Миронов Б. Н. 159, 179, 272
 Моо (Мохсау) 200, 277
 Мор Т. (More T.) 235
 Морэн Е. (Morin E.) 277
 Муир К. С. (Muir C. S.) 272
 Мэнсон П. (Manson P.) 110

 Наумова Н. Ф. 272
 Нельсон В. (Nelson V. E.) 111, 112, 277
 Немешкери Я. (Nemeskéri J.) 92, 95, 96, 275
 Неру Дж. 99, 273
 Новик И. Б. 273
 Новосельский С. А. 112, 273
 Новосельцев В. Н. 273
 Ноутстейн Ф. (Notestein F. W.) 46, 277

 Овчаров В. К. 273
 Одум Ю. (Odum E. P.) 22, 273
 Омран А. Р. (Omran A. R.) 273

 Павлик З. (Pavlík Z.) 5, 45, 232, 273, 277
 Паевский В. В. 206, 273
 Палли Х. Э. 273
 Пастер Л. (Pasteur L.) 109, 110
 Пискунов В. П. 273
 Платон 191, 235, 261, 273
 Плутарх 195
 Полибий 166, 273
 Поршнев Б. Ф. 5, 273

- Пресса Р. (Pressat R.) 273
 Престон С. (Preston S. H.)
 111, 112, 273, 277
 Птуха М. В. 273
- Р**
 Рашии А. Г. 273
 Рейнолдс В. (Reynolds V.)
 275
 Рентген В. К. (Röntgen
 W. C.) 110
 Риклефс Р. (Ricklefs R. E.)
 273
 Россет Э. (Rosset E.) 277
 Роубичек В. (Roubíček V.)
 165, 273
 Руссо Ж.-Ж. (Rousseau
 J.-J.) 195, 200, 221, 273
- С**
 Садвокасова Е. А. 273
 Сакамото-Момияма М. (Sa-
 kamoto-Momijama M.)
 274
 Семенов Ю. И. 38, 274
 Семенова-Тян-Шанская О. П.
 180, 274
 Сийес Э. Ж. (Sieyès E. J.)
 191
 Сифман Р. И. 274
 Сови А. (Sauvy A.) 149, 274
 Спигельмен М. (Spiegel-
 man M.) 276
 Стешенко В. С. 274
 Стрелер Б. Л. (Strehler
 B. L.) 274
 Струмилин С. Г. 261
- Т**
 Таба Л. (Tabah L.) 274
 Татимов М. Б. 215, 274
 Тацит К. (Tacitus C.) 166,
 274
 Текше К. (Tekse K.) 274
 Токин Б. П. 274
 Толстой Л. Н. 103, 274
 Томилии С. А. 274
 Томпсон У. (Thompson
 W. S.) 277
 Требичи В. (Trebici V.) 5,
 277
 Тэннер Дж. (Tanner J. M.)
 275
- У**
 Уайнер Дж. (Weiner J. S.)
 275
 Уатт К. (Watt K. E. F.) 274
 Удай Ж. (Houdaille J.) 276
- У**
 Урланис Б. Ц. 140, 166, 261,
 274
 Урланис Е. Б. 274
 Успенский Г. И. 179, 274
- Ф**
 Фландрэн Ж.-Л. (Flandrin
 J.-L.) 159, 193, 276
 Флеминг А. (Fleming A.)
 110
 Фляйжер В. (Flieger W.)
 276
 Фролов И. Т. 274
 Фролькис В. В. 143
 Фурье Ш. (Fourier Ch.) 149
 Фюстель-де-Куланж Н. (Fu-
 stel de Coulanges N. D.)
 274
- Х**
 Хаджнал Дж. (Hajnal J.)
 13, 198, 274, 276
 Хаймс Н. (Himes N.) 276
 Харрисон Дж. (Harrison
 G. A.) 275
 Харчев А. Г. 275
 Хауторн Дж. (Hawthorn G.)
 276
 Хлопин Г. В. 99, 275
 Хоменко А. П. 46, 275
- Ц**
 Цеткин К. (Zetkin C.) 275
- Ч**
 Чайлд Г. (Child G.) 276
 Чеботарев Д. Ф. 143
 Чепмен Р. (Chapman R. N.)
 22
 Чиполла К. (Cipolla C. M.)
 276
- Ш**
 Шаталов А. Т. 271
 Шене Ж.-К. (Chesnais J.-C.)
 74, 75, 276
 Шмальгаузен И. И. 20, 275
 Шоен Р. (Shoen R.) 277
 Шукраило В. Ф. 145, 146,
 275
- Щ**
 Щепаньский Я. (Szczepań-
 ski J.) 275
- Э**
 Энгельс Ф. 35, 36, 41, 177,
 192, 221, 268
 Эрлих П. (Ehrlich P.) 110
 Эшби У. Р. (Ashby W. R.)
 3, 87, 185, 244, 275
- Ю**
 Юдин Э. Г. 268, 275

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Брачность «европейская» 198—199, 202, 204, 208
 — традиционная 173—174
- Взрыв демографический современный 73—80
 — — эпохи неолита 68, 70—71
- Воспроизводство населения в широком и узком смысле 39, 265—266
 — — определение 7—8, 39, 264—265
 — — параметры режима 249
 — — экзогенные 10—15, 238
 — — эндогенные 11, 14, 16
 — — поле возможных режимов 14; 30, 49, 250
 — — режим 10—15, 31—32, 49—51, 230, 237, 245, 249
 — — типы исторические 43—46, 56, 66, 73, 244, 246, 249
 — — архетип 49—50, 52—58, 67—69, 171, 245
 — — определение 44—45
 — — основные 47, 49—50, 52, 74
 — — переходные 47, 49—52, 73—74
 — — современный (рациональный) 49—50, 61—65, 230—231, 249, 251
 — — традиционный 49—50, 59—61, 68—70, 245, 249, 251
- Гомеостаз демографический 15, 19, 40, 62
 — рождаемости 218
- Демография, демографический 3, 8, 264—265
- Детоцентризм, детоцентристская ориентация 188—197, 221—226, 259—262
 — и мотивационная основа рождаемости 188, 196, 223—226, 261—262
 — и современные демографические отношения 197, 225—226, 259, 261
 — противоречивый характер при капитализме 221—224
- Задача демографической революции негативная 210—213, 219—220, 256
 — — — позитивная 210, 216, 219—220, 256
- Индексы рождаемости 148, 202—203
- Исходы витальные 13, 81—89, 138
 — производственные (репродуктивные) 13, 31—33, 51—52, 152—153, 186—187
 — допустимые 32—33
 — демографические 13—15, 30, 54, 62, 231
 — прокреационные 13, 56, 147—154, 170, 184—186, 197, 223, 245, 262
 — разнообразие 14, 33, 51, 84, 147—148, 150, 170—171, 185—186, 245
- Кривая (функция) недемографического эффекта 237—239
- Кризис демографический 97—98, 107, 121, 180, 249

- Население как подсистема природы 9
- как синоним демографической системы 8
- Область демографической свободы 31—33, 50, 52, 151—154, 186—187, 216, 252
- — расширение в ходе демографической революции 56, 59, 90, 153—154, 168, 184—186, 251—252
- — — узость в прошлом 152—153, 161, 171, 180
- допустимых режимов воспроизводства населения (допустимых воспроизводственных исходов) 32—33, 152, 248—249
- Отношения биологические 9, 20, 28, 39, 42
- демографические архетипа 53—54, 58—59, 68, 94
- — воспроизводство 10, 39—40, 42, 44, 255, 264, 266
- — генезис 40, 242
- — двойственная роль 40—41
- — и внутренняя среда демографической системы 39—40, 234
- — и надстройка над ними 40—42, 54—55, 60, 91, 188, 234, 254
- — и производственные отношения 36—38, 105, 219, 225
- — и семейные отношения 37
- — и тип воспроизводства населения 44
- — и тип рождаемости 168, 184
- — как компонент образа жизни 41—42
- — как объект демографии 266
- — как объект демографической политики
- 228, 232, 234, 254—256, 258—259, 261, 263
- — как системообразующий фактор 9
- — определение 8—9, 36—37, 38—39, 44
- — переход от одного типа к другому 65, 90, 98, 103, 137—138, 154, 206, 210, 213, 232, 256, 258, 266
- — современного типа 65, 74, 106, 133—134, 138, 208—210, 217, 225—226, 259
- — соответствие условиям демографического равновесия 39, 44, 59
- — традиционного типа 59—60, 94—95, 107, 116, 125, 134, 182, 198, 213
- по детопроизводству 36, 154, 177
- Оптимум демографический 235—241
- — глобальный 239—240
- — динамический 237
- — локальный 238—239
- — статический 237
- Парадокс детской смертности 127—128
- Переход демографический 46—47, 74—75
- — профили 75
- Переходный мультипликатор 74—75
- Плодовитость потенциальная 148—150, 153
- реальная 30—31, 149—150, 152—153, 170, 183
- Поведение витальное 88, 106—107, 137—138
- демографическое, влияющее на рождаемость, его виды 150—152, 177, 188
- и свобода выбора 173, 177
- как объект демографической политики 229, 231, 234, 241

- как объект социального управления 39—40, 65, 172, 173, 180—181, 231, 242, 259
- и тип воспроизводства населения 56, 155, 215
- нормы 19, 53, 170, 177, 211
- ценностная обусловленность 242, 254
- матримониальное 150—152, 173—175, 177, 198, 201, 204
- половое 34, 150—152, 174, 177, 201
- прокреационное 150—159, 161—162, 168—169, 173—177, 183—188, 196—215, 223—226, 252
- Полезностная концепция (модель) управления рождаемостью 154—167, 260
- Политика демографическая 4, 6, 140, 225, 227—263
- — институциональность 227—228, 247
- — определение 228—229, 234, 247, 254
- — цели 140, 227, 235—254
 - демографичность 227—230, 247
 - инструментальный подход к определению 230, 235, 239—243
 - осознанность 222, 228, 247
 - ценностный подход к определению 230, 235, 242—243
- Потенциал биотический 22—25, 29, 30
- Потребность в детях 157—159, 164, 178, 181, 218
- прокреационная 186, 259
- Причины смерти 86, 97, 108, 115, 121, 130—133, 141
- — квазиэндогенные 86
- — структура 91, 108, 110—117, 126, 129, 137
- — экзогенные 86, 97, 101, 110—114, 122, 129, 133, 141
- — эндогенные 86, 110—111, 114, 122, 141
- Продолжительность жизни видовой 81, 85, 87, 139—141
- — — использование 81, 87, 120, 123, 139, 143
- — — — — увеличение 81, 87, 139, 143—145
- Равновесие демографическое 15—17, 19, 39, 44, 48, 56, 59, 60—63, 65, 73, 164, 173, 204, 216, 226, 244—246, 248—249, 259
- Размножение популяций в природе 20—28, 39, 43
- — — гомеостатичность 20, 22, 26, 28
- — — как биологически управляемый процесс 27—28, 39
- — — факторы, зависящие от плотности популяции 26—28, 53, 87
- — — факторы, не зависящие от плотности популяции 26, 87
- — — усложнение в ходе эволюции и ослабление зависимости от внешней среды 21—22, 28
- Рациональность поведения 64—65, 99, 155—157, 159, 162—163, 184, 187—188
- Революция демографическая 46, 49—50, 73
- — современная 56, 61, 65, 71, 73—80, 124, 127, 144—145, 197, 210—213, 215—216, 218, 220, 223, 225, 232, 249, 251, 256—257, 261, 263
- — эпохи неолита 52, 55, 57—58, 68—71, 170
- Регресс населения 79, 216, 223
- Рождаемость 7, 147—226

- архетипа 168
- внутрисемейное регулирование 160, 178, 199—203, 206—210
- исторические типы 154, 168—169
- мотивация 154, 157—158, 163, 168—169, 178, 188, 193, 196, 223—224, 226, 261—262
- современного типа 168, 184, 197—198, 201, 208, 210, 215—218, 226
- традиционного типа 168, 170—171, 183—184, 197, 201, 204
- цель управления 97, 152—154, 160
- Семья как орган управления рождаемостью 171—172, 177
- Система демографическая
 - 7—19, 42, 62, 149, 169, 238—256, 262
 - — закон развития 44
 - — и внешняя среда 15—19, 40
 - — и внутренняя среда 4, 18, 39—40, 234
 - — как подсистема общества 4, 7—9, 55, 152, 172, 188, 239, 243, 253
 - — как самовозрастающая 10—15
 - — как самоуправляющаяся 4, 15, 19, 164, 233—234, 251—252
 - — как целеустремленная 4—5, 18—19
 - — качественная специфика 240—243, 245, 248
 - — объективные требования функционирования 39, 147, 180, 228, 233
 - — определение 9
 - — элементы 9—10
- Системно-исторический подход 3—5
- Смертность 7, 81, 146
 - архетипа 92—96
 - дифференциация 124—126, 133, 136
 - интеграция 96
 - исторические типы 88—92, 101, 137
 - людей как качественно новое явление 88
 - сезонность 131, 136
 - современного типа 92, 105—107, 112, 115, 119—122, 125, 129—134, 137, 208
 - традиционного типа 92, 95—107, 112, 114, 116, 119, 131, 134, 174
 - факторы 84, 91, 121, 245
 - квазиэндогенные 85, 87
 - экзогенные 84—89, 120—122, 126—129, 133, 137—138, 140—141, 144—145
 - ограничение их действия 87—95, 98, 101, 107, 116, 119—121, 129, 139—140, 143—144, 245
 - эндогенные 84—88, 120, 126—127, 129, 141, 144—145
 - экзогенная 83, 89, 98, 106, 108—109, 119, 121, 127, 130, 140
 - эндогенная 83, 140
- Стабилизация демографическая 75—80, 212
- Управление 15
 - биологическое 20—28, 84, 87—88
 - социальное воспроизводством населения, демографическими процессами 5—6, 30, 39, 44, 51, 53, 60, 63, 76, 227, 241—242, 244, 246, 249, 264
 - как самоуправление, саморегулирование 15, 19, 39, 73, 164, 233—234, 251—252
 - контур 42—43
 - объект 42—43
 - субъект 42—43, 160, 228
 - — рождаемостью 73—74, 147—154, 157, 161,

- 168, 171, 177, 183, 198, 202, 204—205, 207—211, 216—221, 225, 252, 258, 261—263
 - как ограничение разнообразия прокреационных исходов 147, 150—154, 170—171, 185—186, 197
 - через брачность 198—199, 201, 208
 - — смертностью 81—92, 98, 113, 139—141, 143—146
 - как ограничение разнообразия витальных исходов 82—89
 - эффективность 89, 91—92, 95, 97, 101, 116, 120—121, 133, 141, 145, 150
- Функционирование демографической системы 4—5, 15, 90, 240, 254
- — — и демографические отношения 40
 - — — как объективный процесс, задающий цель управления, и его механизмы 19, 39, 43, 152, 160, 164, 177, 188, 228, 231, 233, 243, 255
 - — — качественный и количественный аспекты 243—244
 - — — качество 45, 90, 244—257
 - и демографическая политика 254—257
 - критерии 247, 262
 - — — ограничения 30—36, 90—91, 104
 - демографические 30—33, 39, 44, 57—58, 62, 90, 92, 104, 152—154, 216, 223, 248, 252
 - недемографические 30—33, 39, 56—57, 91—92, 104, 152—153, 170, 184, 248, 252
 - — — определение 10
 - — — результативность 247—248
 - — — рост сложности 231—232
 - — — управляемость 247—248, 251—253
 - — — устойчивость 29, 247—249, 251—252
 - — — экономичность 29, 247—252
 - — — эффективность 244
- Цель (функционирования) демографической системы 18—19, 50, 197, 243—244, 247
- прокреационная 196—197
- Цена простого воспроизводства 250—251
- Ценности демографические 184, 188, 223, 234, 242, 254
- терминальные 187—188, 193, 221, 223, 225, 242
- Экономический человек (Homo oeconomicus) 161, 240
- Эргодичности свойство 13, 18, 25

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть 1 Воспроизводство населения как социально управляемый процесс	7
1 1 Демографическая система	7
1 1 1 Население как подсистема общества	7
1 1 2 Население как самовозобновляющаяся система .	10
1 1 3 Демографическая система и внешняя среда Демографический гомеостаз	15
1 2 Биологическое управление самовозобновлением популяций в природе	20
1 2 1 Эволюция процесса самовозобновления биологических популяций	20
1 2 2 Биотический потенциал	22
1 2 3 Колебания численности популяций	24
1 3 Социальное управление воспроизводством населения	30
1 3 1 Демографические и недемографические ограничения	30
1 3 2 Демографические отношения	36
1 4 Исторические типы воспроизводства населения	43
1 4 1 Понятие исторического типа воспроизводства населения	43
1 4 2 Архетип воспроизводства населения и первая демографическая революция	52
1 4 3 Традиционный тип воспроизводства населения	59
1 4 4 Современный (рациональный) тип воспроизводства населения	61
1 5 Динамика численности человечества	65
1 5 1 Долгий путь к первому миллиарду	65
1 5 2 Современный демографический взрыв	73
Часть 2 Общество и смертность	81
2 1 Социальное управление смертностью	81
2 1 1 Управление смертностью как ограничение действия ее экзогенных факторов	81
2 1 2 Исторические типы смертности	88
2 2 Историческая тенденция повышения эффективности социального управления смертностью	92
2 2 1 От архетипа к традиционному типу смертности	92
2 2 2 Основные черты смертности традиционного типа	96
2 2 3 Социальные предпосылки преодоления традиционного типа смертности	101
2 2 4 От традиционного к современному типу смертности	107
2 3 Смертность на пороге третьего тысячелетия	119
2 3 1 Новейшие тенденции смертности	119
2 3 2 Перспективы снижения смертности и роста продолжительности жизни	138

Часть 3 Общество и рождаемость	147
31. Социальное управление рождаемостью	147
311 Множество прокреационных исходов	147
312 Поведение как главный фактор управления прокреационными исходами	150
313 Цель управления прокреационными исходами	152
32 Исторические типы социального управления рождаемостью	154
321. Полезностная модель управления рождаемостью	154
322 Концепция исторических типов рождаемости как альтернатива полезностной концепции	159
33 Рождаемость традиционного типа	170
331 Возникновение рождаемости традиционного типа	170
332 Нерасчлененность демографического поведения	172
333 Противоречия традиционного управления рождаемостью	177
34 Рождаемость современного типа	181
341 Демографическая свобода и рациональный выбор	184
342 Детоцентризм и мотивационная основа прокреационного поведения	188
35 Демографическая революция и будущее рождаемости	197
351 От традиционного к современному типу рождаемости	197
352 Негативная задача демографической революции в области рождаемости	210
353 Позитивная задача демографической революции в области рождаемости	216
Часть 4 Социальное управление демографическими процессами и демографическая политика	227
41. Сущность демографической политики	227
42 Инструментальный (количественный) подход к определению целей демографической политики	235
43 Ценностный (качественный) подход к определению целей демографической политики	242
44 Демографические отношения и демографическая политика	254
Заключение	264
Литература	268
Именной указатель	278
Предметный указатель	281